

ISSN 1813-6230

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

*Научно-теоретический и информационно-практический
межрегиональный журнал
Основан в 2004 году*

№ 1 (59) 2020

**LENINGRAD LEGAL
JOURNAL**

*Scientific-theoretical, information
practical journal
Founded in 2004*

№ 1 (59) 2020

УДК 34
ББК 67

Ленинградский юридический журнал № 1 (59)

Редакционная коллегия:

*С. Г. Еремеев (гл. редактор),
И. С. Кокорин (зам. главного редактора), О. В. Виноградов (отв. секретарь),
Н. В. Бугель, А. С. Емельянов, М. Ю. Павлик, В. Г. Павлов, К. В. Петров,
С. А. Роганов, М. В. Рыбкина, Е. В. Силина, О. Э. Старовойтова*

Редакционный совет:

*Н. А. Васильчикова, С. Б. Глушаченко, А. В. Егоров (Республика Беларусь),
В. П. Очередько, И. Ф. Покровский, В. Ф. Попондопуло,
М. Прохазка (Республика Чехия), Р. А. Ромашиов, В. М. Сырых, Ю. Б. Шубников*

Журнал издается четыре раза в год.
Подписной индекс АО «Агентство подписки и розницы»: 46786.

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС 77-69774 от 18 мая 2017 г.

Адрес редакции:
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10
тел. (812) 470-56-74; e-mail: lenjurmag@lengu.ru
Сайт журнала: <http://lengu.ru/pages/izdaniya-lgu-im-aspushkina/leningradskiy-yuridicheskiy-jurnal.php>

Полнотекстовая версия номеров журнала,
а также аннотации статей и ключевые слова на рус. и англ. яз.
доступны на сайте www.elibrary.ru

Отдельные статьи «Ленинградского юридического журнала» размещаются
в справочно-правовой системе Консультант Плюс <http://www.consultant.ru>

© Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина, 2020
© Ленинградский юридический журнал, 2020
© Авторы

Leningrad Legal Journal
№ 1 (59)

E d i t o r i a l b o a r d :

*S. G. Ereemeev (Chief editor),
I. S. Kokorin (Deputy Chief editor), O. V. Vinogradov (managing editor),
N. V. Bugel, A. S. Emelyanov, M. U. Pavlik, V. G. Pavlov, K. V. Petrov,
S. A. Roganov, M. V. Rybkina, E. V. Silina, O. E. Starovoytova*

A d v i s o r y b o a r d :

*N. A. Vasilchikova, S. B. Glushachenko, A. V. Egorov (Republic of Belarus),
V. P. Ocheredko, I. F. Pokrovskiy, V. F. Popondopulo,
M. Prochazka (Czech Republic), R. A. Romashov, V. M. Syrykh, Yu. B. Shubnikov*

The journal is published 4 times a year.
Subscription and Retail Agency: 46786.

Certificate of Registration:
ПИ № ФС 77-69774 from 18 May 2017

Mailing address:
196605, St. Petersburg, Pushkin, Petersburg highway, 10
tel. (812) 470-56-74; e-mail: lenjurmag@lengu.ru
Journal website: [http://lengu.ru/izdaniya-lgu-im-aspushkina/
leningradskii-yuridicheskii-zhurnal](http://lengu.ru/izdaniya-lgu-im-aspushkina/leningradskii-yuridicheskii-zhurnal)

Full-text articles are available on
the site: www.elibrary.ru

© Pushkin Leningrad State University, 2020
© Leningrad Legal journal, 2020

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

М. О. Акишин

«Правила службы на судах» 1698 г. – первый военно-морской устав
России эпохи Петра Великого.....8

М. В. Бабич

Вышние суды 1723 и 1736 гг. в истории правосудия
Российской империи26

А. В. Гоголевский

Учреждение Государственной думы 20 февраля 1906 г.: возможности
правительственного конституционализма и общественные ожидания....38

П. Н. Маюров

К вопросу о практике применения смертной казни
в Великобритании XIX в.45

Е. Н. Минченков

Развитие информационного законодательства
в современной России: к постановке проблемы.....52

В. Б. Наумов

Организационно-правовой анализ развития коммерческих
цифровых систем идентификации60

Р. А. Ромашов

Феномен конституции в новой и новейшей истории
Российского государства70

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Н. В. Бобракова, Л. А. Сухомлинова

Дисциплинарная ответственность государственных
гражданских служащих органов управления транспорта.....79

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Е. М. Андреева, С. В. Запольский

Отличительные признаки грантов и концепция
правового регулирования грантовой деятельности87

А. С. Варвенко, С. С. Желонкин, В. В. Жукавин

Теоретико-правовые положения о принципе добросовестности
в гражданском праве105

И. В. Бородушко, И. С. Кокорин

Институт деловой репутации субъектов хозяйственной деятельности:
взаимосвязь правовых и экономических аспектов.....114

<i>К. Б. Константинов</i>	
Правовое положение академии наук в сфере книгоиздательской и книготорговой деятельности во второй половине XVIII в.	124
<i>О. Г. Лазаренкова, Е. В. Алексеева</i>	
Оспаривание фиктивности документооборота: гражданско-правовые аспекты	131
<i>К. А. Тарасевич</i>	
Факторы формирования деловой репутации юридического лица	141
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	
<i>Е. А. Белоусова, Р. Г. Степанов</i>	
Об объекте и предмете преступлений, предусмотренных ст.193, 193.1 УК РФ	148
<i>Г. Ю. Сокольский</i>	
Ответственность за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования	153
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
<i>М. Ю. Павлик, Е. В. Токарева, О. Р. Шепелева</i>	
Сущность ограничений и запретов, налагаемых на обвиняемого, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста	161
Сведения об авторах	170

**LENINGRADSKIY
LEGAL
JOURNAL**

Scientific-theoretical and informative-practical journal

№ 1 (59)

2020

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF THE STATE AND LAW

M. O. Akishin

"Rules of Service on Ships" 1698 – the first naval charter of Russia
of the era of Peter the Great.....8

M. V. Babich

High Courts of 1723 and 1736 in the history of justice
of the Russian Empire.....26

A. V. Gogolevsky

The establishment of the State Duma on February 20, 1906: the possibilities
of governmental constitutionalism and public expectations.....38

P. N. Mayurov

To the question of the practice of the use of the death penalty
in Great Britain of the 19th century.....45

E. N. Minchenkov

The development of information legislation in modern Russia:
to the statement of the problem.....52

V. B. Naumov

Legal analysis of the development of commercial digital
identification systems.....60

R. A. Romashov

The phenomenon of the constitution in the new and modern history
of the Russian state.....70

CONSTITUTIONAL LAW

N. V. Bobrakova, L. A. Sukhomlinova

Disciplinary liability of civil servants of transport authorities.....79

E. M. Andreeva, S. V. Zapolsky

The features of grants and the concept of legal regulation of grant activities.....87

<i>A. S. Varvenko, S. S. Zhelonkin, V. V. Zhukavin</i>	
Theoretical and legal conditions of the principle of integrity in civil law.....	105
<i>I.V. Borodushko, I.S. Kokorin</i>	
Institute of business reputation of business entities: correlation of legal and economic aspects.....	114
<i>K. B. Konstantinov</i>	
The legal status of the Academy of Sciences in the field of publishing and bookselling in the second half of the XVIII century.....	124
<i>O. G. Lazarenkova, E. V. Alekseeva</i>	
Challenging the fictitious workflow: civil aspects.....	131
<i>K. A. Tarasevich</i>	
Factors of formation of business reputation of a legal entity.....	141
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	
<i>E. A. Belousova, R. G. Stepanov</i>	
On the object and subject of crimes provided for by Articles 193, 193.1 of the Criminal Code.....	148
<i>G. Yu. Sokolsky</i>	
Responsibility for unlawful influence on the result of an official sports competition.....	153
CRIMINAL PROCESS	
<i>M. Yu. Pavlik, E.V. Tokareva, O. R. Shepeleva</i>	
The essence of the restrictions and prohibitions imposed on the accused when choosing a preventive measure in the form of house arrest.....	161
<i>Information about the authors.....</i>	170

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

М. О. Акишин

«Правила службы на судах» 1698 г. – первый военно-морской устав России эпохи Петра Великого*

В статье доказывается, что «Правила службы на кораблях» были первым военно-морским уставом российского флота эпохи Петра Великого и применялись в 1698 – начале 1710 гг. в отношении иностранных морских специалистов, нанятых на службу в Россию. Являясь переработкой голландского дисциплинарного устава 1662 г., они оказали существенное влияние на становление административного и уголовного права военно-морского флота России.

The article proves that the "Rules of service on ships" were the first naval Charter of the Russian Navy of the era of Peter the Great and were applied in 1698-early 1710 in relation to foreign naval specialists hired for service in Russia. As a revision of the Dutch disciplinary Statute of 1662, they had a significant impact on the formation of administrative and criminal law of the Russian Navy.

Ключевые слова: Военно-морской флот России, «Правила службы на кораблях», военно-административное право, военно-уголовное право.

Key words: Russian Navy, "Rules of service on ships", military administrative law, military criminal law.

В современной науке общепризнано, что становление военно-морского флота России в начале XVIII в., как и флотов морских держав Европы XVI – XVII вв., было невозможно без нормативно-правового обеспечения этого процесса. Однако история становления военно-морского права России и роль в этом процессе «Правил службы на судах», представленных 26 января 1698 г. К.И. Крюйсом великим и полномочным послам Ф.Я. Лефорту «с товарищи», уже в течении двух столетий является предметом научных дискуссий.

© Акишин М. О., 2020

* Исследование подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. ГРАНТ № 20-09-42011.

Первым военно-морским уставом России стали артикульные статьи 1669 г. голландского капитана Д. Бутлера, командовавшего по указу царя фрегатом «Орел» в с. Дединове на Оке. С.И. Елагин и Ф.Ф. Веселаго считали, что артикульные статьи 1669 г. не применялись на практике и были практически забыты к концу XVII в. [1, с. 537–538; 3, с. 5–9].

С.И. Елагин выявил и ввел в 1859 г. в научный оборот «Правила службы на судах» («Артикулы» К.И. Крюйса) 1698 г., составленные, по его мнению, на основе голландского морского законодательства [3, с. 10–11]. Этот вывод подтверждался публикацией голландского флотского дисциплинарного устава от 17 сентября 1662 г., осуществленный В. Мельницким [5].

Проведя постатейное сравнение «Правил службы на судах» с «Инструкцией и Артикулами военными Российскому флоту» Петра I, опубликованных в апреле 1710 г., С.И. Елагин пришел к выводу, что «Инструкция» 1710 г. стала результатом редактирования «Артикулов» 1698 г. [3, с. 15–40]. Ф.Ф. Веселаго присоединился к этому мнению и, кроме того, доказал, что «Правила службы на судах» использовались при разрешении судебных дел военно-морскими «кригсрехтами» с 1702 г. до издания «Инструкции» 1710 г., т.е. были в это время действующим нормативно-правовым актом [1, с. 569].

В 1878 г. М.П. Розенгейм опубликовал «Артикул корабельный» 1706 г., который он выявил в «ручной книге» поручика И.И. Кожевникова, служившего в полку обер-коменданта Пскова и Нарвы К.А. Нарышкина [6, с. 103–104, 357–362]. Несмотря на то, что «Артикул корабельный» был выявлен в «ручной книге» армейского, а не морского офицера и не известны случаи его использования в практике военно-морских «кригсрехтов», это открытие оказало влияние на последующую историографию.

Историки права советского периода П.С. Ромашкин, Г.Я. Сальман и др. в условиях борьбы с космополитизмом обосновывали концепцию оригинального развития российского военного законодательства и незначительность влияния на него рецепции права стран Европы [2; 7; 9]. В частности, Г.Я. Сальман доказывал, что «Артикул корабельный» 1706 г. являлся переработкой «Артикульных статей» 1669 г., а затем уже сам оказал влияние на составление «Инструкции и Артикулов военных Российскому флоту» 1710 г. и Морского устава 1720 г. [9, с. 314] Этот подход сохраняет своих сторонников в современности. Так, известный историк Д.О. Серов считает, что начало военно-морскому законодательству Петра I положил «Артикул корабельный» 1706 г. [10, с. 167].

Значительный вклад в изучение военно-морского права Петра Великого внес П.А. Кротов. Он проанализировал источники составления Артикульных статей Д. Бутлера и пришел к выводу о том, что, хотя они «и следуют голландским положениям..., но изложены по памяти и применительно к стоявшим ... в России конкретным задачам». Относительно «Артикула корабельного» 1706 г. он установил «...прямую текстуальную зависимость от голландского дисциплинарного устава 1662 г.» [4, с. 664]. Роль «Правил службы на судах» в рецепции голландского права на становление военно-морского законодательства России П.А. Кротов обошел вниманием.

Думается, недооценка роли «Правил службы на судах» в становлении военно-морского законодательства России обусловлена тем, что они до сих пор не опубликованы в полном объеме. С.И. Елагин не ставил цели их публикации. Он проводил их сравнительное исследование с «Инструкциями и артикулами военные российскому флоту» 1710 г., размещая сначала артикул из первого документа, а затем – из второго. В результате он, во-первых, выпустил введение к «Правилам службы на кораблях»; во-вторых, исправил ошибку в тексте – пропуск арт. 29, вследствие чего изменил нумерацию последующих артикулов; в-третьих, присвоил 64 номер последнему артикулу, который в тексте не пронумерован; в-четвертых, допустил ряд сокращений в арт. 9, 13, 39, 57, 62; в-пятых, несколько упростил передачу отдельных слов (например, «никто» вместо «нихто», «матросы» вместо «матрозы» и т.д.).

Между тем анализ введения к «Правилам службы на кораблях», думается, позволяет разрешить сомнения в их применении на русском военно-морском флоте, которые сохранились вплоть до современности. Во введении, во-первых, была обозначена цель создания этого нормативного акта: «...к содержанию добраго государствования учреждения и воинскаго наказания в поведении морской войны к супротивлению общаго неприятеля, морских разбойников, к защищению его царского величества земель, тако же и добрых жителей и торговых людей, и торгующих на море».

Во-вторых, в введении сказано: «...царское величество хотел указать и повелевать ясно и подлинно всем адмиралом, вице-адмиралом, капитаном, поручиком, начальником, салдатом и рядовым матрозам, которые в службу его царского величества ... на море наниматися будут, дабы присягою обязать в сем уставы и статьи крепко содержать и содержать тщалися под пенею погрешения и наказания в тех содержанною». Иными словами, морские специалисты, нанятые во время Великого посольства, приносили присягу

именно в соответствии с «Правилами службы на кораблях», что было санкционировано Петром Великим уже в 1698 г.

Кроме того, в арт. 62 говорилось, что все иностранные морские специалисты, «...которые в службу его царского величества наниматься будут, которые при присяге и прочтении сих статей не были, ... тако ж де вышепомянутыми статьями обязаны да будут тако, как бы они при присяге их настоящие были».

Напомню, что в июне 1698 г. К.И. Крюйс в чине вице-адмирала российского флота отплыл из Нидерландов в Россию с 600 нанятыми Великим посольством моряками, мастерами и подмастерьями. Логично заключить, что все они были ознакомлены с «Правилами службы на кораблях», после чего принесли присягу на верность российскому самодержцу. В августе 1702 – 1704 гг. К.И. Крюйс по поручению Петра I совершил поездку в Голландию, где нанял еще несколько сотен специалистов, среди которых было не менее 96 морских офицеров и матросов [11, с. 11, 13, 43]. Думается, они также знакомы с «Правилами службы на судах», после чего приносили присягу. Важно отметить, что первый известный случай использования «Правил службы на судах» при рассмотрении дел в отношении иностранцев в «кригсрехте» на морском флоте России относится к 1702 г. [1, с. 569].

При сопоставлении «Правил службы на кораблях» и «Артикула корабельного» 1706 г. выясняется, что ст. 1 «Артикула корабельного» является переработкой арт. 2 «Правил», ст. 2 – арт. 3, ст. 3 – арт. 5, ст. 4 – арт. 7, ст. 5 и 6 – арт. 12, ст. 7 и 8 – арт. 14, ст. 9 – арт. 17, ст. 10 – арт. 19, ст. 11 – арт. 20, ст. 12 – арт. 21, ст. 13 – арт. 22, ст. 14 – арт. 25 и 26, ст. 15 – арт. 27, ст. 16 – арт. 28, ст. 17 – арт. 30, ст. 18 – арт. 34, ст. 19 – арт. 35, ст. 20 – арт. 36, ст. 21 – арт. 37, ст. 22 – арт. 38, ст. 23 – арт. 39, ст. 24 – арт. 40, ст. 25 – арт. 41, ст. 26 – арт. 42, ст. 27 и 28 – арт. 43, ст. 29 и 30 – арт. 46, ст. 31 – арт. 47, ст. 32 – арт. 48, ст. 33 – арт. 50, ст. 34 – арт. 51, ст. 35 – арт. 53, ст. 36 – арт. 64. Исходя из этого, «Артикул корабельный» 1706 г. являлся, скорее, не самостоятельным переводом и переработкой голландского дисциплинарного устава 1662 г., а сокращенным вариантом «Правил службы на кораблях».

Таким образом, «Правила службы на кораблях» 1698 г. были действующим в отношении иностранцев на русской службе и авторитетным в русской армии и на флоте нормативно-правовым актом, что позволяет поставить вопрос о их влиянии, а вернее, значении рецепции голландского права на развитие российского законодательства. В этой связи следует отметить, что особенностью «Правил службы на судах» является их военно-административный и военно-уголовный характер. Именно благодаря этому

нормативному акту в России начинает формироваться военно-морское административное и уголовное право.

В арт. 4 определялись военно-административные отношения на флоте: «Все и каждый особно обязаны да будут его царскому величеству... верно служить ... всегда готовы и ради да будут во всех походах и караулах и воинских намерениях ... без ленности и докучания поступати, или пред уреченным временем из службы не отлучатися, по какой причине то быти ни может без достойнаго отпуску». В арт. 6 устанавливалась единоличная власть капитана на корабле, которому «все порутчики, шиперы, штирмань, начальники и матрозы подданы».

В «Правилах службы на судах» впервые в российском законодательстве появились специальные уголовно-правовые термины – «преступление», «преступник» (арт. 28, 30, 32, 44, 53) устанавливалось различие между деяниями умышленными, неосторожными и случайными, предусматривалось повышение наказания к рецидивистам. В «Правилах службы на судах» устанавливались некоторые общеуголовные преступления. В арт. 1 – 3 были закреплены составы преступлений против веры, включая непосещение утренней и вечерней молитвы на корабле; смех, шум во время молитвы; поминание «имяни Божия в суе» и клятвы именем Божиим. Ответственность за политическое преступление предусматривалась арт. 21, в котором устанавливалось наказание за подготовку или участие в заговоре или бунте на корабле.

Значительную группу составляли преступления против жизни и здоровья. Для предотвращения «ссоры и брани» на корабле устанавливались запреты на пьянство (арт. 35), игру в кости и карты (арт. 36). Вводились санкции за драки на корабле («кулаком, палкою и веревками») (арт. 37), угрозы ножом и его использование в ссоре (арт. 38, 39), убийство (арт. 41). Имущественные преступления (кража денег и пожитков на корабле) предусматривались в арт. 53. Возможно, для предотвращения половых преступлений в арт. 52 каждому члену экипажа, «шляхетной и не шляхетной, большой и меньшей» запрещалось приводить женщин на корабль «под пенею наказания по властности дела».

В «Правилах службы на судах» впервые в истории русского права подробно регламентировали воинские преступления. Используя современный подход к их классификации, можно выделить их виды – против «верности и долга службы»; уклонение от военной службы; нарушения правил несения караульной службы; преступления, посягающие на порядок пользования военным имуществом; преступления против местного населения и др.

Преступления против «верности и долга службы» включали, прежде всего, военную измену, к которой, в частности, относилась тайная переписка с лицами, находившимися на стороне неприятеля. Этот состав был закреплен в арт. 22, которым запрещалось членам экипажа корабля принимать, передавать и отсылать «грамотки», получив же их, сразу передавать капитану, а он по осмотре «...при адмирале или вице-адмирале о том возвестить имеет». К этой группе преступлений относилась также трусость в бою. В арт. 46 предусматривалось, что во время боя все должны «...с своим учрежденным оружием объявиться и со всем прилежанием в своей четверти отпор чинить... Но кто, как нужда потребует, битися не станет, тот без всякия милости смертию казнен да будет».

Уклонение от военной службы включало, прежде всего, оставление военной службы (дезертирство). В арт. 8 офицерам и матросам, нанятым в русскую службу, предписывалось служить до получения «достойного отпуска» от адмиралтейских советников. В арт. 10 вновь повторялось: «Кто присягу чинил и денег на задаток принял, и без отпуску уйдет, тот да наказан будет на теле». Предусматривалась ответственность за неявку и опоздание на корабль по истечении четырех дней с того момента, когда «...в барабан бьют для подымания парусов» (арт. 28, 31).

Устанавливалась ответственность и за самовольную отлучку с корабля. Виновный, покинувший корабль на несколько часов в течение дня, наказывался штрафом; после выставления караула – «на 2 недели в железа посажен»; оставшийся целую ночь на земле – «без милости под корабль проволочен да будет» (арт. 12). Запрещались задержки на земле и на чужом корабле в походе тем, кто туда будет послан по приказу (арт. 33), самовольный уход с корабля во время плавания и после возвращения его в порт базирования (арт. 56, 61). Устанавливалась ответственность за опоздание при посадке в шлюпки и боты (арт. 18, 32).

Преступление против соблюдения правил воинской чести было предусмотрено в арт. 7, согласно которому: «Никто капитану или от него учрежденному никакова насильствования или утеснения угрозою чинити да не дерзает». Касательно преступлений, посягающих на порядок подчиненности, арт. 30 предусматривалось, что если кто-либо из экипажа будет отправлен на какую-либо корабельную работу и не исполнит ее, то «преступник того трижды от райны низвержен да будет» и заплатит штраф.

Значительное внимание в «Правилах службы на судах» уделялось преступлениям против правил караульной службы. Ее организация была поручена квартирмейстерам, которые были обязаны «...с людьми своєю четверти

так днем, так и ночью вверху быти и караул отправлять» (арт. 23). Во время несения караула запрещалось «...вон выходить ... покамест его другой не переменял» (арт. 25), спать на посту (арт. 26). В случае если кто-либо «...свою четверть или свой караул проспит, тот в первый ряд... наказан да будет. В другой ряд от всех корабельных людей биен. В третий ряд под корабль проволочен да будет» (арт. 27).

К нарушениям правил караульной службы также относились «...на постановленном карауле чуждым языком говорить или употреблять, или огненные знаки, или крику, или сполуху чинить, разве тогда, когда беда от неприятеля слышна будет» (арт. 19), самовольное хождение по караулу тех, кто должен спать после отбоя (арт. 20).

Преступления начальников по отношению к подчиненным регулировались в арт. 11: «...все, которые в службу приняты будут, сверх жалованья достойным пропитанием ествы и пития удовольствованы да будут... Ради того, дабы никто начальных людей, матрозов или солдатов для живности и пропитания никому насильства или утеснения не чинил».

Основы ответственности за преступления, посягающие на порядок пользования военным имуществом, устанавливались в арт. 13. Моряки должны были надзирать и хранить вверенное им имущество, составлять и подавать капитану его росписи, «...каждой за свой чин и дело стояти и о том отвечать имеет, а именно: шиперы и штирмань о том, еже к кораблю их принадлежит; констапели о пороху и свинцу и прочая».

Эта норма конкретизировалась по отношению к различным группам военно-морских специалистов. Констапели и матросы «под наказанием» не смели «...пороху, ядер, или иных воинских припасов спрятать, продать или на землю принести, либо в бочках или в рогах, платях, или инако» (арт. 14). Никто из экипажа корабля «...не дерзает ... констапельских, плотнических или иных снастей спрятать, откидать или отнять под пенею» (арт. 15). Плотники должны добросовестно выполнять свои обязанности, а если «...леностью их корабль поврежден ... все то у них из жалованья их вычесть» (арт. 16). Члены экипажа корабля должны были бережно относиться к своему оружию, а если кто-либо осмеливался его «продать или отдалить от себя», то подлежал телесному наказанию (арт. 60).

На корабле вводился контроль за продовольствием. Моряки не имели права «...пива непотребно пролити или живности [запасов] из карабля выкидать на землю, принести или продать» (арт. 48). Каждый должен был питаться со своим подразделением, не переходить есть в другое, «...ниже

некие ествы взяти и спрятать» (арт. 50). Запрещался насильный захват продовольствия «из запасных каморы» (арт. 51).

Устанавливались меры противопожарной безопасности. Запрещалось без разрешения капитана «на корабле с некими свечами бегать» (арт. 42). Для предостережения от пожара запрещалось самовольно разводить огонь на корабле, «матрозом и иным всем заказано тюфяков и подушек или мешков с соломою и мякиною наполненных, ниже сундуков, гарнцов, бочек и иных имети» (арт. 43). Курить на корабле разрешалось только до отбоя «между большим маштом и фокою, или где инде учреждено будет» (арт. 44).

В арт. 34 и 58 определялись преступления против торговых кораблей и гражданского населения России. В арт. 34 запрещалось «насильства чинить, бить или имении грабить» «жителей домашних» под страхом телесного наказания. В арт. 58 запрещалось без указа переходить на российские торговые и иные корабли, «насильства, драки, увечья, биения, ран и злых действий да не чинить и отчуждения их или унятием чего-нибудь от них чинити».

Определенное внимание в «Правилах службы на кораблях» уделялось соблюдению законов и обычаев войны на море. Запрещались «нападать, повреждать и утеснять» экипажам кораблей союзных или не враждебных России государств (арт. 54). Без приказа адмирала или командора флотилии капитан не имел права совершать десанты «на неприятельскую землю для добычи и полоняников» (арт. 55). В случае захвата пленных они должны были быть переданы адмиралу или советникам Адмиралтейства. При этом запрещалось отдавать пленных на выкуп без указа от них (арт. 59).

В «Правилах службы на судах» нет специальной статьи, определяющей цель наказания. Однако из содержания его норм можно сделать вывод, что целями наказания были укрепление дисциплины на флоте, устрашение и возмездие. В ряде случаев целью наказания было возмещение причиненного материального ущерба.

О карательном характере санкций «Правил службы на судах» свидетельствует жестокость наказаний. Смертная казнь предусматривалась за шесть составов преступлений: участие в заговоре или бунте (арт. 21), ведение тайной переписки с неприятелем (арт. 22), дезертирство (арт. 31), трусость в бою (арт. 46), убийство (арт. 41), пойманному на краже в третий раз (арт. 53). Убийство на корабле каралось демонстративно жестоко: виновный «жив с мертвым спина к спине вместе привязан и из корабля выкинут да будет», а на земле – «мечем до смерти наказан» (арт. 41).

Телесные наказания можно подразделить на членовредительские и иные. Членовредительские наказания были предусмотрены в двух случаях.

В арт. 38 за угрозу ножом предусматривалось следующее наказание: руку виновного тем же ножом прибавали к мачте «и так долго при том стояти имеет, покаместь он нож чрез руку протянет». В арт. 40 устанавливалось, что в случае если кто-либо примирится, а затем «на корабле битися станет, тот потеряти имеет руку, которою мир нарушил».

Иные телесные наказания также отличались жестокостью, некоторые из них не были ранее известны в русском праве. Прежде всего это – проволакивание под кораблем, к такой мере, в частности, приговаривались виновные в самовольной отлучке с корабля на целую ночь (арт. 12), квартирмейстеры в случае нарушения правил организации караульной службы (арт. 23). Наказание «трижды под корабль проволочен» предусматривалось за опоздание на корабль в момент отплытия (арт. 31), насильственный захват продовольствия «из запасныя каморы» (арт. 51) и др. Следующим необычным для России конца XVII в. наказанием было «низвержение» с райны. В частности, троекратное «низвержение» с райны предусматривалось за неисполнение корабельной работы (арт. 30), драку на корабле (арт. 37), ранение своего товарища в драке (арт. 39) и др.

К телесным наказаниям относилась порка (битье «пред машт ... от людей, из тоя четверти сущих»). К такому наказанию приговаривались виновные в шуме во время молитвы, употреблении «имяни Божия в суете» (арт. 2, 3), драке на корабле (арт. 37) и др. Наконец, к телесным наказаниям относилось «посажением в железа на ... пропитание воды и хлеба».

Имущественные наказания включали штрафы и вычеты из жалования. В «Правилах службы на кораблях» штрафы назначались как в валюте европейских стран – гульденах, шиллингах и штиферах, так и в российской – ефимках, полуефимках. Например, за пропуск утренней или вечерней молитвы в первый раз налагался штраф в четыре, второй – восемь штиферов (арт. 1). За самовольный уход матроса на землю – в полуефимок (арт. 12). За самовольное разведение огня на корабле, пронос на корабль «тюфяков и подушек или мешков с соломою и мякиною наполненных, ниже сундуков, гарнцов, бочек и иных» – в размере вычета месячного жалованья (арт. 43).

Наказания в «Правилах службы на судах» часто означались в неопределенных выражениях («под наказанием», «под наказанием телесным», «под пенею по властности дел без милости»). Право выбора наказания, т.е. его индивидуализация, было предоставлено капитану корабля. Согласно арт. 5, свою военно-уголовную и дисциплинарную власть капитан корабля осуществлял через военную полицию – профоса и его подчиненных.

К.И. Крюйс осознавал, что «Правила службы на кораблях» страдают пробелами. Свой нормативно-правовой акт он закончил абзацем, в котором говорилось: «Все иные потребные и обыкновенные, хотя еще здесь непомянутые и не постановленные, однако ж при морской войне обыкновенны и в старых временах употребленные статьи, по случаю времени учреждены, умножены и к сим приложены быть могут».

Подведем итоги. «Правила службы на кораблях» в 1698 – начале 1710 гг. были первым военно-морским уставом российского флота эпохи Петра Великого и действующим нормативно-правовым актом в отношении иностранных морских специалистов, нанятых на службу в Военно-морской флот России. Являясь переработкой голландского дисциплинарного устава 1662 г., они оказали существенное влияние на становление административного и уголовного права Военно-морского флота России.

* * *

В приложении осуществляется первая полная публикация «Правил службы на кораблях» 1698 г. по переводу, хранящемуся в фонде 150 («Дела о выездах иностранцев в Россию») Российского государственного архива древних актов. При публикации сокращенные слова под титлом или без него раскрываются, выносные буквы вносятся в строку без выделения. Мягкий и твердый знаки, правила пунктуации употребляются согласно современному правописанию. Буквенная цифирь передается арабскими цифрами.

Приложение. 1698 г., 26 января. Правила службы на судах («Арктикулы» К. Крюйса)

//245// Перевод с галанского письма с статей, каковые великим и полномочным послом Францу Яковлевичу Лефорту с товарищи подал галандец капитан Корнило Креус. В нынешнем 206-м году, генваря в 26 день, в Амстердаме.

Понеже к содержанию добраго государствования учреждения и воинскаго наказания в поведении морской войны к супротивлению общаго неприятеля, морских разбойников, к защищению его царского величества земель, тако ж де и добрых жителей и торговых людей, и торгующих на море от учрежденных советников изволением его вышепомянутого царского величества за благо и полезно разсуждено сии последующие статьи учреждати и уставити. И того ради его вышепомянутое царское величество хотел указать и повелевать ясно и подлинно всем адмиралом, вице-адмиралом, капитаном, порутчиком, начальником, салдатом и рядовым матрозам, //245об.// которые в службу его царского величества правительством порутчиков адмиралов его вышеупомянутого величества на море наниматися

будут, дабы присягою обязать в сем уставы и статьи крепко содержать и содержать тшались под пенею погрешения и наказания в тех содержанною.

1. Капитан-порутчик, или кто правительство иметь будет, по вся дни, по утру и ввечеру, на своем корабле или на кораблях к Господу Богу молитися да повелит. И к тому каждой на урочное время готово да будет под наказанием четырех штиверов в первой ряд. В другой ряд – вдвое. И в третий ряд под посажением в железа на неделю и пропитанием воды и хлеба.

2. Все, которые во чтение Божия слова //246// и при молитве, смеянием, шумлением или непригожством недостойно или нечестно оказываются, те без мотчания пред машт поставлены и от людей, из тоя четверти сущих, биты да будут. Сверх того, под наказанием шелинга профосу.

3. Никто имяни Божия в суе во устах не употребляет и при том не кленется под наказанием постановления пред машт и биения от людей из своая четверти сущих. Сверх того, под наказанием даяния двух штиверов нищим и 6 штиверов профосу.

4. Все и каждый особно обязаны да будут его царскому величеству, тако ж де и всем иным, которые к правительству //246об.// от вышепомянутого царского величества учреждены суть, верно служить и слушать и все исполнить, еже им ради его приказано будет. Всегда готовы и ради да будут во всех походах и караулах и воинских намерениях и инде, каким именем то не именуется без ленности и докучания поступати, или пред уреченным временем из службы не отлучатися, по какой причине то быти ни может без достойнаго отпуску. И то все под наказанием тела и имения по властности погрешения без милости, яко же и то пространнее в последующих статьях изображено будет.

5. Никто тако ж де не дерзает гевалтигеру профосу и слугам его или иным профосам, на том корабле поставленным, ни каким образом противления им не чинить или в исполнении чину //247// ему не противится, бить или грозить. Но ему в исполнении своего чину во время нужды, по прошению их, вспоможение чинить и злодеев поймать и наказывать тщательно под наказанием телесным.

6. Все порутчики, шиперы, штирманы, начальники и матрозы подданы быти имеют капитаном своим, каждый на своем корабле, на котором он назначен и учрежден, от того не отстать, или без позволения капитана от того отлучитися под наказанием телесным.

7. Никто капитану или от него учрежденному никакова насильствования или утеснения угрозою чинити да не дерзает под наказанием телесным.

//247об.// 8. Все капитаны, начальные люди и иные матрозы, которые в службу вступили, обязаны да будут его царскому величеству служить по тех мест, пока господа советники изволят. И из своей службы не отстати дондеже им от вышепомянутых советников достойным отпуском то дозволено будет под наказанием телесным.

9. Вольно да будет господам его царского величества советником, тако ж де порутчиком адмиралом [на мори или на земле сущим] некоторые люди отпустить,

их всех купно или отчасти, от единого корабля на другой поставить, как они сие за благо и к службе его царского величества полезно разсудят. И для того никто //248// им противиться или отрицаться да не будет под потеряннем своего жалованья, и сверх того, по разсуждению, под наказанием телесным.

10. Кто присягу чинил и денег на задаток принял, и без отпуску увидет, тот да наказан будет на теле.

11. Тако же и все, которые в службу приняты будут, сверх жалованья достойным пропитанием ествы и пития удовольствованы да будут, которые им даны да будут от капитана каждого корабля, таким образом, как на воинских кораблях обыкновенно. Ради того, дабы никто начальных людей, матрозов или солдат для живности и пропитания никому насильства или //248об.// утеснения не чинил под наказанием посажения в железа на неделю и пропитанием водою и хлебом. Но аще кто тем пропитанием удовольствован быти не хочет, тот адмиралу, вице-адмиралу или порутчикам да возместит, дабы по достоинству тем удовольствован быти возмог.

12. Аще без ведома и позволения на землю пойдет, из которя четверти кто ни есть, тот, когда он после кушанья на корабль придет, ествы и пития просити не имеет. И сверх того наказан будет полуефимком, из котораго половина нищим, а другая половина профосу дана да будет, или по разсуждению капитана иным образом наказан быти имеет. А кто по выставленном карауле, разве что он до того времени нарочное позволение от капитана имеет, тот сверх //249// самосудительного наказания на 2 недели в железа посажен. Кто же на корабль не возвратится и целую ночь на земле останется, тот без милости под корабль проволочен да будет.

13. Тако же и каждой за свой чин и дело стояти и о том отвечать имеет, а именно: шиперы и штирманы о том, еже х кораблю их принадлежит; констапели о пороху и свинцу и прочая, каждой о своем. А будет случится, что леностью и упрямством их некая шкода чинится, животы или имения потеряют. Или непотребне издержаны будут, тот оное исправить и заплатить имеет по цене советников. И сверх того каждой, которому надзиране или сохранение какое неких корабельных потребностей //249об.// поверено, до дому пришед, обязан да будет своему капитану по достоинству роспись давати о всем, еже он принял и где издержано и к чему употреблено было и что еще от того осталось под пенею, что никто с тех никакова жалованья и доли того приняти не имеет, покаместь он своя росписи и счету своему капитану не вручит и чрез капитана советникам не отдал и о всем по достоинству ответу не дал и дабы корабельныя потребности лучшим надзираньем издержаны были. И того ради ни начальник, иной кто, несколько тех издержати да не дерзает, кроме с ведома и подлинного позволения капитана под наказанием, как в сих статьях изображено будет.

14. Никто начальных людей, констапелев, //250// матрозов или иной кто да не дерзнет пороху, ядер, или иных воинских припасов спрятать, продать или на землю принести, либо в бочках или в рогах, платях, или инако под наказанием.

15. Каждый да не дерзает никто констапельских, плотнических или иных снастей спрятать, откидать или отнять под пенею по властности дел без милости.

16. Все плотники, которые в службу воинских кораблей нанимаются, обязаны да будут те плотничать, починивать и от втечения воды сохранить и все в тех исправляти, сколько их возможности есть, под наказанием //250об.// того, что егда ленью их корабль поврежден, или здесь на земли что-нибудь плотничать надлежати будет, еже они на море исполнити возмогли, все то у них из жалованья их вычесть. И они, по разсуждению, наказаны быти имеют. Тако ж де и они, когда корабли на земли плотничаны и починованы будут, обязаны против земских плотников работать, под наказанием, как выше сего помянуто.

17. Все констапели и матрозы обязаны да будут свою четверть караулить и при соцце стоять, в шлюпах сидеть, //251// кордел или веревки, шкотены и галсы в осмотрении иметь и управлять, под наказанием.

18. Тако ж де, когда квартирмет кричит: «Фал! Фал!», дабы им в шлупы сесть. Тогда тот, кто в том погрешит на две недели в железа посажен да будет и хлебом, и водою питан да будет, и сверх того по шти штиверов профосу дати имеет.

19. Никто да не дерзнет на постановленном карауле чуждым //251об.// языком говорить или употребляти, или огненные знаки, или крику, или сполоху чинить, разве тогда, когда беда от неприятеля слышна будет, под телесным наказанием.

20. Никто на поставленном карауле сесть или бдети, да не дерзает, но тот час на свою постелю да пойдет под наказанием посажения в железа на 4 дни и пропитанием хлеба с водою.

21. Тако ж де никто заговор или бунт учинить да не дерзает, либо на земли, или на корабле, по какой причине то быти не может, под наказанием тела и живота, по власности дел. И есть ли кто о таком заговоре //252// и бунте проведал или в том в согласие прошен был, тот обязан да будет без медления капитану или советнику возвестить под телесным наказанием. А будет случится, что един из тех заговорщиков или бунтовщиков приидет и о тех начинателях ведомо чинит, тот не токмо из того наказания свободен да будет, но сверх того за воздаяние по 25 гулденов получить имеет. А есть ли иной, кроме тех бунтовщиков, о том проведал и их открыл бы, тот за воздаяние по 50 гулденов получить имеет и сверх того в первой чин, к чему он угоден будет, возвышен будет.

22. При сем никто грамоток некоторых принять или отдати, или их далее послати да не дерзнет, кроме в прибытии капитана, которой прежде осматривать и при адмирале или вице-адмирале о том возвестить имеет под наказанием виселицы.

//252об.// 23. Тако ж де и квартирмейстеры обязаны да будут с людьми своєю четверти так днем, как и ночью вверху быти и караул отправлять под наказанием проволочения под корабль.

24. Тако ж де и квартирмейстеры обязаны да будут вверх приитить, когда люди кушают. И во осмотрении имети, дабы каждому ества принесена была. И чтоб ничего не пропало. И остальные есты паки назад принять и в ботеллерию [запасную камору] отнесть. И прочь не отходить до тех мест, пока люди откушают. Под наказанием.

25. Тако ж де и никто с караула вон выходить да не дерзает, покаместь его другой не переменил, под наказанием трижды проволочения под корабль //253// и биения от всех корабельных людей.

26. Тако ж де, хто на карауле спящий обретається, тот наказан да будет.

27. Кто свою четверть или свой караул проспит, тот в первый ряд, по разсуждению капитана и начальных людей, наказан да будет. В другой ряд от всех корабельных людей биен. В третий ряд под корабль проволочен да будет.

29¹. Егда в барабан бьют для подымания парусов, тогда и каждой, по учиненному смотру и взятию денег, 4 дня по помянутом смотре и взятии денег на корабль итить имеет. Кто в том преступати будет, и знатных причин, и позволения от своего //253об.// капитана не имеет, тот наказан да будет.

30. Будет в пристанищах или на реках некая корабельная работа приключится, а именно: живности, или запасы, или иныя потребности нагружать, тогда те, которые к тому назначены суть, свой указ исполнить имеют под наказанием сим, что преступник того трижды от райны низвержен да будет. И ему, сверх того, по 2 шиленги платити надлежит 2/3 нищим и долю профосу, которому указано о том доброй щет держать, ради того, дабы те пенные деньги при расплате каждаго вычтены были.

31. Тако ж де и каждой обязан да будет рано на корабль приитить, когда поднимают парусы, под наказанием. Которой те корабли отплыти //254// допустит и не объявится на корабле в пору, тот трижды под корабль проволочен да будет. Но хто на земли останется и корабли без него отплывут, тот без милости петлею наказан да будет, разве что никакими мерами переменить нельзя было. Для того капитаны обязаны да будут гевалтигеру профосу с первыми приходящими кораблями о том ведомо чинить, дабы те пойманы и по вышепомянутому обычаю наказаны были.

32. Тако ж де, когда бот или шлюп с людьми для привезения запасов или инде где ни есть послан будет, тогда никто да не дерзает на земли, или инде где ни есть, остатца, но обязаны да будут с приездом бота на корабль паки возвратиться под наказанием для того преступления.

//254об.// 33. Тако ж де аще хто от начальных своих на землю или на иные корабли послан будет, тому больши остатца не надлежит, нежели ему приказано, разве что он от погоды и ветра помешан был, под наказанием.

34. Нихто да не дерзает жителем домашним насильства чинить, бить или имении грабить под телесным наказанием.

35. Тако ж де и капитаны, их начальные люди, матрозы и солдаты между собою ссоры и брани да не имеют под наказанием по властности дел и по разсуждению адмирала. И понеже из пьянства большие беды происходят и того ради каждому, либо начальнику, или иному кому-нибудь, мы накрепко закажем пьяному на кораблях //255// обретатися под наказанием, что те начальники, которые пьяни обретаются, в первой ряд на две недели в железа посажены будут, и матросы на

¹ Так в тексте.

неделю в железа посажены да будут. И в другой ряд, по разсуждению адмирала или капитана, под которого правительством пьянство объявилось, наказаны да будут.

36. Тако ж де для унятия всякия причины несоединения или недружбы игроанием костей и карт ни хто да не дерзает или иных снастей обманам на корабль принести под самосудительным наказанием.

37. Кто дерзает другу злым умыслом: кулаком, палкою и веревками бить, тот трижды от райны низвержен или единою четверть людей биен да будет.

38. Кто на корабле злым умыслом на кого нож вынимает, //255об// тот нож чрез руку при маште прободен да будет и так долго при том стояти имеет, покаместь он нож чрез руку протянет.

39. Кто товарища поранит, либо на земли, или на море, тот трижды под корабль проволочен да будет и протори, и за лечьбу лекарю заплатити имеет.

40. Кто между миром или по постановленному миру на корабле битися станет, тот потеряти имеет руку, которою мир нарушил.

41. Кто другаго до смерти поколет, убьет, тот жив с мертвым спина к спине вместе привязан и из корабля выкинут да будет. А будет то на земле случится, мечем до смерти наказан да будет.

//256// 42. Ни хто да не дерзает на корабле с некими свечами бегать. Разве, что он от капитана к тому назначен и учрежден был. Под самосудительным наказанием.

43. Для удобнейшаго стерезения от беды огня и пожару на кораблях, ни хто огня на корабле раскласть не имеет. И матрозом и иным всем заказано тюфяков и подушек или мешков с соломою и мякиною наполненных, ниже сундуков, гарнцов, бочек и иных имети, или на корабль принести. Разве подлинным позволением капитана. Под потерянием единого месячнаго жалованья.

44. Тако ж де ни хто табаку пити, или при вечере с свечою, или фитилем в кабелную камору ходить не имеет. Преступники от воинских советников по достоинству //256об// наказаны да будут. И нигде табаку пити не надлежит, кроме между большим маштом и фокою, или где инде учреждено будет под вышепомянутым наказанием.

45. Кто при работе или в бою на корабле поранен или застрелен будет, тот лечен будет на [...] ² проторях и сверх того жалованья сполна ему дано да будет. А будет случится, что хто-нибудь при том состав какой потеряет и поврежден будет, тому по случаю и власности вреда воздаяние чинено да будет.

46. Все которые [...] ³ жалованье берут, должны да будут, во время нужды с своим учрежденным оружием объявиться, и со всем прилежанием в своей четверти отпор чинить под телесным наказанием. Но хто, как нужда потребует, битися не станет, тот //257// без всякия милости смертию казнен да будет.

47. Ни хто некия пушки выстрелити или трогать или в пороховую камору входить не имеет, кроме констапеля и тех пушкарей, которые ему к помощи назначены

² В тексте оставлен пробел.

³ В тексте оставлен пробел.

суть, под казнию проволочения трегубнаго под корабль и под потеряннем 1-го месячнаго жалованья.

48. Нихто пива нипотребно пролити или живности [запасов] из карабля выкидать на землю, принесть или продать не имеет под телесным наказанием.

//257об.// 49. Нихто тем в железа посаженным людем ествы и пития давати не имеет под потеряннем 1-го месячнаго жалованья и сверх того пропитанием его с водою и хлебом на неделю.

50. Тако ж де и ни хто от артелоя, где ему кушать надлежит, ходити и к другой приходит имеет, ниже некие ествы взяти и спрятать, под пенею наказания без милости по разсуждению капитана и советников ево.

//258// 51. Ни хто тако ж де да не дерзнет ествы и пития из запасныя каморы силою взяти, и советом и делом к тому вспоможение чинить под наказанием тресугубнаго проволочения под корабль и биения от всех корабельных людей.

52. Нихто, шляхетной и не шляхетной, большой и меньшей, жены на корабль привесть не имеет под пенею наказания по властности дела.

53. Хто чьи деньги и животы покрадет, тот оные четверократно отдати должен //258об.// да будет. И за первый ряд, по разсуждению, наказан да будет. А если в другой ряд в том преступлении пойман будет, тогда он, по вышепомянуго награждению, под корабль проволочен и сотнею ударами биен. В третий ряд без милости смерти казнен да будет.

54. Тако ж де нихто на чуждих кораблях пришедшим или отшедшим людем от мест или к местам, которые с нами в союзе есть, недружбы никакие да не чинить и нападать, повреждать и утеснять да не дерзает и ни по какому образу того чинити да невозможен под телесным наказанием. Разве подлинным позволением адмирала или начальников.

//259// 55. Капитан и иной нихто на неприятельскую землю для добычи и полоняников выходить не имеет без повеления и ведома адмирала или своего комендора.

56. Тако ж де, когда карабли в пристанища входят, нихто без позволения капитана или при небытности его от учрежденного вместо его на землю ходити не имеют под потеряннем своего уже выслуженного жалованья.

57. А будет случатся некие карабли или добычи от неприятеля взяти, тогда нихто сундуков и ящиков //259об.// разламывать и грамоток разсматривать не имеет. Но те адмиралу или в небытность его вице-адмиралу, или комендору вручены да будут, которой те немедленно, безопасно и верно без убавления послати имеет адмиралу и учрежденным советникам Адмиралтейства к месту, где его царское величество или советники его обретатися будут, того ради, дабы от них за прямые или за непрямыя свободные объявлены или на государя отписаны были. А будет случится, что единому или большому капитаном от адмирала для сохранения и безопасности неких взятых животов и кораблей и иных вещей приказано будет, и тогда они тако ж де обязаны да будут те переслать без всякаго приказа //260// адмиралов и вице-адмиралов при другом караване обретающихся под пенею наказания.

58. Тако ж де никто на торговые и на иные корабли без подлинного указу и учреждения своего капитана переходить да не имеет. Тем же кораблям насильства, драки, увечья, биения, ран и злых действий да не чинить и отчуждения их или унятием чего-нибудь от них чинить да не дерзает. Под пенею наказания по властности дела.

59. А будет случится, что полоняники //260об.// взяты будут, тогда никто их утаить или схоронить не имеет, но оных без всякого договору пред адмирала или комендора поставить, или его царского величества советником вручить имеют, дабы они по власности дел о всем распрашиваны были. И никакие полоняники испулены да не будут без ведома адмирала или учрежденного советника адмиральства, под пенею.

60. Никто своего оружия заложить, продать или отдалить от себя да не имеет под телесным наказанием.

//261// 61. Тако ж де никто без позволения капитана или в небытии того, без порутчика, на землю ходити да не имеет под пенею. В первый ряд низвержения от райны. В другой ряд, сверх того низвержения, потерением первого месячного жалования к прибыли его царского величества.

62. Все матрозы, салдаты и иные, которые в службу его царского величества нанимаются будут, которые при присяге и прочтании сих статей не были, а после того написаны и его царского величества //261об.// деньги приняли тако ж де вышепомянутыми статьями обязаны да будут тако, как бы они при присяге их настоящие были.

63. При взятии месячного жалованья, каждый довольные поруки дати должен, да будет к удовольствованию его царского величества советников, к тому учрежденных.

64. Никто на корабль табаку или вина к продаже принесть не имеет под потерением того и сверх того под наказанием по случаю времени. И при таких погрешениях //262// никакое признание ни разньство чинено да будет. И четвертая доля того наказания профосу и остаток к прибыли его царского величества взят да будет.

Все иные потребные и обыкновенные, хотя еще здесь непомянутые и не постановленные, однако ж при морской войне обыкновенны и в старых временах употребленные статьи, по случаю времени учреждены, умножены и к сим приложены быть могут. Которые учрежденные статьи толь совершенно во осмотрении держать и исполнить надлежит, сколько х каждому принадлежит, как все капитаны, порутчики, дворяне, шиперы, начальники, //262об.// салдаты и матрозы и иные все, большие и меньшие, которые в службу его царского величества на море нанимаются, обязаны суть те благо и верно содержать и для того достойную присягу чинить, под рукою его царского величества учрежденных советников или иных к тому учрежденных, да будут.

РГАДА Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 245 – 262 об. Перевод с подлинника.

Опубликовано с сокращениями: Елагин С.И. Материалы для истории русского морского законодательства. СПб., 1859. Вып. 1. С. 16–40.

Список литературы

1. Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. – СПб.: Тип. Демакова, 1875. – Ч. I. – 701 с.
2. Волков Е.Т. Первый морской устав российского флота // Военно-ист. журн., 1968. – №5. – С. 113–116.
3. Елагин С.И. Материалы для истории русского морского законодательства. – СПб.: Тип. Морск. м-ва, 1859. – Вып. 1: 1669 – 1720 гг. – 53 с.
4. Кротов П.А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. – 744 с.
5. Мельницкий В. Голландское морское законодательство // Морской сб. – 1855. – №9. – С. 185–205.
6. Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. – СПб.: Тип. М. Эттингера, 1878. – 387 с.
7. Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. – М.: РИО ВЮА, 1947. – 96 с.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 150, дела о выездах иностранцев в Россию (коллекция).
9. Сальман Я.Г. Морской устав 1720 г. – первый свод законов российского флота // Ист. зап. 1955. – Т. 53. – С. 310–322.
10. Серов Д.О. Военно-уголовное и военно-процессуальное законодательство России первой четверти XVIII в. (опыт систематического обозрения) // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – №2. – С. 165–173.
11. Титлестад Т. Царский адмирал Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого. – СПб.: Рус.-Балт. Информ. центр «Блиц», 2003. – 168 с.

Статья поступила 19.02.2020 г.

**Вышние суды 1723 и 1736 гг. в истории
правосудия Российской империи**

В статье рассматривается становление и юрисдикция Высших судов Российской империи 1720 – 1730-х гг., эволюция понимания их места в системе правосудия в государственно-правовой мысли и судебной практике этого периода. Основной акцент при этом делается на анализ правового статуса и деятельности Вышнего суда по «делу» князя Д.М. Голицына.

The article examines the formation and jurisdiction of the highest courts of the Russian Empire in the 1720s and 1730s, and the evolution of understanding of their place in the justice system in the state-legal thought and judicial practice of this period. The main focus is on the analysis of the legal status and activities of the High court in the «case» of D.M. Golitsyn.

Ключевые слова: комиссия, правосудие, законность, «пункты», «форма суда».

Key words: commission, justice, rule of law, «paragraphs», «form of the court».

При определении правового статуса Вышних судов 1720 – 1730-х гг. в отечественной науке XIX в. сложилась концепция, по которой они были обычными для эпохи комиссиями, малозначительными уже по признаку закрытия с исполнением – на правах так называемых подчиненных учреждений – всегда единичных властных поручений. Никем по сути не обоснованная, эта концепция никем и не оспаривалась вплоть до рубежа XX – XXI вв., когда началось изучение петровских комиссий как особого института коллежской системы. В ходе его и был впервые печатно установлен (автором настоящей статьи) факт, что известный по «Истории» С.М. Соловьева [17, с. 444–451] Вышний суд (далее: ВС) 1723 г. на самом деле относился к высшему звену государственного аппарата и за несколько отпущенных ему лет приобрел черты его постоянно действующего элемента.

Так, открытый 9 января после «ссоры» в Сенате его члена бар. П.П. Шафиров с обер-прокурором Г.Г. Скорняковым-Писаревым (опротестовавшим его неподобающее поведение в присутствии и «иные дела противные»), он не был ликвидирован по осуждению к лишению чинов, титула, имения и жизни сенатора и вице-канцлера (помилованного на эшафоте). Заседания составлявших его 5 – 10 «сенаторов, генералитета, штап и обор афицеров от гвардии» продолжились слушаниями, хотя и нерегулярными, других «дел» по шедшим здесь следствиям. Иногда они имели политический подтекст (об обер-фискале А.Я. Нестерове, камергере В. Монсе, наказном гетмане П.Л. Полуботке), но в большинстве касались рядовых должностных злоупотреблений и хищений казны, которые изначально оформлялись в собственной канцелярии, а затем и частично готовились в приданных ВС Московской и Петербургской конторах. По их поводу и, реже, по поводу жалоб на нижестоящие суды ВС как иерархически равный переписывался с Сенатом и Синодом «ведениями», а в «коллегии и канцелярии» посылал «указы», после смерти императора ограничив свою деятельность взысканием ранее наложенных штрафов [2, с. 19–22; 3, с. 187–190].

К тем же выводам о положении, устройстве и функционировании ВС пришли М.О. Акишин и Д.О. Серов, которые стремились также вписать его в систему судебной реформы Петра I. М.О. Акишин, в частности, доказывал, что создание ВС в 1723 г. было вызвано необходимостью «судебного присутствия, не уступающего Сенату по статусу», для «рассмотрения крупных дел о должностных преступлениях» [1, с. 21].

Д.О. Серов, детально анализируя фрагментарно уцелевшую после Московского пожара 1737 г. документацию и выявив 29 приговоров, вынесенных ВС на момент упразднения 14 марта 1726 г., интерпретировал его как «специализированный суд, призванный рассматривать дела... в преступлениях против интересов службы». И заключил, что скорый конец высшего органа, долженствующего увенчать реформирование «Петром I юстиции», был предопределен нерешительностью императора, который отказался закрепить исключительно за ним «ревизионно-решающие полномочия» относительно остальных [16, с. 316–331; 12, с. 66–70].

Не вступая в критику суждений Д.О. Серова, подчеркнем, что, сетуя на нереализованную – т. е. якобы существовавшую – альтернативу превращения ВС 1723 г. в прямого предшественника Верховного суда Российской Федерации, он не уделял внимания его гораздо более близким по всем параметрам последователям, не будучи в этом одинок, так как очень многие привыкли видеть между реформами Петра I и Екатерины II некий глухой

провал, в течение которого могли происходить одни контрреформы и прочая порча великого наследия.

Разумеется, даже глубоко консервативное по своей сути историческое сознание способно изменяться, заставляя пересматривать и отдельные стереотипы живописания 1730-х гг. как мрачнейшего десятилетия. В том числе и прославленный низвержением признанного вождя аристократической оппозиции кн. Д.М. Голицына ВС 1736 г., который Д.А. Корсаков еще в 1879 г. монографически описал с точки зрения типичной для политических процессов XVIII в. расправы самодержавия с выдающимися людьми под надуманными предлогами, в данном случае – замешанности в сомнительный имущественный спор [8].

Комментарий А.Н. Филиппова о начале «ведения обстоятельных журналов Сената» ровно вследствие его акта от 1 января 1737 г. [6, ч. 1, с. 2], который выводил «неправильное» решение сенаторами «дела вдовы княгини Настасьи Кантемировой с пасынками ее» – прежде всего из пренебрежения записью в журнал «самого нужнейшего» секретарского представления «по Уложенному пункту, чтоб без суда никого не винить» [11, т. X, № 7143], – резонанса в научной среде не получил. Но после открытия Н.Н. Петрухинцевым взаимосвязи между ВС 1736 г., который 29 ноября официально учреждался, чтобы «то дело рассмотреть вновь» [11, т. IX, № 7113], и неудачными попытками общей оптимизации судопроизводства (посредством как не вышедшего за рамки проекта указа, так и активизации трудов над новым Уложением) [10, с. 943–944] произошедшую на переломе аннинского правления акцию нельзя и далее оценивать как судебный фарс в прикрытии «наслаждения доброты» до протагониста «кондиций» 1730 г.

Для ее кардинальной переоценки приведенных наблюдений, конечно, недостаточно. Да и при комплексном обращении к архивному и печатному наследию ВС 1736 г. их сперва удалось дополнить лишь наблюдениями о стимулированной им кампании за рост качества секретарского корпуса и канцелярского делопроизводства. И еще о личностном потенциале правительственных кругов и персональных ролях (начиная с самой носительницы верховной власти) их представителей в осуществлении своей инициативы, которую до получения желаемых результатов тщательно скрывали от «общественности» [4, с. 36–48]. Предпринимаемая ныне попытка характеристики обеих ВС в русле развития судебной системы – еще один шаг в названном направлении путем переосмысления давно воссозданных и заново обнаруженных эпизодов, определяющих содержание и значение позднейшего из них. Источниковой базой исследования стали, соответственно,

материалы ВС 1736 г., которые ныне хранятся в РГАДА [14, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 189, ч. 1–3]. Ввиду как объема этого комплекса (в почти 1,5 тыс. л.), так и его подробного анализа в статье «Суд над князем Д.М. Голицыным» [4], ссылки на его листы – за вычетом впервые упомянутых здесь фактов – опущены.

Порученное ВС 1736 г. «кантемирово дело» имело своим предметом длившуюся с 1724 г. борьбу вдовы бывшего молдавского господаря (она же дочь фельдмаршала кн. И.Ю. Трубецкого и будущая принцесса Гессен-Гомбургская) за доступ к причитающимся ей 250 дворам, а потом за компенсацию в его отсрочке. Главным же противником ее был Д.М. Голицын, сенатор и тесть ставшего в итоге единственным наследником имения отца гвардии поручика князя Константина – в 1720-е гг. непосредственно, а с 1735 г. через поселенного у себя поверенного зятя, секретаря Камер-конторы Л.Л. Перова. Но в период 15 слушаний с мая по октябрь 1736 г. в Сенате конфликт, по-видимому, стал обрастать придворными слухами о «советованиях» старого князя с высокопоставленными лицами и чуть ли не семейном распоряжении преображенцами, провожавшими Л.Л. Перова в Юстиц-коллегию, откуда «дело» попало в Сенат за «ссорой» И.Ю. Трубецкого с ее президентом. Надлежаще поданные, они, полагаем, укрепляли Анну Иоанновну не столько в жажде, по Д.А. Корсакову, «отложенной мести» заклятому врагу, сколько в страхах складывания вокруг него нового заговора. Так или иначе, в ближайшем окружении императрицы созрела решимость дать ход челобитной К.Д. Кантемира на благоприятный для мачехи сенатский приговор, предусмотрительно высочайше не утвержденный. Причем разбирательство по ней было вверено образованной около 26 ноября комиссии под ведением адмирала гр. Н.Ф. Головина.

Графа в силу этого назначения и подсказки в свое время правительству Петра II идеи обвинить кн. А.Д. Меншикова в изменнических контактах со Швецией можно по крайней мере с той же вероятностью считать погубителем Д.М. Голицына, с какой сам А.Д. Меншиков считается погубителем П.П. Шафирова в 1723 г. Для мотивации же замены комиссии Н.Ф. Головина ВС под председательством е.и.в., куда ловкий царедворец вошел вместе с обер-шталмейстером кн. А.Б. Куракиным, обер-егермейстером А.П. Волынским, гофмаршалом Д.А. Шепелевым и генерал-полицмейстером В.Ф. Салтыковым, нет и столь зыбких оснований. Впрочем, и в именном указе от 9 января, который единогласно трактуется как учредительный для ВС 1723 г., отчетливо выражена лишь мысль, что «розыскивать» о «спорах» П.П. Шафирова с обер-прокурором предстоит вне Сената, где стороны объ-

явили «противных им» [15, т. 11, с. 502–503]. Выводы, зачем он (ВС) понадобился Петру (вплоть до или даже для проведения линии к преобразованию в высшую судебную инстанцию с лишением этой компетенции почти не пользовавшегося ей Сената [12, с. 67]) новейшие ученые делают, исходя из собственного понимания его реформы, молчаливо признавая, таким образом, преследование законодателем при институционализации пресечения сенатских «непорядков» – никак не подпадающих под категорию крупных преступлений – иной, гласно не заявленной цели. С учетом этого едва ли можно и его преемников упрекать в том, что политическая подоплека безусловно «партикулярного» «кантемирова дела», которая вызвала выделение из него затем «дела Д.М. Голицына», не была декларирована при создании ВС 1736 г. И обнаружилась уже на стадии окружения его беспрецедентной секретностью и допросов привлеченных в порядке, принятом в расследованиях государственных и серьезнейших уголовных преступлений.

Параллели между ВС 1723 и 1736 гг. очевидны также в их «наряженности» над сенаторами и спонтанности появления, ни в каких «бумагах» не предполагаемого, при том существенном различии, что воплощение в ВС 1723 г. воли Петра несомненно, а его немногие советники в административно-судебном строительстве в целом достоверно установлены. Применительно же к послепетровскому времени приходится говорить о практически безымянном «авторском коллективе», руководителем которого в новейших работах принято называть кабинет-министра гр. А.И. Остермана. Ему приписывается, например, приоритет в формулировании внутривластной программы 1730 г., неотъемлемой частью которой выступало гарантирование подданным справедливого суда и продолжения не оконченного в 1720-е гг. «сочинения» нового Уложения [9, с. 69–71]. Неизменное подтверждение монаршего попечения о правосудии в текущем законодательстве, почти всегда проходившем через возглавляемый им кабинет е.и.в., и довольно строгое следование вышесцитированному принципу «без суда никого не винить» логично сопрягается с намерением обязательно в суде, а не в возникшей было под эгидой кабинета комиссии, доказать подозрение в «преступлении указов» неугодного сановника в звании сенатора. Тем более, что казусу 1736 г. целиком отвечал именней указ от 20 января 1724 г. с упоминанием так и не появившейся до сих пор «особливой палате... для случающихся дел чрезвычайных... как Шафирово» [11, т. VII, № 4427].

А.И. Остерман не только не был в числе его судей, но и был вычеркнут из составленного ими списка членов завершившего «дело Д.М. Голицына» собрания вместе с обладателями других громких немецких (и не слишком

громких русских) фамилий по причинам, которые, скорее всего, не выяснятся никогда. Но зафиксированные в журнале ВС 1736 г. 13 продолжавших его дежурные заседания совещаний «у е.и.в.» – без перечня участников – позволяли ему влиять на течение ВС с другими почему-либо не попавшими туда доверенными лицами (а на заключительном этапе, может быть, и такими особо уважаемыми Анной Иоанновной подсудимыми сенаторами, как А.И. Ушаков и возвращенный из ссылки еще Екатериной I П.П. Шафиров).

В свою очередь, это позволило воспринимать происходящее там (и особенно вышедшие оттуда документы вкупе с распоряжениями Сенату) как выражение взглядов и настроений, разделяемых всей правительствующей элитой (за вычетом разве ее московской составляющей). Но прежде их изложения нужно отметить, что поставленные перед ВС 1736 г. официальные и неофициальные задачи были в основном разрешены в первые же три недели его существования.

Обеспеченная беседой с кабинет-секретарем А.Я. Яковлевым «повинная» Л.Л. Перова данными о принуждении его Д.М. Голицыным манипулировать законодательными нестыковками, чтобы «неправость ответчиков закрыть», превзошла все ожидания. Затребованные же из Сената «справки» по «кантемирову делу», озвучивая эти нестыковки и соображения по их преодолению с наименьшими «по совести» потерями, по которым так и не было достигнуто согласия, помогли секретарю Юстиц-коллегии П. Севергину быстро выработать иную (сравнительно с сенатской) версию вознаграждения «обиды» княгине, 16 декабря подтвержденную (за что оба искушенных в вотчинных коллизиях юристы вскоре были зачислены в канцелярию Сената).

Допросы Д.М. Голицына и других причастных к «делу» лиц ошеломили «верхи» общей готовностью «коллегских членов» служить частным интересам друг друга, не стесняясь переводом найденного сыном князя в Москве камерира Камер-коллегии, компетентного как нужного тому повеленного, и награждением его затем секретарским чином, но в то же время убедили в безопасности для режима бывшего верховника. Обусловленная возрастом и болезнями самоизоляция Д.М. Голицына от внешнего мира, связь с которым свелась для него к мелкому интригованию ради материальных выгод, отчасти объясняет его невозможное для политика вызывающее поведение в ВС 1736 г. В противоположность его же поведению в период ВС 1723 г., благодаря которому приговор ему как пособнику П.П. Шафирова не был исполнен. В противоположность же ВС 1723 г. Д.М. Голицын с его бесспорно наказуемыми «по государственным правам» высказываниями стал единственной жертвой ВС 1736 г., который наложил пропорционально

более легкие кары только на его сына и племянника. Право собственно суда над ним самим 28 декабря 1736 г. было у ВС изъято [14, ч. 2, л. 351–351 об.] с передачей отдельному присутствию, куда его члены назначались на равных правах с «сенаторами, генералитетом, флагманами, коллежскими президентами и членами». Их собрание в Сенате 8 января 1737 г., тогда же наименованное генеральным, и подписало смертный приговор, предсказуемо высочайше замененный ссылкой, через несколько месяцев после которого князь скончался в Шлиссельбурге.

После личного выговора Анны Иоанновны сенаторам 31 декабря ВС был занят выбором взысканий другим «приличившимся», по оглашении которых 25 января 1737 г. будучи устным повелением императрицы распущен со сдачей архива в кабинет (всего однажды – 22 декабря 1736 г. – воспользовавшись «правительствующими» прерогативами учреждения, стоящего выше Сената, когда поднял и стал обсуждать вопрос, «каким наилучшим образом указ о форме суда пополнить, дабы впредь не могли происходить от ябедников неправды и душевредства») [14, ч. 2, л. 346].

Трехчасовая дискуссия по выраженным в именном указе от 5 ноября 1723 г. нормам подготовки и ведения разбирательств в гражданских судах [11, т. VII, № 4344] продолжилась, правда лишь суммированием ее невятных тезисов в проекте, который вместе с принятым у Л.Л. Перова «объявлением» на ту же тему без движения осел в сенатских «Письмах, полученных из ВС» [13, кн. 1116, л. 528–652]. Но в контексте отношения аннинской элиты к петровской законности важно не столько ее интеллектуальное бессилие в совершенствовании процессуального права, сколько видение в его основополагающем акте залога торжества справедливости. Зависела же эта справедливость, по ее мнению, не от интересующей исследователей степени соотношения в судопроизводстве частно-правового и инквизиционного процессов или иных новаций, а от точного соблюдения правил излагать суть искомого «пунктами» без пересечения их друг с другом, отвечать по ним поочередно, не говоря «постороннего», и приводить для решения по каждому из них «приличный» же «пункт» действующего законодательства.

Убежденность во всесии «пунктов», объединенных в соответствующую области регулирования «форму», с начала 1730-х гг. просматривается в указах относительно армии и финансового аппарата [11, т. VIII, № 5474, 5900, 6061, 6063; т. IX, № 6486, 6842, 6855]. Но тем нагляднее возвращение к внедрению этой установки в судебной сфере, откуда она и начала свое распространение. Уже 28 декабря 1736 г. Сенат подтверждает «форму суда»

конкретно в части подачи челобитных «пунктами, не смешивая одно с другим», сопровождая это подтверждение поучением о проистекающих из ее нарушений «немалых конфузях и затруднениях», о которых «ныне известно» [11, т. IX, № 7139]. А именным указом, объявленный из ВС Кабинету 1 января 1737 г., еще конкретнее порицает Юстиц-коллегию за допущение сторон «кантемирова дела» – в противность запрету «формой суда» «лишнего и ненадобного в суд принимать и записывать» – «говорить лишнее и делу неприличное» [11, т. X, № 7143].

Переходя потом к рассуждениям, что неправость постановлений из-за слушания «в один час» разных «дел», а также волокита челобитчикам и умножение апелляций от ошибок в протоколах может и должна быть исправлена удвоением присутственных часов против теперешних – согласно Адмиралтейскому регламенту, и письмоводством – согласно регламенту Генеральному, наибольшее же место посвящается ответственности секретарей и за вышеперечисленное, и за предотвращение превратного толкования указов – как в том же Генеральном регламенте «изображено».

Сквозь призму испытанных в XIX – XX вв. разочарований в сосредоточении «всех дел в руках» секретарей [11, т. X, № 7440] и мерах по ужесточению трудовой и делопроизводственной дисциплины трудно найти хотя бы что-то позитивное в выдвинутой ВС 1736 г. программе. Но нельзя отрицать, что она, во-первых, отражает понимание «хранения прав гражданских и правосудия», которое в публичном заклеимении Д.М. Голицына признавалось – вслед за именованным указом Сенату от 17 апреля 1722 г. – нужнейшим «к правлению государства» [Ср.: 11, т. X, № 7151; 7, с. 107] как исполнение совокупности бюрократических правил. И, во-вторых, целиком опирается в этом на петровские законы, предпочитая либо избегать их обновлений вообще, либо представлять их как заданные «хранением» таковых.

В этой связи показательным, что кабинет оставил без ответа сенатский запрос от 17 января 1737 г., «поступить ли против» новаторски примененного ВС 1736 г. исчисления штрафов «за насильное владение» «во всех судебных делах», а сам Сенат 26 июля 1737 г. высказался по его предложению о штрафах за «неправды» судей и челобитчиков в пользу указа о том же от 28 января 1715 г. [6, ч. 1, с. 35; ч. 2, с. 38]. Не менее любопытно, что упомянутый указ говорит и о челобитных на «суд неправый» ландратов или бурмистров губернаторам, а губернаторов – «в вышней суд, при Сенате» [11, т. V, № 2879], чем отодвигает соотнесенную со шведским идеалом судебную реформу с ее пресловутой инстанционностью на еще более ранние сравнительно с обсуждаемыми учеными хронологические рубежи. А Манифест от

23 апреля 1730 г., применяя выстроенную Петром иерархию областных судов, Юстиц-коллегии и Сената к ситуации по возложению в 1727 г. «суда и расправы... на губернаторов и воевод», уверенно предписывает жаловаться на воевод губернаторам, на губернаторов в Юстиц-коллегию, «о прочих делах в коллегии, в которых в чем надлежит, а на коллежские неправые решения» – в Сенат [11, т. VIII, № 5547], ничуть не колеблясь насчет его положения как конечного для российских челобитчиков суда и никаких шведских протографов далее не почитая.

16 же апреля 1738 г. Манифест 1730 г. подтверждается отдельно со ссылкой на очередную незаконную подачу челобитной «самой е.и.в.» [11, т. X, № 7599], но вполне вероятно и в предупреждение толков, не стоит ли по-прежнему «над» Сенатом ВС 1736 г. Тем паче, что о сохранении за Сенатом роли арбитра в оспаривании приговоров центральных «коллегий или канцелярий и контор» вскользь упоминалось в том самом сенатском журнале от 3 января 1737 г., где речь шла о «сообщении» кабинетом указа от 1 января 1737 г. [6, ч. 1, с. 6]. И о том же подробно прописывалось в протоколе от 8 февраля 1738 г. по запросу Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел, ведавшей сохраненными в прибалтийских провинциях судами периода шведского владения, о сроках переноса «дел» из нижестоящих в вышестоящие.

Сроки, разъясняли сенаторы, были, когда в их «судных делах главнейшим был суд всего шведского государства, в котором король сам и государственные министры присутствие имели». Но никаких сроков «не положено» «по генеральным о правосудии российском указам», по которым «из Лифляндского и Эстляндского княжеств главных судов дела переносятся в Юстиц-коллегию» [лифляндских и эстляндских дел]. А она, «как и протчие государственные коллегии, переносом и судом состоит под главнейшим ведомством и судом Правительствующего Сената» [13, кн. 2113, л. 87–88 об.].

Само по себе яркое до афористичности это разъяснение к тому же раскрывает, чему подражал Петр при организации ВС 1723 г. и за ним Анна Иоанновна с ее сенаторами, которые «усматривали» в пересказываемом ими «Шведском ревизионном уставе 1681 г.» не королевскую судебную ревизию в качестве структурного подразделения Государственного совета [16, с. 171], а начальствование монарха коллегией своих «министров». Но примечательнее всего, что как раз в ВС 1736 г. российское правительство, на «указном» уровне апеллируя исключительно к петровской догме как незыблемому фундаменту сегодняшнего благополучия, на «безуказном» нашло таки в нем образец для собственного творчества.

Вспомним, как у ВС было отнято подписание «сентенции» по итогам самого масштабного из проведенных им следствий, черновой вариант которой он в январе 1737 г. только составлял вроде любой «подчиненной» комиссии. А участь сенаторов императрица вообще решила заочно, сочтя их прегрешения в разборе раздоров в семье Кантемир по мелочности не нуждавшимися даже в таком черновике. Другое дело Д.М. Голицын, обвиненный в первую очередь в презрении должности сенатора как «указов... и прав государственных хранителя», о чем «во всенародное известие» провозглашалось 9 января 1737 г. Для квалификации «прочих важных вин и преступлений» в 13 «пунктах» и явилось вдруг на сцене вместо узкой коллегии должностных лиц во главе с монархиней (как должностным лицом высшего ранга?) представительство достойнейших из генералитета и статских служащих, чье мнение закономерно предается ей же (как государыне «всякого чина и достоинства людей»).

Явилось, лишь числом уступая Верховному суду «министров, сенаторов, военных и гражданских чинов», который в 1718 г. вручил Петру ссылающийся на «права всероссийские» вердикт по «делу» царевича Алексея Петровича [19, с. 530]. С подготовкой его в Канцелярии тайных розыскных дел (она же Комиссия П.А. Толстого «с товарищи»), но выведением как политического на публичный процесс и выборочным изданием материалов следствия и суда [5, с. 15] – аналогично внесению в указ о Д.М. Голицыне выдержек из его допросов.

Переориентация в течение последней декады 1736 г. с ВС 1723 г. на Верховный суд 1718 г. разрешила парадокс, присущий первому из них и в действительности, и в историографии. Предназначенный вроде бы для противодействия «тяжким преступлениям знатных особ» в присутствии самого Петра и именно такими словами увековеченный В.Н. Татищевым [18, с. 227], он на практике вел расследования, соразмерные другим современным ему комиссиям. ВС же 1736 г. однозначно ответил, что собой представляет и чему служит «главнейший» суд империи. В дальнейшем к чрезвычайным делам стали относить удаление с политической сцены подлинно враждебных верховной власти XVIII в. или просто оказавшихся лишними фигур, «тяжесть преступлений» которых удостоверяет следственная комиссия, организационно устоявшаяся еще в 20-е гг. А наказание по собранным ею доказательствам санкционирует авторитетная выборка общепризнанно лучших людей эпохи. Поскольку же способ разрешения подобных проблем повсеместно актуален и многое определяет в каждом

государстве и обществе, опыт внутренней эволюции ВС 1736 г. является, убеждены, знаменательным вкладом в историю петровской государственности вообще и отечественного правосудия в частности.

Список литературы

1. Акишин М.О. Судебная реформа Петра I: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – 22 с.
2. Бабич М.В. Вышний суд как высшее учреждение петровской эпохи // Петр Великий и его время: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 290-летию Полтавской победы. – СПб., 1999. – С. 19–22.
3. Бабич М.В. Суд на Генеральном дворе // Государственность России: слов.-справ. – М.: Наука, 2001. Кн. 4. Р – Я. – С. 187–190.
4. Бабич М.В. Суд над князем Д.М. Голицыным: 280 лет спустя // Петровское время в лицах – 2017. С. 36–48 (Труды Государственного Эрмитажа, т. 90).
5. Ефимов С.В. Политический процесс по делу царевича Алексея Петровича: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1997. – 18 с.
6. Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. / подг. А.Н. Филиппов. – М., 1910.
7. Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / сост. Н.А. Воскресенский. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1945. – Т. 1. – 602 с.
8. Корсаков Д.А. Суд над князем Д.М. Голицыным (1736 – 1737) // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Ч. 15. – С. 20–62.
9. Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. – Казань: Тип. Императорского Университета, 1891. – С. 219–282.
10. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730 – 1735 г. – СПб.: Алетейя, 2001. – 349 с.
11. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730 – 1740): моногр. – М.: РОССПЭН, 2014. – 1062 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. V, VII, VIII, IX, X.
13. Реформы в России с древнейших времен до конца XIX в. Т. 2: XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А.Б. Каменский. – М.: РОССПЭН, 2016. – Т. 2. – 429 с.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 248. Сенат.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 6. Уголовные дела по государственным преступлениям, оп. 1, ед. хр. 189, ч. 1–3.
16. Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб.: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1873. – Т. 11 (Высочайшие указы и повеления

Петра I Правительствующему Сенату / Из архива Правительствующего Сената, извлечено А.Ф. Бычковым).

17. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. – М.: Зерцало-М, 2009. – 487 с.

18. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 9. – М.: Мысль, 1993. – Т. 17–18. – 671 с.

19. Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В.Н. Избранные произведения / под ред. С.Н. Валка. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 464 с.

20. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. – СПб.: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1859. Т. 6: Царевич Алексей Петрович. 1859. 628, XVI с.

Статья поступила 19.02.2020 г.

**Учреждение Государственной думы 20 февраля 1906 г.:
возможности правительственного конституционализма
и общественные ожидания**

В статье исследуется вопрос о рассмотрении в правительственных кругах учреждения Государственной думы согласно положениям Манифеста 17 октября 1905 г. Проанализирована позиция различных ветвей правящей бюрократии. Очерчено восприятие Николаем Вторым неотвратимости изменения самодержавного устройства государства в связи с появлением законодательной ветви власти. Выявлено несоответствие общественных ожиданий и возможностей правительственного конституционализма в части установления компетенции Государственной думы. Показана динамика колебаний двора и правительства относительно движения России по конституционному пути после издания Манифеста 17 октября 1905 г.

The article is devoted to the consideration of the Establishment of the state Duma in government circles in accordance with the positions of the Manifest of October 17, 1905. The position of various branches of the ruling bureaucracy is analyzed. Nicholas II's perception of the inevitability of changing the autocratic structure of the state according to the emergence of the legislative branch of government is outlined. The discrepancy between public expectations and the possibilities of government constitutionalism in terms of establishing the competence of the State Duma is revealed. The dynamics of hesitations of the court and the government regarding the movement of Russia along the constitutional path after the publication of the Manifest of October 17, 1905 is shown.

Ключевые слова: Манифест 17 октября 1905 г., учреждение Государственной думы 20 февраля 1906 г., указ «О переустройстве Государственного Совета», совещание 14 февраля 1906 г., законодательная ветвь власти, самодержавие, конституция, двухпалатная система, правительственный конституционализм, оппозиция самодержавия.

Key words: Manifest of October 17, 1905, establishment of The State Duma on February 20, 1906, decree "on reorganization of the State Council", meeting on February 14, 1906, legislative branch of power, autocracy, Constitution, bicameral system, government constitutionalism, opposition to autocracy.

В условиях разраставшегося общественно-политического кризиса царь и правящая бюрократия пошли на уступки, учредив 6 августа 1905 г. Государственную думу с целью предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений, но без права принятия законов. Созыв избранного народного представительства, независимо от его полномочий, мог поколебать устои самодержавия, поскольку переносил законодательный процесс на почву публичного обсуждения. В поданной 9 октября 1905 г. Николаю Второму записке помощника начальника главного управления по делам местного хозяйства МВД С.Е. Крыжановского утверждалось, что законосовещательная Дума по «самому свойству ее занятий» станет нижней палатой [2, с.215]. Манифест 17 октября 1905 г. нанес по самодержавию ощутимый удар, введя законодательную ветвь власти. Поскольку Манифест наделил Государственную думу законодательными полномочиями, постольку учреждение законосовещательной Думы 6 августа 1905 г. подлежало пересмотру.

Оппозиция самодержавию усматривала в Манифесте 17 октября преддверие конституции и обещание единственной законодательной палаты – Государственной думы. Ее созыв воспринимался как крушение самодержавной власти. Подобные настроения коснулись и умеренных общественных деятелей. При встрече с С.Ю. Витте 19 октября 1905 г. Д.Н. Шипов указал на необходимость реформирования государственного управления согласно Манифесту 17 октября, подтвердив свою позицию на аудиенции у Николая Второго 23 октября [14, с.335, 341]. Радикальная часть оппозиции стремилась немедленно опрокинуть самодержавие. Ее представители пытались подтолкнуть высшую бюрократию к немедленному принятию конституции. П.Н. Милюков считал Председателя Совета министров С.Ю. Витте противником конституционного правления, но полагал возможным его переубедить. Однако при встрече с П.Н. Милюковым С.Ю. Витте заявил: «Я не могу говорить о конституции, потому что царь этого не хочет» [11, с.55]. Был ли С.Ю. Витте в то время принципиальным оппонентом конституции, судить нелегко, несмотря на утверждение П.Н. Милюкова будто бы «грань между властью и обществом проходила на самом понятии конституции» [11, с.46]. По мнению члена руководства кадетов И.В. Гессена, Председатель Совета министров не располагал временем думать о последствиях Манифеста 17 октября. И.В. Гессен разговаривал с С.Ю. Витте 24 октября и, как ему показалось, глава кабинета был занят текущими событиями, не размышлял о будущем государственном устройстве и не осознавал, что центром борьбы станет компетенция Государственной думы [6, с.210].

Тем временем съезд земских деятелей 6–13 ноября 1905 г. высказался за то, чтобы будущая Государственная дума занялась выработкой и принятием конституции [4, с.645]. Таким образом, столкновение оппозиционного самодержавию общественного движения с правящей бюрократией на почве перспектив конституционного строя и компетенции Государственной думы становилось неизбежным. Как полагал Р. Пайпс, Николай Второй и его окружение не признавали того, что конституция означает ограничение самодержавия. По убеждению царя, Манифест 17 октября не ущемлял его самодержавные prerogatives, несмотря на законодательную Государственную думу и третий пункт Манифеста согласно которому ни один закон не может обрести силу без одобрения Думой [12, с.173]. Если исходить из воспоминаний С.Е. Крыжановского, Николай Второй усматривал в Думе серьезную угрозу самодержавию. Так, во время беседы с С.Ю. Витте в присутствии С.Е. Крыжановского царь заявил: «Я отлично понимаю, что создаю не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения устоев» [9, с.66]. Однако правительственный конституционализм, хотя и весьма непоследовательный, не мог остановиться на обещаниях Манифеста 17 октября, так как пребывал под нарастающим давлением оппозиции самодержавию. Отдельные представители высшей бюрократии осознавали неизбежность перехода к конституционному правлению после учреждения законодательной Государственной думы. Их позиция не могла не поколебать Николая Второго, пребывавшего в неуверенности, как в части способов формирования Думы, так и ее prerogatives. Именно поэтому на Особом совещании 5–7 декабря 1905 г. едва не состоялся проект всеобщих выборов в Государственную думу. По впечатлению А.И. Гучкова, во время Особого совещания правительство колебалось вместе с царем в отношении того, следует ли идти курсом Манифеста 17 октября [1]. И было отчего. Ведь даже лидер умеренной оппозиции Д.Н. Шипов на заседании Совещания произнес: «Только Государственная Дума может внести умиротворение в настроение страны, создать взаимодействие правительства и общественных сил» [14, с.380].

Итак, оппозиция самодержавию усматривала в Думе однопалатное народное представительство, созыв которого позволил бы остановить революцию. Радикальные оппозиционеры в лице кадетов шли дальше и рассчитывали превратить Думу в парламент, «могущий дать революции власть» [10, с. 80–81]. Правительство не сомневалось в будущем противостоянии

Думы и высшей бюрократии, опасаясь ее левых, антигосударственных увлечений. С целью противостоять им, возникла идея учредить верхнюю законодательную палату – Государственный совет, сосредоточив в нем консервативные силы страны. В такой, заведомо конфликтной обстановке, приступила к работе комиссия во главе с Председателем Государственного совета графом Д.М. Сольским, которой Николай Второй поручил 28 октября 1905 г. пересмотреть положение о Государственной думе и представить проект преобразования Государственного совета [13, с.89]. В ее состав вошли министры, председатели департаментов Государственного совета и некоторые его члены [5, с.289]. Занятия комиссии неоднократно освещались в научной литературе [2, с.300–302]. Суть выработанных ею предложений сводилась к ограничению компетенции Государственной думы с целью сохранения прерогатив самодержавной власти, чему во многом способствовал С.Ю. Витте. По мнению главы правительства, Манифест 17 октября отнюдь не предполагал сосредоточение всей законодательной власти в Государственной думе, и оппозиция самодержавию напрасно мечтала увидеть в Думе единственное законодательное учреждение. Государственный совет следовало преобразовать, наделив правом возражать Думе в «случае принципиальных разногласий» [7, с.457]. Касаясь работы комиссии Сольского, С.Ю. Витте вспоминал: «При обсуждении ... учреждений Думы и Государственного Совета, конечно, как глава правительства и ввиду моего влияния на графа Сольского, я имел преимущественное влияние на решения» [7]. Но, разумеется, последнее слово оставалось за Николаем Вторым. Именно под его председательством 14 февраля 1906 г. собралось в Царском Селе совещание с тем, чтобы окончательно установить полномочия Государственной думы. Умонастроения Николая Второго накануне совещания переданы в воспоминаниях В.Н. Коковцова, получившего аудиенцию у царя в январе 1906 г. Так, Николай Второй не хотел поддаваться уговорам тех, кто предлагал ему идти на уступки с целью остановить смуту. В.Н. Коковцову запомнилось, как царь сказал: «Ведь под этим предлогом и меня можно и даже следует лишить моей власти, потому что это нужно для успокоения страны...если соберется Дума и потребует лишить меня моей исторической власти, что же, я должен не защищаться» [8, с.138].

Защита самодержавного правления в совещании 14 февраля 1906 г. заключалась в ограничении полномочий Государственной думы. Вопреки обещаниям Манифеста 17 октября вводилась вторая законодательная палата – Государственный совет, чем власть засвидетельствовала очевидное пренебрежение общественным мнением, не задумываясь о последствиях. Между

тем во время обсуждения целесообразности реформирования Государственного совета в верхнюю палату обер-прокурор Синода князь А.Д. Оболенский справедливо заметил: «...преобразование Государственного Совета – сюрприз, ждали только Думу. Нужно избежать конфликтов» [3]. Однако его тревогу Совецание оставило без внимания. Наоборот, поддержку нашла аргументация С.Ю. Витте, согласно которой только верхняя палата могла уберечь страну от «необузданности» Государственной думы и гарантировать консервативный строй государства [3, с.293]. Совецание высказалось за безусловное право Государственного совета накладывать непреодолимое вето на законопроекты, одобренные Государственной думой. Предложение А.Д. Оболенского о преодолении вето Государственной совета квалифицированным большинством в 2/3 или 3/4 голосов депутатов Думы не прошло. Полномочия Думы ограничивались также правом царя издавать приравняемые к законам указы в перерыве сессий Государственной думы, с их последующим утверждением депутатами. Подобная мера позволяла прибегать к чрезвычайному законодательству для подавления революции. Как заявил в своем выступлении С.Ю. Витте, «не знаем, что будем переживать. Это даст возможность проводить чрезвычайные меры» [3, с.296]. Наконец, Совецание изъяло у Государственной думы право пересматривать Основные законы государства, тем самым лишив народное представительство легальной возможности упразднить самодержавие законодательным путем.

Таким образом, решения Совецания, казалось бы, надежно оградили самовластие от покушений со стороны народного представительства. Однако следует учитывать, что с изданием Манифеста 17 октября 1905 г. законодательный процесс стал принципиально иным. Даже с учетом решений Совецания 14 февраля 1906 г. возникли законодательные ветви власти – Государственная дума и Государственный совет. Россия, по сути, встала на конституционный путь развития, и самодержавию уже не суждено было сохраниться в прежнем виде. Его судьба теперь во многом зависела от развития конституционного процесса. Для представителей правящей бюрократии подобные изменения становились очевидными. Неслучайно именно на Совецании возникла полемика вокруг того, насколько Россия приблизилась к конституции. Поводом стало предложение С.Ю. Витте нарушить равноправие палат, предоставив Думе право направлять отклоненные Государственным советом законопроекты на рассмотрение царя, учитывая психологию крестьянства, которому С.Ю. Витте отводил большинство в будущей Думе.

Как он сказал, крестьянству «нельзя запретить донести свой голос до государя» [3, с.306]. Члены Совещания ему решительно возражали. Особенно убедительно выступил В.Н. Коковцов, ссылавшийся на практику двухпалатных систем согласно европейским конституциям. В ответ С.Ю. Витте обвинил В.Н. Коковцова в приверженности к конституционному строю, заявив: «Владимир Николаевич желает конституционного порядка управления, а этого нельзя. Манифест 17 октября не устанавливает конституции» [3, с.307]. В.Н. Коковцов не счел нужным высказаться, однако С.Ю. Витте возразил член Государственного совета К.И. Пален. Обратившись к участникам Совещания, он произнес: «После Манифеста 17 октября Россия будет управляться по конституционному образцу» [3]. Более того, в перерыве заседания К.И. Пален заявил царю: «Вы дали конституцию и должны ее охранять» [2, с.303].

Итогом работы Совещания стали акты 20 февраля 1906 г.: Манифест «Об изменении Учреждения Государственного Совета и о пересмотре Учреждения Государственной Думы», «Учреждение Государственной Думы» и указ «О переустройстве Учреждения Государственного Совета», нашедшие развернутые комментарии в научной литературе. Разумеется, изданные акты не удовлетворили ни двор, ни радикальную оппозицию. Приверженцы незыблемости самодержавия усматривали в них покушение на основы государственного устройства, а сторонники немедленного перехода к конституционному правлению – предательство идей Манифеста 17 октября. Кадетская «Речь» напечатала 24 октября 1906 г. статью П.Н. Милюкова «Дума и обыватель». Согласно ей, Думу ждали как «светлого праздника примирения между двумя лагерями», а в итоге вражда между ними только усугубилась [10, с.187]. Непримируемая оппозиция самодержавию в начале 1906 г. все еще надеялась при помощи Думы добиться от власти коренных уступок. Однако времена, по сравнению с октябрём 1905 г., изменились. Революция шла на спад, и правительственный конституционализм получил возможность широкого маневрирования в том числе и для отступления от обещаний Манифеста 17 октября 1905 г., что вполне обнаружилось при принятии новой редакции основных законов в апреле 1906 г.

Список литературы

1. Александр Иванович Гучков рассказывает...// Вопр. истории. – 1991. – № 7–12. – С. 148.
2. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 430 с.

3. Былое. 1917. – № 5–6.
4. Веселовский Н.И. История земства за сорок лет. Том третий. – СПб., 1911. – 729 с.
5. Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960. – Т.3. – 723 с.
6. Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив рус. революции. – Берлин, 1937. – Т.22. – 424 с.
7. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. – СПб., 2003.
8. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. – Париж, 1933. – 504 с.
9. Крыжановский С.Е. Воспоминания. – Берлин, 1938. – С.221.
10. Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. – СПб., 1907. – С. 550.
11. Милюков П.Н. Три попытки (Из истории русского лже-конституционализма) // Самодержавие и либералы в революции 1905–1907 годов. – М.-Л., 1925.
12. Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. – М., 1994.
13. Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной Думы. – М., 1962. – С. 382.
14. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 1918. – С.592.

Статья поступила 29.01.2020 г.

**К вопросу о практике применения смертной казни
в Великобритании XIX в.**

В статье рассматривается проблематика применения смертной казни в Великобритании XIX в. Изучаются особенности ужесточения и смягчения уголовной политики Великобритании. Анализируются статистические данные по вопросу применения смертной казни. Выявляются закономерности между процессом урбанизации английского общества и практикой применения смертной казни. Осуществляется сравнительный анализ применения смертной казни в Великобритании и ряде других ведущих государств мира.

The article discusses the issue of the death penalty in Great Britain the XIX century, we study the toughening and softening of criminal policy in the UK. Statistical data on the use of the death penalty are considered. There are patterns of inter-urbanisation, as well as industrial development in the UK and the use of the death penalty. The article considers the features of the UK's criminal policy.

Ключевые слова: акт, бродяжничество, Великобритания, закон, каторжные работы, публичное наказание, смертная казнь, уголовная политика, урбанизация.

Key words: act, vagrancy, UK, law, hard labor, public punishment, death penalty, criminal policy, urbanization.

Смертная казнь представляет собой наиболее тяжкий вид наказания, который отличается своей необратимостью и связан с наибольшими мучениями для виновного. Тяжесть содеянного преступником является основанием для применения соответствующего наказания, необходимого для достижения его целей и в целом целей уголовной политики государства. В Соединённом королевстве в эпоху Нового и Новейшего времени наблюдались различные тенденции в аспекте нормативного закрепления и применения данного вида наказания. С одной стороны, в XVII–XVIII вв. наблюдается ужесточение данного вида наказания по сравнению с нормами средневекового права, но в последующем, со второй трети XIX в. происходит гуманизация системы наказаний и сокращения практики применения

смертной казни. Можно проследить попытки английского правительства по выработке наиболее эффективной уголовной политики.

Уголовное законодательство Великобритании в XIX в. являлось одним из самых суровых среди государств Западной Европы, и оно сохраняло многие средневековые черты. Смертная казнь являлась ординарным видом наказания и могла быть назначена более чем за 200 составов преступлений. Однако, вопреки этому, XIX в. являлся эпохой гуманизации законодательства, в том числе и уголовного права. Полностью исчезают членовредительные виды наказаний и прекращается применение квалифицированной смертной казни. В 1829 г. формируется современная английская криминальная полиция, сыгравшая большую роль в борьбе с преступностью.

Необходимо отметить тот факт, что обширный перечень составов преступлений, за который была установлена смертная казнь, не являлся пережитком институтов средневекового права. Он появился в эпоху Нового времени в XVIII в. Превалирование наказаний в виде смертной казни объяснялось экономическими и демографическими факторами. В 1688 г. нормативно закреплялось только 50 составов преступлений наказанием, за которые могла быть назначена смертная казнь. Промышленная революция, политика огораживания, развитие торговли, становление колониальной империи и ряд других факторов привели к демографической катастрофе на территории современной Великобритании [1, с. 34]. Политика огораживания привела к обезземеливанию миллионов крестьян, следствием чего стала урбанизация, повлиявшая на повышение уровня преступности, который был изначально невысоким, что характерно для традиционных обществ и сельскохозяйственных общин.

Численность населения Англии, Уэльса и Шотландии с 1700 г. увеличилась к 1841 г. с 7,2 до 18,9 млн человек, а к 1901 г. – до 38 млн. Великобритания стала первым в Европе урбанистическим обществом, в котором в XIX в. численность населения городов превысила численность сельского населения [2, с. 64]. Урбанизация привела и к тому, что рост населения городов значительно превысил уровень роста промышленных мощностей: промышленные предприятия не смогли предоставить необходимое число рабочих мест, кроме этого, работа на промышленных предприятиях требовала определённой квалификации и включенности в определённый ритм, когда человек становился частью технологического процесса, который не допускал простоя, связан с высокой трудовой дисциплиной и т.д. Избыток рабочих рук приводит к обвалу расценок на труд рабочих. В результате го-

рода начинают наполняться миллионами бывших крестьян, которые стекаются в них в поисках работы, которую они не получают либо вынуждены трудиться на неприемлемых в других обстоятельствах условиях. Разрушаются традиционные морально-этические связи, которые были характерны для небольших коллективов сельских жителей [1, с. 70].

Происходит взрывообразный рост преступности. Правительство ищет пути для решения возникших и нарастающих проблем. Высокий уровень рождаемости сохраняется на протяжении всего XVIII в. В таких обстоятельствах проблема может только усугубляться. Самый простой выход был найден в ужесточении законодательства. Так называемый «Кровавый кодекс» предусматривал к 1776 г. уже около 230 составов преступлений, за которые могла назначаться смертная казнь. Подобная политика по своей природе была аморальной. Массовые казни сокращали численность населения. Применение смертной казни избавляло общество от преступника. Его тюремное заключение и последующая социализация требовали значительных материальных затрат. Применение смертной казни должно было радикально решить вопрос роста преступности. Фактически развязанный против своего же населения террор вызывал страх в обществе и тысячи людей каждый год умирали от голода, не имея средств к существованию. Десятки, а в последующем в XIX в. уже сотни тысяч людей были вынуждены эмигрировать в колонии [3, р. 36].

Лишение жизни устанавливалось за убийство, государственную измену, дезертирство и другие составы, для которых данный вид наказания является традиционным. Но к 1776 г. смертная казнь уже назначалась за незаконный лов рыбы в королевских владениях, кражу мелкого рогатого скота и даже кролика, незаконное использования королевских лесов, разрушение промышленных механизмов, супружескую измену (при этом законной была продажа жены, в XVIII–XIX вв. было зафиксировано 300 подобных случаев), незаконное получение социальной помощи и пенсий, колдовство, кража на сумму более 5 шиллингов, нищенство, соращение в католичество и иудаизм, повреждение мостов и многие другие составы [4, с. 46].

Подобная уголовная политика не отличалась своей эффективностью. Уровень преступности не снижался. Более того, присяжные заседатели часто оправдывали лиц совершивших преступления против жизни, здоровья и имущества даже если они сами признавались в содеянном и существовали изобличающие их вину улики. Отсутствие гибкости в возможности назначения наказаний в соответствии с действующим законом, а также жесткие

рамки судебных прецедентов снижали эффективность английского правосудия. Тяжесть наказаний была чрезмерной и присяжные просто оправдывали виновных, что негативно сказывалось на стремлении снизить уровень преступности.

Пережитком средневековья являлась и публичность смертной казни. Следует отметить, что публичность приведения в исполнение приговора суда о смертной казни сохраняется в некоторых высокоразвитых современных государствах, например в США, КНР и др. Публичность смертной казни выполняла функцию общей превенции. Считалось, что изощрённость применяемых видов наказания должна была вызывать страх у людей и предостерегать их от возможного преступного поведения, например, публичное применение такого вида наказания, как «потрошение с последующим анатомированием» [5, р. 84]. Для представителей дворянства применялось обезглавливание, для простолюдинов повешение, сжигание (для преступлений против нравственности и религиозных) четвертование, потрошение и др., основным видом смертной казни являлось повешение. При этом женщины несли ответственность наравне с мужчинами. В XVIII в. практиковалось сожжение именно женщин за ряд специфических преступлений, например, убийство мужа, колдовство (в Шотландии) и др.

Смягчение уловной ответственности в части отмены квалифицированной смертной казни происходит уже к концу XVIII в., когда квалифицированная смертная казнь становится уже скорее исключением из правила. Но в это же время существовали и другие точки зрения, например, своеобразная петиция к обеим палатам парламента о сохранении именно квалифицированной смертной казни, необходимой для особо тяжких преступлений, поскольку простое повешение не адекватно тяжести совершённого деяния и не выполняет роли общей превенции, например, «Hanging not punishment enough for Murderers, Highway-man and Horse-breakers». Указывается и на пагубность отмены клеймения, когда отбывшие срок на каторге преступники могли вернуться обратно в Англию к жизни среди добропорядочных граждан. Данные опасения оказались обоснованными. К концу XIX в. в связи с сокращением практики применения смертной казни, а также отменой наказаний в виде ссылки на вечное поселение в колонии происходит рост профессиональной преступности. Доля рецидивистов в Великобритании достигает двух третей от общего числа заключённых [5, с. 67].

В целом за XIX в. в Англии, Шотландии и Уэльсе было казнено 4 тыс. чел. (из них 2 тыс. в 1830–1864 гг.), ещё 1,5 тыс. было казнено в Австралии. Данные цифры не так велики для английской истории, поскольку например,

за бродяжничество при Генрихе VIII было казнено 70 тыс. чел. нищих, при его дочери Елизавете I – 89 тыс. чел. В XVII в. в период правления Парламента были сожжено 30 тыс. ведьм. Но в XIX в. применительно к другим развитым странам только США превосходят Великобританию по числу случаев применения смертной казни, там было казнено более 5 тыс. человек. В России и Испании 0,9 тыс. чел., Швеции 0,6 тыс. чел., Австрии 0,3 тыс. чел [6, р. 84].

Сэмюэль Ромилли, возведённый в рыцарский ранг, заместитель министра юстиции и член палаты общин, провёл реформу по гуманизации уголовного законодательства начиная с 1080 по 1815 г. Данные реформы не были кардинальными, но, во всяком случае, ужесточение законодательства прекратилось. В результате к 1861 г. смертная казнь могла быть назначена только за убийство, государственную измену, и специфические для Великобритании составы преступлений: поджог доков и пиратство [7, р. 90]. В 1868 г. были отменены публичные казни, а в 1817 г. в Великобритании – публичная порка женщин, за год до этого, в 1816 г. были отменены многие позорящие наказания и в частности выставление у позорного столба. В ходе реформы правительства под руководством Р. Пиля в период 1823 – 1827 гг. были приняты нормативные акты, направленные на сокращение применения смертной казни. В последующем по акту 1848 г. смертная казнь не подлежала применению даже в случае мятежа, буквально «ведение войны против короля в его королевстве». В данном случае полагалось пожизненное заключение.

Важным фактором в институте смертной казни применяемой в Великобритании был возраст преступника. Только в 1908 г. он был окончательно нормативно определён в 16 лет. При этом в 1830 г. казнили 9-летнего ребёнка за кражу. На практике несовершеннолетние преступники обычно избегали смертной казни. Вынесенный приговор не приводился в исполнение. В 1801–1836 гг. в Лондоне было приговорено к смерти 103 человека в возрасте до 14 лет, но ни один не был казнён. Детей помиловали в силу юного возраста и они получили наказание в виде каторжных работ от 7 лет до пожизненного заключения с ссылкой в Австралию. Обычно дети в возрасте до 14 избегали смертной казни.

Примеры смертных приговоров для несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет, во всех случаях в исполнение приведены были смертные приговоры через повешение: 1805 г., Мэри Морган – за убийство своего новорожденного ребёнка; 1806 г., 15-летний Питер Аткинсон – за причинение

тяжкого вреда здоровью; 1819 г., Ханна Бокинг – за отравление; 1821 г., Уильям Томпсон – за грабёж; 1825 г., Джон Смит – за кражу; 1831 г., Томас Тернер – за изнасилование малолетней; 1831 г., Томас Слотер – за поджог; 1839 г., Уильям Марчарт – за убийство женщины; 1841 г., Бартоломью Мюррей – за убийство двух человек; 1849 г., Томас Малкин – за убийство и т.д. [8] Как видно из этих примеров смертная казнь для несовершеннолетних назначалась и, что особенно важно, приводилась в исполнение в случае совершения в первую очередь особо тяжких преступлений против жизни и здоровья.

С 1735 по 1964 г. в Англии и Уэльсе было совершено около 10 935 казней, в том числе 10 378 мужчин и 557 женщин. В 273 случаях невозможно быть полностью уверенным в том, был ли смертный приговор фактически исполнен или нет. 32 из 375 женщин, казненных в 1735–1799 гг. были сожжены на костре.

К концу XIX в. практика применения смертной казни в Великобритании резко сокращается. Например, в 1888 г. суды в метрополии вынесли 36 смертных приговоров. В исполнение было приведено 22 из них. В 1889 г. их было вынесено 20 и приведено в исполнение 11 [9, с. 37]. При этом в метрополии в течение десятилетия 1895–1905 гг. было совершено 551 убийство. В результате, в среднем в год совершалось чуть более 50 убийств, но выносилось только около 12 смертных приговоров, и в итоге половина из них была приведена в исполнение. Указанная статистика демонстрирует не только завершившийся процесс общей гуманизации уголовного законодательства, но и неуклонную тенденцию постепенного прекращения практики применения смертной казни. Она могла не применяться даже в случае вынесения соответствующего приговора. Для сравнения, за вторую треть XIX в. было вынесено более 4 тыс. смертных приговоров, т.е. примерно по 133 ежегодно, и практически все они были приведены в исполнение. Прогресс гуманизации наказания был очевиден.

Указывая данное обстоятельство, нельзя забывать и о таком явлении, которое получило распространение в Великобритании в конце XIX в., как работные дома. Именно уголовная ответственность за бродяжничество была основным способом пополнения мест лишения свободы в XVI–XVIII вв., а также применения смертной казни. Гуманизация уголовной политики привела к отмене так называемого «кровавого законодательства». Но лица, нуждающиеся в социальной помощи, в том числе малолетние дети до 12 лет, одинокие матери, престарелые лица стали принудительно, без решения суда, на основании распоряжений местных органов власти помещаться

в специальные работные дома [10, р. 34]. В них практиковалось применение принудительного труда с запретом покидать огороженную территорию. По сути это были завуалированные каторжные работы, но организационные для лиц, не осужденных к ним по решению суда и при фактическом прекращении практики наказания за бродяжничество.

Список литературы

1. Венгрова И.В. Из истории социальной гигиены в Англии XIX века. – М.: Медицина, 1970. – 166 с.
2. Массимо, Ливи Баччи. Численное выражение демографической экспансии и ее интерпретации / пер. с итал. А. Мирюлюбовой // Демографическая история Европы. «Серия Становление Европы». – СПб.: Александрия, 2010. – 304 с.
3. Shaw B. The crime of imprisonment / By George Bernard Shaw; Ill. by William Gropper. – New York : Philosophical library, Cop. 1946. – 541 p.
4. Добров А.С. Великобритания: Экономическая география: автореф. дис. ... д. геогр. н. / Акад. наук СССР. Ин-т географии. – М., 1956. – 27 с.
5. The history of judicial hanging in Britain. 1735 – 1964. – London, 2018. – 561 p.
6. Перцев В.Н. Англия в XIX веке: ист. очерк / В. Перцев. – М.: Унив. б-ка, 1917. – 62 с.
7. Block P. John Hostettler, Hanging in the balance: a history of the abolition of capital punishment in Britain, London: Waterside Press., 1997 – 340 p. Clark R. Capital Punishment in Britain London: Ian Allan Publishing, 320 p.
8. The Newgate Calendar Part III (1800 to 1841) // <https://www.exclassics.com/newgate/ngintro.htm>
9. Белановский В.Н. № 9: Франция и Англия в 30–40 гг. XIX столетия / В.Н. Белановский. – М., 1936. – 390 с.
10. Timeline - Poor Laws, Workhouses, and Social Support // Kingsnorton.info Achievements- New York, 341 p.

Статья поступила 09.02.2020 г.

**Развитие информационного законодательства
в современной России: к постановке проблемы**

Информация в современном нормативно-правовом контуре России является межотраслевым и междисциплинарным феноменом. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет информацию как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Такие сведения рассредоточены по отраслям российского законодательства, и объем правовых норм, так или иначе связанных с термином «информация» активно растет. Информатизация общества опосредует развитие информационного законодательства, которое выражается в форме принятия новых информационно-правовых норм, отмены устаревших норм или их переработки.

В статье рассматриваются подходы к информационному законодательству в РФ, даётся авторское определение информационного законодательства и формулируется проблема информационного законодательства России на сегодняшний день. Также намечены направления дальнейшего развития информационного законодательства и предложена методология их реализации.

Information in the current regulatory framework of Russia is an interdisciplinary and interdisciplinary phenomenon. Federal Law of July 27, 2006 № 149 “On Information, Information Technologies and the Protection of Information” defines information as information (messages, data) regardless of the form in which they are presented. Such information is scattered across the branches of Russian legislation and the volume of legal norms, one way or another connected with the term “information” is actively growing. The informatization of society mediates the development of information legislation, which is expressed in the form of the adoption of new information and legal norms, the abolition of obsolete norms or their processing.

The article discusses approaches to information legislation in the Russian Federation, gives an author's definition of information legislation and formulates the problem of information legislation in Russia today. The directions of further development of information legislation are also outlined and a methodology for their implementation is proposed.

Ключевые слова: информация, информационное право, информационное законодательство, информационное общество, персональные данные, доступ к информации, тайна.

Key words: Information, information law, information legislation, information society, personal data, access to information, secret.

Нынешний этап развития общества и законодательства можно назвать периодом трансформации под условия «цифровой реальности». Согласимся с И.Л. Бачило, что «В условиях смены парадигмы цивилизационной культуры социума усиливается внимание к роли и значимости таких базовых явлений как государство и право. Время и пространство взаимодействия этих исходных организационных механизмов упорядочения жизни общества в условиях включения в систему жизнеобеспечения информационно-коммуникационных технологий и информации в качестве социального и технологического ресурса затрагивает вечные геополитические, государственные и правовые явления» [6, с. 12].

Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» определяет информационную сферу как «совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” (далее – сеть “Интернет”), сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений».

Совокупность внешних и внутренних факторов современной общественной жизни формирует вызовы к нормативно-правовому регулированию информационных правоотношений. Процесс развития информационного общества и массовое включение в гражданский оборот элементов смартсистем, электронных приложений и иных разработок предполагает особое внимание к информационному законодательству и информационному праву. Такое внимание обосновывается тем, что термин “информация” становится краеугольным в российском законодательстве. Солидарны с позицией Ю.В. Волкова: «Значение термина “информация” является базовым, системообразующим, поскольку может оказать влияние на понимание информационного права и информационных отношений. Единое понимание термина необходимо для совершенствования законодательства» [6, с. 98].

Нельзя отрицать, что информационное право развивается продолжительный период времени и оформилось в отдельную теоретическую отрасль.

Принят и существует паспорт научной специальности 12.00.13 «Информационное право», шифр специальности 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право», в Институте государства и права Российской академии наук в качестве научного подразделения сформирован Сектор информационного права и международной информационной безопасности. Темы, связанные с информационным правом, являются актуальными для большого количества статей и монографий. В этих условиях интересно проанализировать эмпирический материал теоретических размышлений в информационном праве, а именно информационное законодательство.

Цель исследования – сформулировать проблему развития информационного законодательства России. Для достижения этой цели выбраны в основном частнонаучные методы исследования, такие как сравнительно-правовой и формально-юридический анализ, метод интерпретации, системный метод. Вместе с тем в работе используются общенаучные подходы: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция и обобщение. Последовательность исследования заключается в анализе теоретических точек зрения относительно понятия «информационное законодательство», формулировке авторского определения этого термина и соотношении понятий «система» и «информационное законодательство». На основании проведенной теоретической работы предполагается рассмотреть примеры информационного законодательства (эмпирическая база) для постановки проблемы. Саму проблему планируется кратко прокомментировать и предложить методологию её решения.

Понятие «информационное законодательство» в действующих нормативно-правовых актах (в отличие от гражданского и уголовного законодательства) не раскрывается. Для того чтобы сформулировать это понятие и проанализировать его сущность, обратимся к доктрине информационного права.

И.Л. Бачило под информационным законодательством понимает акты информационного характера, которые «в той или иной мере включает нормы и акты, связанные с информационными отношениями» [1, с. 130]. В.В. Долинская с таким подходом не согласна и ставит под сомнение существование единого информационного законодательства в силу разрозненного содержания понятийного аппарата [2, с. 5]. Г.А. Шокиров напрямую связывает термин «информационное законодательство» с понятием «информация» и основным нормативно-правовым актом об информации, проводя параллель между законодательством РФ и Республики Таджикистан: «В

Республике Таджикистан в сфере информационного законодательства понятие “информация” трактуется в трех нормативных правовых актах ... такую же трактовку мы наблюдаем и в законодательстве Российской Федерации» [7, с. 214]. Очевидно, что речь идет о Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации).

О.А. Шубина солидарна с Г.А. Шокировым и рассматривает информационное законодательство в контексте Закона об информации, при этом подчеркивая особую цель информационного законодательства, а именно: «оптимально организованное движение информации применительно к современным для общества экономическим, политическим и иным условиям» [8, с. 149].

И.В. Кучебо определяет информационное законодательство как «систему нормативных актов, действующих в информационном праве и регулирующих общественные отношения, сложившиеся в информационной сфере» [3, с. 272].

Проанализировав приведенные точки зрения относительно понятия «информационное законодательство», полагаем, что в настоящее время информационное законодательство в РФ нельзя назвать системой. Как писал В.С. Нерсесянц, «Доктринальная трактовка права как системы норм означает, что единственным системным (и системно-структурным) элементом права является норма права. Система права включает в себя множество различных норм, регулирующих разные общественные отношения. При этом существуют определенные закономерные взаимосвязи между спецификой регулируемых отношений и особенностями их нормативно-правовой регуляции: однородные отношения регулируются однопорядковыми нормами» [5, с. 430]. В Российской Федерации информационные правоотношения фрагментарно и разнопланово регулируются большим количеством федеральных законов и подзаконных актов. При этом логической связи между этими нормативно-правовыми актами нет. Каждая отрасль законодательства понимает информацию и информационные правоотношения исходя из предмета своего регулирования.

Из этого можно сделать вывод, что информационное законодательство в РФ – это совокупность федеральных законов и подзаконных актов, определяющих общую правовую форму информации в различных сферах жизни общества.

На сегодняшний день информационное законодательство в РФ существенно «отстает» от доктрины информационного права. В правоприменительной практике сложились направления, регулирование которых в той или иной части относится к информационному законодательству, например электронный документооборот и электронные платежи; персональные данные; медиарегулирование; регулирование Интернета; защита от вредной информации и блокировка сайтов; международные специальные договоры. Перечисленные общественные отношения регулируются либо специальными федеральными законами (например персональные данные, электронная подпись), либо вовсе не находят своей формы в законодательстве (например: Интернет вещей, большие данные, сделки через онлайн-платформы не урегулированы действующим на момент написания статьи законодательством).

Юридические дефиниции, относящиеся к предмету регулирования информационного права, нельзя назвать частью единой иерархии определений в системе информационного законодательства. Существуют примеры, когда один и тот же институт, дефиниция или правило поведения дублируются в одном и том же нормативном акте или по-разному трактуются в отраслевом законодательстве.

Например, Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) в ст. 18 устанавливает обязанности оператора при сборе персональных данных, закрепляя в п. 5 (п. 5 введен Федеральным законом от 21.07.2014 № 242-ФЗ), что «При сборе персональных данных, в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, оператор обязан обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации, за исключением случаев, указанных в пунктах 2, 3, 4, 8 части 1 статьи 6 настоящего Федерального закона». В свою очередь ст. 3 этого же закона закрепляет основные понятия и определяет обработку персональных данных как любое действие (операция) или совокупность действий (операций), совершаемых с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных. Этот пример иллюстрирует, что бремя сбора, записи, систематизации,

накопления, хранения, уточнения (обновления, изменения), извлечения, использования персональных данных оператором дублируется по тексту закона (в п.5 ст. 18 и в ст. 3).

Приведем пример конкуренции отраслей законодательства. Статья 9 Закона об информации устанавливает ограничение доступа к информации, регламентируя, что «ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Закон об информации закрепляет, что доступ к информации ограничивается конкретными федеральными законами в определенных целях. Дальнейшая конструкция нормы напрямую называет некоторые из этих федеральных законов (Закон о персональных данных, Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне», Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»).

При системном толковании становится понятно, что конструкции пунктов ст. 9 Закона об информации, такие как: «Защита информации, составляющей государственную тайну...» (п. 3), «Федеральными законами устанавливаются условия отнесения информации к сведениям, составляющим коммерческую тайну, служебную тайну и иную тайну...» (п.4), «Информация, полученная гражданами (физическими лицами) при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности (профессиональная тайна)...» (п.5), определяют термин «тайна» как специальную информацию. Иными словами, в логике специального нормативного акта – Закона об информации, тайна – вид информации. Однако ст. 3. Федерального закона от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» содержит следующее определение коммерческой тайны: «коммерческая тайна – режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду».

Норма вышеуказанного закона определяет коммерческую тайну как режим конфиденциальной информации, несмотря на то, что:

а) Закон об информации прямо предусматривает, что тайна – это информация, а не правовой режим; б) правовая модель регулирования тайны как части информации и правовая модель регулирования тайны как правового режима сильно отличаются (в первом случае речь идет о применении

Закона об информации в качестве специального, во втором – о применении Закона об информации в качестве дополнительного).

Примеры, перечисленные выше, не являются единичными. Существование таких противоречий и бессистемность информационного законодательства влияют на успешное достижение цели адаптации нормативно-правового регулирования под современные технологические вызовы. Работа по юридическому оформлению происходящих изменений ведется весьма активно, но зачастую при конструкции нормы и всего нормативного правового акта не учитываются цели, задачи, причины, последствия и сущность прогрессивных новелл. Импонирует позиция В.Б. Наумова, который пишет, что «Необходимо внимательно исследовать полноту и актуальность отраслевой системы права. Очевидно, что для обеспечения устойчивого развития общества и цифровой экономики нужны не только продуманные новеллы в законодательстве. Требуется и формирование институтов, в рамках которых можно будет регулировать новые явления и выполнять новые социально-экономические задачи: обеспечивать функционирование цифровой среды доверия и идентификацию субъектов в ней, внедрять искусственный интеллект и роботов, принимать решения на основе больших данных и функционирования Интернета вещей и многое другое. В системе права все чаще наблюдается негативная конкуренция отраслей, когда нормы из одной отрасли права попадают в законодательство другой отрасли права» [4, с. 6].

Таким образом, сделаем вывод: информационное законодательство находится в «периоде заплаток». Информационно-правовое регулирование насыщено примерами двойственности понятий, конкуренций отраслей права и разобщенности в логико-правовом содержании.

Преодоление этой негативной тенденции должно начинаться с выбора метода и методологии реформы информационного законодательства: систематизация информационного законодательства или существование «информационных» норм в различных нормативно-правовых актах, но в единой системе и логике информационного законодательства?

Независимо от выбора метода и методологии реформы информационного законодательства для ответа на вызовы информационного общества и реализации национальных проектов и программ (например «Цифровая экономика») необходима ревизия принятых информационно-правовых норм. Методология ревизии должна включать в себя формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения и междисциплинарный. По результатам такой работы следует подготовить и внести в законотворческую дискуссию

не технические, а сущностные, комплексные изменения и поправки к текущему информационному законодательству.

Список литературы

1. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: учеб. – СПб., 2001. – 789 с.

2. Долинская В.В. Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 4. – С. 3–14.

3. Кучебо И.В. Информационные преступления // Вопр. рос. юстиции. – 2019. – № 2. – С. 271–276.

4. Наумов В.Б. Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений // Рос. право: образование, практика, наука. – 2018. – № 6. – С. 4–11.

5. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М., 2000. – 552 с.

6. Понятийный аппарат в информационном праве / отв. ред. И.Л. Бачило, Т.А. Полякова, В.Б. Наумов. – М.: ИГП РАН, 2017. – 264 с.

7. Шокиров Г.А. Информация как основной объект информационных правоотношений: теоретический и практический аспекты // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2017. – № 415. – С. 212–216.

8. Шубина О.А. Некоторые вопросы совершенствования информационного законодательства Российской Федерации // Вопр. совр. науки и практики. – М.: ун-т им. В.И. Вернадского. – 2013. – № 5 (44). – С. 148–150.

Статья поступила 03.03.2020 г.

Организационно-правовой анализ развития коммерческих цифровых систем идентификации

В условиях развития информационного общества и распространения новых цифровых технологий одной из ключевых задач является обеспечение прав человека в цифровом пространстве. В нем, как и для цифровой экономики, проблематика идентификации субъектов и объектов, в числе которых выступают информационные системы, компьютерные и цифровые устройства и их программное обеспечение, является одной из ключевых основ создания системы стабильного правоприменения. При этом в сфере правового регулирования идентификации, которая является межотраслевой с позиций права, происходят обширные, но несистемные изменения, которые до сих пор не привели к созданию единого комплекса норм, определяющих предметную терминологию, принципы регулирования и правовой режим идентификации. Для преодоления этой негативной тенденции необходим анализ организационно-правовых основ и массовой практики использования современных цифровых систем идентификации.

In the context of the development of the information society and the spread of new digital technologies, one of the key tasks is to ensure human rights in the digital space. In it, as for the digital economy, the problem of identifying entities and objects, including information systems, computer and digital devices and their software, is one of the key foundations for creating a system of stable law enforcement. At the same time, in the field of legal regulation of identification, which is cross-sectoral from the standpoint of law, extensive but non-systemic changes are taking place that have not yet led to the creation of a single set of norms defining subject terminology, regulatory principles and the legal regime of identification. To overcome this negative trend, an analysis of the organizational and legal foundations and mass practice of using modern digital identification systems is necessary.

Ключевые слова: институт идентификация, информационные процессы, аутентификация, Интернет, информационное общество, идентификаторы, инфраструктура идентификации, биометрия, ответственность и контроль в сфере идентификации.

Key words: Institute identification, information processes, authentication, Internet, information society, identifiers, identification infrastructure, biometrics, responsibility and control in the field of identification.

Идентификация субъектов и объектов давно известна гражданам. Так, гражданин сталкивается с проверкой документов, потребностью «представляться» и анализировать документы других граждан регулярно. В уходящей «эпохе бумажных документов» эти действия не требовали создания специальной системы правового регулирования, достаточно было исполнять подзаконные акты, описывающие, например, порядок установления личности, правила оказания тех или иных услуг. В предшествующие века – в позднем Средневековье, обходились и без документов, приводя свидетелей, как, например, это делали банкиры Тосканы, когда выдавали кредиты или обналичивали векселя. В праве XX в. разные отрасли по-своему решали узкие задачи по идентификации не только субъектов, но и объектов. Многие из отраслей разработали свои специальные подходы к идентификации, скажем, как это произошло в криминалистике и уголовном процессе.

Все поменялось в «эпоху Интернета», когда электронный документооборот стал основой и для большинства видов правоотношений, и для очень многих отраслей права. При этом в последнее десятилетие крупномасштабные процессы цифровой трансформации и распространение технологий Интернета вещей создали организационные и технические возможности для сбора большого количества данных как при использовании технологий людьми, так и благодаря устройствам системы Интернет вещей. Уже сейчас в сфере обработки больших массивов информации развитие технологий искусственного интеллекта создает принципиально новые возможности для идентификации субъектов в сфере распознавания голоса и изображений человека. Нормативно-правовой статус генерируемых огромным количеством информационных систем и устройств больших данных (big data) может стать одним из краеугольных камней бизнеса и государственного управления, при этом его связь с формами тайны и требованиями о неразглашении в самых разных типах правовых отношений еще не определена. Именно большие данные в перспективе могут «перевернуть мир», когда за счет методов их обработки без непосредственного участия в специальных правоотношениях по идентификации субъектов и, что представляется крайне опасным, без информирования последних будет осуществляться установление личности в цифровом мире.

В последнее десятилетие отношение государства к задачам идентификации менялось, и в настоящий момент преобладают идеи введения обязательной идентификации в большинстве сфер жизнедеятельности, а в отечественной науке и практике началась дискуссия о злоупотреблениях механизмами защиты конфиденциальности и усилении общего государственного контроля. Результатом этого стали предложения о введении требований об обязательной идентификации, в ряде случаев – запрете анонимного взаимодействия.

В этих условиях закономерным оказалось принятие Федерального закона от 31.12.2017 № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который значительно расширил предметные полномочия органов исполнительной власти, а также ввел в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» новую ст. 14.1 «Применение информационных технологий в целях идентификации граждан Российской Федерации», закрепив новый вектор развития государственной политики в информационном пространстве – создание единой биометрической системы. Последняя¹ – это цифровая платформа для удаленной биометрической идентификации, которая позволяет предоставлять новые цифровые коммерческие и государственные услуги для граждан в любое время и в любом месте. Система создана по инициативе Центрального банка Российской Федерации и Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. «Ростелеком» – разработчик и оператор Единой биометрической системы. Также на фоне развития регулирования и правоприменения в сфере биометрии началось обсуждение возможностей и тестирование новой методологии создания «цифрового профиля» гражданина [1].

В этих условиях и в связи с наличием обширного правового регулирования автор придерживается позиции, что в России уже сформировался самостоятельный правовой институт идентификации, который востребован на практике².

¹ См.: Единая биометрическая система. [Электронный ресурс]. URL: <https://bio.rt.ru/> (дата обращения: 28.02.2020).

² См. подробнее: Наумов В.Б. Научные подходы к классификации видов правовой идентификации в информационных правоотношениях // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 3. С. 104-115; Naumov V.B. Information security in identification in the digital age: information law aspect // Государство и право. 2019. № 9. С. 117–130.

Именно практика, где цели и задачи бизнеса в цифровой среде определяют потребности в технологиях идентификации, свидетельствует о *высокой технологической зависимости* предметного правового регулирования от характера и функционирования цифровых технологий.

При этом идентификация представляет собой *информационный процесс*, в котором в зависимости от целей идентификации, содержания и возможностей используемых цифровых технологий реализуются различные этапы и подпроцессы, в числе которых нужно упомянуть регистрацию, аутентификацию, авторизацию и верификацию пользователей. Этапы и подпроцессы в процессе идентификации могут отличаться в зависимости от вида последней³.

Ключевую роль в процессе идентификации в цифровом пространстве играют идентификаторы, правовое определение которых нуждается в закреплении в законодательстве. Идентификатором, при этом, *должна признаваться любая уникальная информация, связывающая субъект или объект с информацией о нем в информационной системе*. Дискуссионным представляется вопрос о взаимно однозначном соответствии идентификатор – субъект (или объект), поскольку, например, возможна групповая идентификация, где не требуется установление конкретного лица в информационном правоотношении, а только определение, к какой группе он относится (например, является ли он совершеннолетним и т.п.).

Важное значение для бизнеса и государства имеет создание информационных систем идентификации или, как их можно определить, *инфраструктуры идентификации*. В настоящее время во всем мире наблюдается рост количества универсальных технологических решений по идентификации субъектов, как создаваемых государствами, так и распространяемых коммерческими организациями.

Так, в России семь лет назад появилась известная гражданам Единая система идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА)⁴. Очевидно, что в случае государственных инициатив имеет место централизованное управление в сфере идентификации и отсутствует альтернатива выбора провайдеров услуг. В качестве надлежащей идентификации для создания стандартной

³ См. подробнее о взаимосвязи соответствующих понятий и подпроцессов в сфере идентификации в статье Наумова В.Б. Взаимодействие технологий и права в сфере идентификации // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2019. № 2. С.105.

⁴ О правовом регулировании ее использования см.: Наумов В.Б., Полякова Т.А. Правовые проблемы идентификации субъектов в государственных и негосударственных системах в России // Вестник Академии права и управления. 2016. № 2 (43). С. 14-21.

учетной записи ЕСИА предполагает заполненный профиль пользователя с указанием СНИЛС и данных документа, удостоверяющего личность (паспорт гражданина РФ, для иностранных граждан – документ иностранного государства). Данные проходят проверку в ФМС РФ и Пенсионном фонде РФ. На электронный адрес субъекта идентификации будет направлено уведомление о результатах проверки. Обязанность пользователя предоставить корректные персональные данные и в дальнейшем вводить правильный логин и пароль [4].

Иная логика наблюдается в коммерческой сфере, где централизация не воспринимается в качестве панацеи. Так, в 2006 г. была создана система OpenID, стандарты которой обеспечивают возможность использования единой учетной записи для многих информационных систем и сервисов.

Система стала популярной во всем мире, что обусловлено ее удобством для пользователей. При этом, в отличие от многих систем идентификации, включая государственные, OpenID – децентрализованная система и в ней всегда существует возможность выбора провайдера OpenID. Управляет развитием соответствующих стандартов и координирует заинтересованных в методологии лиц OpenID Foundation [8]. Идентификация с использованием Open ID представляет собой вход в сервис через переадресацию на ресурс, где уже была пройдена идентификация. Open ID является наиболее популярным способом в настоящее время⁵. При этом, несмотря на заверения сторонников, он объективно менее надежен, чем государственные инфраструктуры идентификации, и изначально предполагает полное доверие к информации, например в аккаунте социальной сети, где часто удостоверение личности требуется обычно лишь после блокировки аккаунта и сопряжено с дополнительными требованиями к предоставлению документов. Отметим, что при децентрализованных подходах по организации инфраструктуры идентификации высока роль саморегулирования и технического регулирования.

Многообразие технических решений в сфере идентификации возможно наглядно продемонстрировать на примере популярных у граждан интернет- и банковских сервисов. Изначально в них использовались простые организационно-технические решения, где ввода логина и пароля пользователя оказывалось достаточно, по мнению владельца информационной системы идентификации, для идентификации лица. Одним из таких примеров может служить пин-код в процессе использования банковской карты или

⁵ См.: OpenID Connect. [Электронный ресурс]. URL: <https://openid.net/connect/faq/> (дата обращения: 28.02.2020).

устройства при любых операциях с терминалом или с устройством. К таким примерам также можно отнести и одноразовый SMS-пароль, который применяется для входа в интернет-банкинг, в целях восстановления пароля либо смены устройства или браузера при получении доступа к аккаунту в сервисе или социальной сети.

Данные подходы продолжают использоваться, но для жизненно важных сфер они уступили место более надежным с позиции достоверности и безопасности решениям. В числе таких стали выступать платформы цифровой идентификации личности с использованием технологии блокчейн. В них часто для идентификации необходима регистрация в приложении и ввод персональных данных; верификация платформой подлинности введенных данных с помощью «третьей стороны» – партнеров (государственные и частные компании), перевод полученной информации в зашифрованный блок, добавление в блокчейн.

Постепенно набирают популярность комплексные идентификационные сервисы «удаленной онлайн-верификации пользователей» на основе концепции «цифрового следа», интегрированные с веб-платформой компании, как, например, это сделано в одном из отечественных сервисов – системе CheckU⁶. Платформа определяет надлежащую идентификацию по фотографии пользователя – пользователь делает «селфи» на смартфон или компьютер, а CheckU распознает, что перед камерой человек, а не фото или видео. При загрузке документа пользователь загружает скан или фото документа, удостоверяющего личность, которые CheckU проверяет на признаки подделки. Обязанность пользователя – предоставить достоверные сведения.

Стоит отметить, что с появлением дополнительных способов защиты устройств от несанкционированного использования, таких, например, как графический ключ или элемент для биометрического распознавания пользователя, сами эти устройства зачастую выполняют роль дополнительного фактора, усиливающего защиту и обеспечивающую более высокий уровень достоверности процесса идентификации. Таким образом, можно говорить о комбинировании различных технологий идентификации. Для социальных сетей, например, Facebook, после регистрации аккаунта пользователь идентифицируется через IP- либо MAC-адрес, номер телефона, устройство либо используемый браузер. Изменение любого из этих параметров приводит к

⁶ См.: Подтверждение личности автоматически за 2 минуты. [Электронный ресурс]. URL: <https://checku.co/ru/> (дата обращения: 28.02.2020).

необходимости дополнительной аутентификации, которая выполняется через новый ввод зарегистрированного пароля, либо через код, полученный в SMS-сообщении. При настроенной двухфакторной аутентификации пользователю необходимо вводить специальный код для входа или подтвердить вход при каждой попытке получить доступ к аккаунту Facebook с неопознанного компьютера или мобильного устройства. Позиция Facebook заключается в том, что надлежащей идентификацией пользователя является предоставление данных пользователя, т. е. «любых данных, в том числе согласие человека или информация (позволяющая установить личность или анонимная), которую вы или третьи стороны получаете от Facebook или через Facebook» [3]. Обязанность пользователя – предоставить данные, соответствующие действительности.

Примечательно, что схожая логика нашла отражение в Постановлении Правительства Российской Федерации от 27.10.2018 № 1279 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями» (далее – Правила), которым были утверждены новые Правила идентификации пользователей в мессенджерах, цель которых установить, что личности владельца SIM-карты и того, кто планирует пользоваться мессенджером, совпадают; при этом оператор сотовой связи должен знать обо всех приложениях для обмена сообщениями, которые использует пользователь. Согласно Правилам, в целях осуществления идентификации абонентский номер, выделенный пользователю сервиса обмена мгновенными сообщениями, предоставляется пользователем сервиса обмена мгновенными сообщениями организатору сервиса обмена мгновенными сообщениями. Для подтверждения абонентского номера организатор сервиса обмена мгновенными сообщениями предлагает пользователю совершить действия с использованием этого абонентского номера, позволяющие достоверно установить, что сообщенный абонентский номер при регистрации в сервисе обмена мгновенными сообщениями используется именно его владельцем.

Наряду с использованием информации об аппаратном и программном обеспечении лиц, широкую конкуренцию им составляют уже упомянутые технологии биометрической идентификации, которые стали неотъемлемым компонентом мирового рынка информационных технологий и становятся удобным инструментом для решения широкого круга задач. В настоящее время они наиболее всего апробированы и востребованы в финансовом секторе, при электронных транзакциях, при распространении пользовательских

абонентских устройств (в первую очередь смартфонов), но наблюдается уверенная тенденция к тому, чтобы распространить их на важнейшие социальные сферы, такие как медицина, образование и социальное обеспечение.

Одним из типов биометрических характеристик являются статические биометрические данные. К ним относятся уникальные признаки, полученные человеком от рождения. Соответственно видом таких биометрических данных будут являться, например, отпечатки пальцев, радужная оболочка глаза, геометрия руки и т.д. Также используются динамические биометрические данные – характеристики, приобретённые со временем или способные меняться с возрастом или под внешним воздействием. К ним можно отнести черты лица (face recognition), радужную оболочку глаза, голос, рисунок вен, геометрию ладони, иное.

Заметим, что этапы биометрической идентификации как для статических, так и для динамических биометрических данных совпадают:

- 1) запись – система запоминает биометрические данные;
- 2) выделение биометрического образца – информация обрабатывается и преобразовывается в математический код;
- 3) сравнение – сохранённый биометрический образец сравнивается с предоставленным в ходе проведения идентификации.

Главной проблемой биометрической идентификации, в первую очередь в отношении статических биометрических данных, выступает тот факт, что биометрическими данными несложно незаконно завладеть и воспользоваться. Например, как только стала популярна технология TouchID от компании Apple (активация смартфона по отпечатку пальца), исследователи из The Chaos Computer Club создали дублирующие пальцевые отпечатки, чтобы взломать устройства и анонсировали факт успешного взлома, используя традиционные способы клонирования пальцевых отпечатков [6].

Последним направлением развития технологий идентификации, имеющим большие перспективы в будущем, является использование генетической информации. В практике многих стран первоначально методы генетической регистрации использовались только в отношении граждан, которые совершали преступления или являлись подозреваемыми в их совершении [7], позже круг субъектов был расширен иными категориями граждан, например, состоящих на государственной службе. На сегодняшний день идентификация по ДНК вышла за пределы уголовно-правового или криминалистического характера.

По мнению И.М. Рассолова, С.Г. Чубукова, И.В. Микурова, «методы анализа ДНК быстро развиваются. По общему признанию, генетические характеристики, содержащиеся в «кодирующих» областях, сохраняются и используются только в медицинских целях или для научных исследований, тогда как генетические отпечатки пальцев, используемые полицией и правосудием, касаются только маркеров пола и идентификации» [5, с. 115].

Вместе с тем, как отмечает С.Н. Кубитович, «с молекулой ДНК, помимо ее индивидуальности, связано и другое основополагающее свойство - наследственность и способ передачи наследственной информации. Таким образом, молекула ДНК является носителем информации не только о конкретном индивидууме, но и о его родителях и родственниках» [2, с. 186]. Принимая во внимание этот факт и анализируя случаи применения идентификации по ДНК, можно говорить о достаточной точности такого метода идентификации.

Однако идентификация по ДНК является очевидно ресурсоёмким, небыстрым и, как следствие, весьма дорогим методом. Высокая рыночная стоимость этого метода складывается из сложности ДНК-технологий при проведении научных опытов и массовых ДНК-скринингов населения. Создание так называемого «генетического паспорта» субъекта идентификации пока крайне затратно, но очевидно, что при удешевлении соответствующих технологий надлежащие способы идентификации могут стать массовыми.

Подводя итоги проведенному обзору и анализу существующих популярных коммерческих систем идентификации, можно еще раз подчеркнуть зависимость правовых аспектов идентификации от природы и свойств используемых технологий. При этом во всех сферах и примерах идентификация представляет собой информационный процесс, где наибольший интерес представляет установление состава участников правоотношений.

Результатом идентификации, проводимой путем использования различного вида идентификаторов и сравнения информации о субъекте или объекте с имеющейся информацией о них в той или иной информационной системе, является юридический факт, с учетом содержания которого у лиц возникают те или иные права и обязанности в различных правоотношениях.

Несмотря на то что понятие идентификации и идентификатора теперь часто встречается в законодательстве, в законе до сих пор отсутствует их единое правовое определение, и различные отрасли права давно начали оперировать собственным содержанием данных терминов, что недопустимо и требует скорейшей гармонизации предметной терминологии.

Отдельного правового закрепления в законе требует система понятий, связанных с инфраструктурой идентификации с раскрытием видов субъектов, объектов и реализуемых с помощью последних функций. Субъекты, участвующие в идентификации, выполняют различные задачи, могут иметь различные интересы, при этом используемые ими технологии могут не быть надежными. И здесь возникает принципиальная проблема обеспечения безопасности и достоверности идентификации, которая в перспективе может потребовать введения новых контролирующих функций у государства, а также установления юридической ответственности лиц за правонарушения, связанные с недостоверной и/или незаконной идентификацией.

Список литературы

1. В России создадут цифровой профиль гражданина // Рос. газета. – № 44 (7802) от 27.02.2019.
2. Кубитович С. Н. ДНК как носитель информации неограниченного круга лиц // Вестн. экон. безопасности. – 2017. – № 4. – С. 185–190.
3. Официальный сайт Facebook. Политика платформы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://developers.facebook.com/policy> (дата обращения: 29.02.2020).
4. Портал государственных услуг. Официальный сайт. Вход и регистрация. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gosuslugi.ru/help/faq/c-1> (дата обращения: 29.02.2020).
5. Рассолов И.М., Чубуков С.Г., Микуров И.В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Lex Russia (Русский закон). – 2019. – № 1 (146). – С. 108–118.
6. Chaos Computer Club claims it can unlock iPhones with fake fingers/cloned fingerprints. [Электронный ресурс]. – URL: <https://boingboing.net/2013/09/22/chaos-computer-club-claims-it.html> (дата обращения: 29.02.2020).
7. Criminal Justice and Police Act 2001. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2001/16/section/82> (дата обращения: 18.02.2020).
8. OpenID Foundation website. [Электронный ресурс]. – URL: <https://openid.net/> (дата обращения: 28.02.2020).

Статья поступила 03.03.2020 г.

**Феномен конституции
в новой и новейшей истории Российского государства**

В статье на основе понимания истории как познавательной сферы, в рамках которой изучается прошлое, осуществляется дифференциация исторического знания на линейное и циклическое. Выдвигается гипотеза о циклической истории российской государственности, в которой Российская Империя, РСФСР – СССР, Российская Федерация выступают в качестве самостоятельных государственных форм, в основу которых положена традиция «отрицания» предшествующего политико-правового опыта как в целом позитивного прошлого. Понимание феномена конституции осуществляется посредством метода циклического политогенеза, в соответствие с которым, для каждого самостоятельного цикла российской государственности характерно собственное восприятие и социально-правовая оценка конституции и конституционализма.

Based on the understanding of history as a cognitive sphere within the framework of which the past is studied, the article differentiates historical knowledge into linear and cyclical. A hypothesis is put forward about the cyclical history of Russian statehood, in which the Russian Empire, the RSFSR – the USSR, and the Russian Federation act as independent state forms based on the tradition of “denying” previous political and legal experience as a generally positive past. Understanding the phenomenon of the constitution is carried out through the method of cyclic political genesis, in accordance with which, for each independent cycle of Russian statehood, its own perception and socio-legal assessment of the constitution and constitutionalism are characteristic.

Ключевые слова: история, хроника, линейность, цикличность, государство, конституция, юридическая техника.

Key words: history, chronicle, linearity, cyclicity, state, constitution, legal technique.

1. Линейность и цикличность истории российского государства

История в наиболее общем понимании данного феномена представляет собой познавательную сферу в рамках которой изучается прошлое как всего человечества (мировая история), так и отдельных государств (история

государства) либо локальных регионов (краеведение) и социальных групп (история российской полиции). В основу истории положены хроники (совокупность исторических артефактов) и хронологическая периодизация (временные промежутки обозначающие этапы исторического развития). В отличие от хроник, содержащих в себе «чистую» информацию об имевших место в прошлом явлениях и событиях (к примеру, 23 августа 1941 г. между Германией и СССР был подписан Договор о ненападении, получивший впоследствии название «Пакта Молотова-Риббентропа»), история не ограничивается простым перечислением и датированием артефактов, а определяет закономерности их возникновения и последующих трансформаций.

Особенностью истории является ее конкретность и единичность. Один народ – это одна и при этом единственная история, которая на данном историческом периоде признается на официальном государственном уровне истинной. Соответственно возникает коллизия между различными подходами к изучению истории, обусловленными как вполне понятным и объяснимым субъективизмом ученых представляющих различные школы, так и исходящим от политической власти «заказом» на определенное историческое видение, по тем или иным причинам выгодное для нынешних власть предержащих [9, с. 77]. Отмеченная коллизия актуализирует проблему противопоставления истинной и фальсифицированной истории, получающей свою особую актуальность в современных условиях [1, с. 28–43; 7, с. 21–25; 5, с. 132–142; 11, с. 279–284].

Возникает логичный вопрос: можно ли отождествлять историю народа, языка, веры и историю государства. По мнению автора статьи, нет. По мнению нынешней российской власти, не только можно, но и нужно. В настоящий момент в отечественной исторической науке, безусловно приоритетным является линейный дискурс, в соответствие с которым история российского государства насчитывает более тысячи лет, и что за весь этот период Россия никогда не утрачивала и кардинальным образом не меняла национально-государственной идентичности. На мой взгляд, согласиться с подобной точкой зрения нельзя, поскольку она вступает в очевидное противоречие с теорией государства, в соответствие с которой государство как форма социальной организации и механизм публичной политической власти характеризуется следующими основополагающими признаками: обособленной территорией, институтом гражданства (подданства), бюрократическим аппаратом государственной власти, государственным суверенитетом. Возникновение русского государства, соответствующего названным признакам, происходит не ранее конца XV – начала XVI вв. и

связывается с преобразованием Великого Княжества Московского (являвшегося до этого момента одним из многочисленных русских княжеств), в централизованное государство «Всея Русь», с верховным владыкой – Царем Всея Руси.

Рассматривая собственно государственную историю России, следует выделить три этапа, каждый из которых представляет самостоятельный государственный цикл. При этом условием начала каждого последующего цикла являлось революционное разрушение государственной системы, сформировавшейся и функционировавшей в рамках цикла предыдущего. Советское государство, возникшее в результате разрушения Российской Империи, основывалось на революционном постулате об «отречении от старого мира», разрушении его «до основания», с тем, чтобы на «обломках самовластья» создавать новый мир, в котором «кто был никем, тот станет всем». В свою очередь обретение Российской Федерацией, статуса суверенного государства, было обусловлено распадом СССР – результатом глубочайшего системного кризиса, повлекшего гибельные последствия для «первой в мире страны победившего социализма». Вступая в должность Президента России Б.Н. Ельцин в своей речи заявил: «Великая Россия поднимается с колен! ...Россия возродится!» [12]. Очевиден основной контекст обращения: если России предстоит с колен подниматься, значит на предшествующем этапе своей истории, она на колени опустилась. Если ее предстоит возрождать, то ранее ее разрушили. Понятно в чей огород камень, также понятно, что начало истории «новой» России, строится на отрицании предшествующего советского опыта.

Итак, три цикла государственной истории России, для каждого из которых характерна своя Россия, отличающаяся формой государства, социальным составом и структурой населения, экономическим укладом, правом и идеологией, пониманием конституции и отношением к ней.

2. Понимание конституции и отношение к ней в рамках исторических циклов Российского государства

В формально-юридическом смысле конституции как акта высшей юридической силы в Российской Империи не было и быть не могло. И дело, даже не в том, что монархическое российское государство на всем протяжении своего существования тяготело к абсолютизму, исключавшему любые внешние ограничения за исключением тех, которые накладывает на самодержца Бог и собственная совесть. Конституция была попросту не нужна ни придворным, ни светской и духовной аристократии, ни простому народу.

Российское государство и общество жило в рамках государственной традиции, основанной на несменяемости царствующего Дома Романовых и механизме «ручного управления», в котором любые решения во всех жизненно важных сферах в конечном итоге «замыкались» на фигуре царствующего императора. При таком подходе конституция в ее франко-американском выражении рассматривалась властью, объективно тяготеющей к политическому консерватизму, в качестве экстремистского акта, направленного на ниспровержение «Богом хранимого царя» и разрушение «единой и неделимой» Российской империи.

В итоге, империя была разрушена и конституция здесь абсолютно не причем. Ведь если посмотреть на историю первых писанных конституций, то напрашивается очевидный вывод, для США, изначально строившихся на основании принципов свободы, демократии, ограничения властей, Конституция 1787 г. стала логичным завершением оформления модели правового государства (state of law), в котором конституция стала основным законом, по сути своей аналогичным Священному Писанию, с той лишь разницей, что Библией человек должен руководствоваться в вопросах веры, а конституцией в политико-правовой области. При этом практическая неизменность текста американской конституции, объясняется именно этой аналогией. И Библия, и конституция регламентируют краеугольные основы человеческих отношений, не зависящие от исторического времени. Что же касается непрерывно изменяющихся жизненных реалий, то их регулирование осуществляется при помощи оперативных источников, опирающихся в своем действии на принципы, заложенные «отцами-основателями» [8, с. 182–186.].

Относительно же конституций Франции и Польши, принятых в 1791 г. и, кстати, в том, и в другом случаях, прошедших процедуру королевской промюльгации, следует отметить, что их роль для своих стран и народов в основном трагична. Принятие Конституции Франции не уберегло государство от революции, жертвой которой стал и король Франции – Людовик XVI. Что же касается Польши, то для нее с принятием Конституции связано разрушение польско-литовского государства (Речи Посполитой) и утрата в 1795 г. на долгое время государственного суверенитета. Таким образом можно сделать вывод о том, что сама по себе конституция не является панацеей способной решить любую государственную проблему. Более того, принятие конституции в государстве, не достигшем в своем политико-правовом развитии уровня, позволяющего строить конституционную политику,

может оказаться губительным как для политиков «продвигающих» конституционные преобразования, так и для государств, пытающихся жить по правилам отвергаемым обществом [2, с. 13–25].

Советское государство, позиционировавшее себя как «новый этап человеческой истории» и отрицавшее Российскую империю как «пережиток проклятого прошлого», осуществило фактический переворот системы ценностей, на основе которых строилась «старая Россия». Если для Российской империи конституция была «исчадием ада», то для Советской России, а в последствии и для СССР, конституция стала символом государства нового типа – «основным законом», определяющим положения и принципы, положенные в основу не только государственного устройства, но и формируемого нового мирового порядка – социалистической правовой семьи [10, с. 36–40].

Анализ советских конституций позволяет разделить их на две группы: учредительные и этапные.

Основной целью учредительных конституций являлось юридическое закрепление нового государственного строя.

Конституция РСФСР 1918 г. объявляла Россию «республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... учреждаемой на основе свободного союза свободных наций...». В свою очередь Конституция СССР 1924 г. провозглашала «новое союзное государство» являвшееся «достойным увенчанием заложенных еще в 1917 году основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов... и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». При этом объединяет обе конституции то, что в качестве основной цели, они провозглашали мировую революцию, с которой собственно говоря связывали «оптимистическое» завершение истории социалистического государства и начало безгосударственной коммунистической истории «мирового человечества».

Конституции 1936 и 1977 гг. выступали в качестве «этапных вех» социалистического строительства, конечной целью которого являлось построение коммунизма. При этом в отличие от учредительных конституций 1918 и 1924 гг. ориентированных, как уже отмечалось на мировую революцию и победу интернационального пролетариата, этапные советские конституции разрабатывались и принимались в рамках утвердившейся в советской политике сталинской концепции «построения социализма и коммунизма в отдельно взятой стране (группе стран)».

Конституция 1936 г. легитимизировала решения XVII съезда ВКП (б) 1934 г. в которых отмечалось, что социализм в СССР победил и в основном

построен. С этим обстоятельством связано неофициальное название Основного закона – «Конституция победившего социализма».

Конституция 1977 г. имела своей целью отразить и закрепить изменения, связанные с формированием мировой системы социализма и формированием в СССР «развитого социалистического общества – закономерного этапа на пути к коммунизму». Эта конституция стала образцом типичного советского «долгостроя» в плане сроков подготовки конституционного проекта, работа над которым продолжалась в течение пятнадцати лет [6].

Несмотря на отличительные черты, все советские конституции были одинаковы в главном: закреплении на доктринальном уровне не правовых, а идеологических ценностей, ведущей в которых была безусловно идея коммунистического преобразования мироустройства. Во всех конституциях отмечалась биполярная модель существующего мира, в котором на стороне прогресса находится социалистическая система, ориентированная на построение бесклассового коммунистического общества, соответственно регресс представляет «загнивающий империализм» – «коллективный Запад», в своем состоянии обреченный на грядущий «конец истории».

Отмечая приоритет идеологического начала над правовым в системе советского конституционализма, вместе с тем, необходимо обратить внимание на формальную логику организации этой системы и ее полное соответствие принципам советского федерализма.

В СССР сложилась и просуществовала вплоть до 90-х годов XX века конституционная традиция, в соответствии с которой действовал механизм изменения региональных (союзных и автономных советских республик) конституций. Всякий раз, когда принималась новая союзная конституция, в течение последующего года принимались конституции союзных и автономных республик, которые в основных положениях дублировали союзную. При этом юридическая техника процесса принятия новой конституции определялась техникой советского законодательства, в которой высшим органом государственной власти, наделенным законодательными функциями, являлся Съезд народных депутатов, а после 1936 г. – Верховный Совет СССР (ст. 30 Конституции СССР 1936 г.).

В соответствии с установленным порядком законодательной деятельности были последовательно приняты следующие конституции:

Конституция РСФСР 1918 г. – V всероссийским Съездом Советов РСФСР;

Конституция СССР 1924 г. – II съездом Советов СССР (первый Съезд, в декабре 1922 г. утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР,

впоследствии вошедших в качестве структурных частей в союзную Конституцию);

Конституция СССР 1936 г. – VIII чрезвычайным (внеочередным) Съездом Советов СССР;

Конституция СССР 1977 г. – на совместном заседании палат Верховного Совета СССР. Заслушав сообщение Редакционной комиссии, Верховный Совет СССР путем голосования по разделам, а затем в целом принял Конституцию (Основной Закон) Союза ССР. Одновременно были приняты Декларация Верховного Совета СССР о принятии и объявлении Конституции СССР и Закон об объявлении дня принятия Конституции СССР государственным праздником [6].

Следует обратить особое внимание на тот факт, что в формальном технико-юридическом отношении этапные конституции СССР полностью соответствовали своему статусу «общенародных». Е.В. Куликова отмечает: «Обсуждение и принятие новой советской Конституции стало одним из важнейших событий общественной жизни 1930-х годов... Проект новой Конституции по решению Пленума ЦК ВКП(б) и Президиума ЦИК СССР был вынесен на всенародное обсуждение, которое продолжалось пять месяцев. Согласно официальным данным, в стране состоялось 623334 собрания, посвященных обсуждению проекта Конституции, на которых присутствовало 42372990 человек и было сделано 169739 предложений, замечаний, дополнений в текст Конституции» [4, с. 202–203]. Обсуждение «Конституции развитого социализма» приобрело еще большие масштабы. За четыре месяца (с 4 июня по 1 октября 1977 года) в обсуждении проекта Конституции в общей сложности приняло участие свыше 140 миллионов человек или более четырех пятых взрослого населения страны. Обсуждению проекта было посвящено около 1,5 миллиона собраний граждан, в которых приняли участие около 130 миллионов человек. На собраниях выступило более 6 миллионов человек. Они высказали около 6 миллионов предложений об одобрении проекта Конституции, а также о внесении в него некоторых поправок и дополнений. В Секретариате Конституционной комиссии в общей сложности было учтено и рассмотрено около 400 тысяч поправок и дополнений [6].

Мне могут указать на то, что приведенные цифры не отражают реального отношения к советским конституциям со стороны широких народных масс, что эти самые массы участвовали в процессе обсуждения в принудительном порядке. Соглашусь с этим. Действительно режим коммунистической власти, зачастую использовал недемократические методы социального воздействия. Однако, нельзя не признать того, что пусть принудительно, но

большинство взрослого населения страны, по крайней мере было ознакомлено с сутью и основными положениями конституционных актов. При этом делалось это не только формально и главные цели обсуждения были достигнуты. Советский народ про конституцию не только знал, но и в большинстве своем имел о ней достаточно внятное представление. К великому сожалению, если говорить о «конституционной грамотности» современного российского народонаселения, то приходится констатировать, что для большинства россиян, конституция так и не стала документом «особой значимости и силы». Согласно данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), приуроченного к 25-летию Конституции РФ (2018 г.), о содержании Основного закона 69 % россиян имеют лишь «общее представление» и лишь 6 % считают, что знают ее хорошо [3]. Таким образом, государство перестав использовать принудительные методы борьбы с «конституционной безграмотностью» и не сумев на практике легитимизировать конституцию пришло к закономерному итогу: Конституция для большинства россиян продолжает оставаться такой же, какой была в советский период – возвышенной, правильной, демократической и... декларативной, а оттого – безжизненной, не связываемой с реальной возможностью обеспечения и защиты конкретного права конкретного российского гражданина. Поэтому безразличное в большинстве своем отношение граждан к действующей Конституции, как к акту декларативному, непосредственным образом не влияющему на жизнь конкретных людей, а потому, с точки зрения этих самых конкретных людей, в практической жизни бесполезному, конечно неприятно, но вполне объяснимо.

Список литературы

1. Вяземский Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. – 2012. – № 1. – С. 28–43.
2. Ковальски Е. Европейский и польский конституционализм: XVIII век // Правоохранительная и правозащитная деятельность: вчера, сегодня, завтра: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. – М.: РУДН, 2017.
3. Конституция интереснее не стала. ВЦИОМ выяснил отношение граждан к Основному закону. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3820354>
4. Куликова Е.В. Формирование технологий воздействия на массы в советском обществе (на примере обсуждения проекта Конституции СССР 1936 г.) // Проблемы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 202–204.

5. Лещев Е.Н., Харитонов Н.И. Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России: политический аспект // Среднерусский вестн. общественных наук. – 2016. – Т. 11. – № 6.
6. Лукьянов А.И. Разработка и принятие Конституции СССР 1977 г. (1962–1977 гг.). Хронологический перечень мероприятий, связанных с разработкой и принятием Конституции СССР 1977 г. // Совр. труды по конституционному праву. – URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/3001/>.
7. Лушин А.Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 23. – С. 21–25.
8. Петрова Е.А. Конституционные основы правовой системы США // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 4. – С. 182–186.
9. Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность. – СПб.: Алетейя, 2018. – 330 с.
10. Ромашов Р.А. Конституционный тренд России: век истории // Право и государство: культурологическое измерение: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – 2018. – С. 53–58.
11. Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В. Проблемы фальсификации в отечественной исторической науке // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 4 (37). – С. 279–284.
12. Тронные речи. Выступление Бориса Ельцина на церемонии вступления в должность Президента РФ 10 июля 1991 года. – URL: <http://www.mn.ru/politics/president/80933>.

Статья поступила 30.01.2020 г.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342

Н. В. Бобракова, Л. А. Сухомлинова

Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих органов управления транспортом

В статье проанализировано правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих органов управления транспортом. В статье акцентировано внимание на отсутствии легальных определений основополагающих понятий: должностные обязанности государственного гражданского служащего, дисциплинарный проступок, дисциплинарное взыскание, дисциплинарное производство. Авторами предпринята попытка сформулировать вышеназванные понятия. Отмечена двойственная природа государственной гражданской службы, а именно: государственная гражданская служба относится к сфере наемного труда, но обладание признаками публичности, властности, неотделимости от государственного аппарата свидетельствует о наличии административных начал государственной гражданской службы. Обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», предлагается установить систему дисциплинарных взысканий, дополнив ее взысканиями, носящими материально-правовой характер.

The article analyzes the legal regulation of the disciplinary liability of state civil servants of transport authorities. The article focuses on the absence of legal definitions of fundamental concepts: official duties of a state civil servant, disciplinary offense, disciplinary action, disciplinary proceedings. The authors attempted to formulate the above concepts. The dual nature of the state civil service is noted, namely, the state civil service belongs to the sphere of hired labor, but the presence of signs of publicity, authority, and inseparability from the state apparatus indicates the presence of administrative principles of the state civil service. The necessity of making amendments and additions to the federal law "On the State Civil Service of the Russian Federation", establish a system of disciplinary sanctions, supplement it with penalties of a substantive nature is substantiated.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, государственная гражданская служба, дисциплинарный проступок, дисциплинарное взыскание, дисциплинарное производство.

Key words: disciplinary liability, civil service, disciplinary offense, disciplinary action, disciplinary proceedings.

Государственная служба во все времена находилась в центре внимания политиков, законодателей, ученых. Система государственной службы в Российской Федерации включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу, государственную службу иных видов [4]. Государственная гражданская служба в свою очередь подразделяется на федеральную государственную гражданскую службу и государственную гражданскую службу субъекта Российской Федерации [5]. Среди органов государственной гражданской службы особое значение имеют органы управления транспортом. Современный транспорт включает в себя системы воздушного (гражданской авиации), морского, внутреннего водного, железнодорожного, автомобильного, городского электрического (метрополитена), промышленного транспорта, а также дорожного хозяйства. К федеральным органам управления транспортом относятся Федеральные агентства Министерства транспорта Российской Федерации. Государственные гражданские служащие этих агентств несут при выполнении своих обязанностей юридическую ответственность. Наиболее часто применяемым видом является дисциплинарная ответственность.

В настоящий момент исследование дисциплинарной ответственности в отношении государственных гражданских служащих органов управления транспортом особенно актуально, поскольку несмотря на частоту ее применения, среди исследователей и правоприменителей остаются открытыми вопросы относительно понятий дисциплинарной ответственности, дисциплинарного проступка, дисциплинарных взысканий, дисциплинарного производства, количества его стадий, содержания и значения отдельных стадий.

Дисциплинарная ответственность является важной составляющей правового статуса государственных гражданских служащих органов управления транспортом [12, с.65]. Как вид юридической ответственности, дисциплинарная ответственность представляет собой охранительное правоотношение, субъектами которого выступают государственные служащие органов управления транспортом и представители нанимателя, объектом

– служебная дисциплина государственных гражданских служащих органов управления транспортом, содержание составляют право представителя нанимателя наложить взыскание на государственного гражданского служащего и обязанность виновного государственного гражданского служащего понести примененное к нему дисциплинарное взыскание [9, с.12].

При регулировании данного вида юридической ответственности законодательно закреплён комплексный подход, согласно которому дисциплинарная ответственность использует нормы трудового и административного права. Это связано с тем, что государственная гражданская служба относится к сфере наемного труда, а обладание признаками публичности, власти, неотделимости от государственного аппарата свидетельствует о наличии административных начал государственной гражданской службы.

Правовыми источниками дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих органов управления транспортом являются Конституция Российской Федерации [1], федеральные законы «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5], «О системе государственной службы Российской Федерации» [4], «О противодействии коррупции» [6], Трудовой кодекс Российской Федерации [3], Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [2], подзаконные нормативные правовые акты – указы Президента, постановления Правительства; нормативные акты органов управления транспортом; правовые акты субъектов Российской Федерации, регулирующие вопросы организации государственной гражданской службы органов управления транспортом в соответствующем субъекте Российской Федерации, подзаконные нормативные правовые акты законов субъектов Российской Федерации.

Одной из проблем источников дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих органов управления транспортом является отсутствие в федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» понятия должностных обязанностей государственного гражданского служащего, а также понятий неисполнения или ненадлежащего исполнения государственным гражданским служащим своих должностных обязанностей [11, с. 321]. Данные понятия необходимо закрепить в законодательстве. В федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ Редакции № 52 от 02.12.2019 статью 15 необходимо дополнить ч.1.2, которая могла бы звучать следующим образом: «Должностные обязанности государственного гражданского служащего – это обязанности, установленные

должностным регламентом, являющемся составной частью административного регламента государственного органа и существенным условием служебного контракта, заключаемого между государственным гражданским служащим и представителем нанимателя. Неисполнение или ненадлежащее исполнение государственным гражданским служащим своих должностных обязанностей является несоблюдением требований к добросовестности и высокому профессиональному уровню государственного гражданского служащего при исполнении им своих должностных обязанностей». Внесение таких изменений необходимо, поскольку неисполнение или ненадлежащее исполнение государственным гражданским служащим своих должностных обязанностей является основанием для применения к нему меры дисциплинарного взыскания.

Не менее важными являются и проблемы, касающиеся определения дисциплинарного проступка, дисциплинарного взыскания, дисциплинарного производства. Дисциплинарный проступок представляет собой фактическое основание для применения дисциплинарного взыскания. В научной среде в настоящее время отсутствует единая точка зрения относительно того, какое из понятий следует применять – «дисциплинарный проступок» или «должностной проступок» [12, с. 63]. В связи с этим возникает предложение использовать понятие не дисциплинарной, а должностной ответственности. Но понятия должностного и дисциплинарного проступков не противоречат друг другу, поскольку дисциплинарный проступок предполагает неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, а согласно п. 2 ч. 1 ст. 15 федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» одной из основных обязанностей государственного гражданского служащего является исполнение должностных обязанностей в соответствии с должностным регламентом, который, в свою очередь, является существенным условием служебного контракта (п. 3 ч. 3 ст. 24 федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). То есть, нарушение должностных обязанностей можно назвать и нарушением служебных обязанностей, поскольку должностные обязанности государственного гражданского служащего одновременно являются и его служебными обязанностями [7, с. 4]. При выборе употребляемого понятия более предпочтительным является понятие дисциплинарного проступка, поскольку понятие «дисциплинарный проступок» уточняет, что данный проступок совершен государственным гражданским служащим за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, однако не содержит иных способов нарушения дисциплины, которые могут быть совершены в неслужебное время. Кроме того, «понятие

дисциплинарного проступка» точнее понятия «должностного проступка», предполагает наличие вины при совершении государственным гражданским служащим соответствующего проступка.

Дисциплинарный проступок государственного гражданского служащего органов управления транспортом в качестве правонарушения имеет свой юридический состав, в который входят следующие элементы: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Если в составе дисциплинарного проступка отсутствует хотя бы один из элементов, он не будет являться основанием для наступления дисциплинарной ответственности. Вместе с тем наличие всех элементов состава дисциплинарной ответственности не имеет прямой зависимости с налагаемым дисциплинарным взысканием, поскольку наложение дисциплинарного взыскания, согласно действующему законодательству, является правом, а не обязанностью представителя нанимателя.

При совершении государственным гражданским служащим дисциплинарного проступка к нему применяется соответствующая мера наказания – дисциплинарное взыскание. Однако, в федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5] не содержится понятия дисциплинарного взыскания, а перечислены только виды дисциплинарных взысканий. Данный пробел необходимо восполнить, указав, что дисциплинарным взысканием, применяемым в отношении государственного гражданского служащего, является мера ответственности за совершение дисциплинарного правонарушения, установленная государством с целью предупреждения совершения дисциплинарных проступков, налагаемая только в порядке прямой служебной подчинённости лицом, наделённым властным юрисдикционно-дисциплинарным полномочием или судом.

Кроме того, необходимо изменить и систему дисциплинарных взысканий, применяемых в отношении государственных гражданских служащих с учетом предложений исследователей. Так, систему дисциплинарных взысканий нужно дополнить взысканиями, носящими материально-правовой характер, например, снижение ежемесячного денежного поощрения, а также выделить основные и дополнительные дисциплинарные взыскания. Данные меры помогут повысить эффективность применения существующих в действующем законодательстве дисциплинарных взысканий, носящих материально-правовой характер: замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии. Эти меры необходимо внести в федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ в редакции № 52 от 02.12.2019 [5]. Статью 57 данного федерального закона необходимо дополнить частью 3, которая

должна содержать понятие дисциплинарного взыскания: «Дисциплинарным взысканием, применяемым в отношении государственного гражданского служащего, является мера ответственности за совершение дисциплинарного правонарушения, установленной государством с целью предупреждения совершения дисциплинарных проступков, налагаемой только в порядке прямой служебной подчинённости лицом, наделённым властным юрисдикционно-дисциплинарным полномочием или судом». Часть 1 данной статьи 57 нужно сформулировать: «За совершение дисциплинарного проступка, то есть за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, представитель нанимателя обязан применить одно основное или основное и дополнительное дисциплинарное взыскание». Также необходимо ввести в ст.57 ч.1.1 и 1.2. В часть 1.1 необходимо включить перечень основных дисциплинарных взысканий: «В качестве основных дисциплинарных взысканий в отношении государственных гражданских служащих могут применяться: 1) замечание; 2) выговор; 3) предупреждение о неполном должностном соответствии; 4) утратил силу. - Федеральный закон от 07.06.2013 № 116-ФЗ; 5) увольнение с гражданской службы по основаниям, установленным пунктом 2, подпунктами «а» – «г» пункта 3, пунктами 5 и 6 части 1 статьи 37 настоящего федерального закона». Часть 1.2 статьи 57 будет содержать перечень дополнительных дисциплинарных взысканий: «В качестве дополнительных дисциплинарных взысканий в отношении государственных гражданских служащих могут применяться: 1) публичное извинение за неправильное поведение в общении с государственными служащими и гражданами; 2) снижение ежемесячного денежного поощрения; 3) понижение в должности».

Порядок применения дисциплинарных взысканий в отношении государственных гражданских служащих органов управления транспортом установлен законодательством о дисциплинарном производстве. Понятие дисциплинарного производства также отсутствует в законодательстве. Дисциплинарное производство нужно определить как деятельность представителя нанимателя, направленную на выявление факта совершения дисциплинарного проступка государственным гражданским служащим и привлечение виновного государственного служащего к дисциплинарной ответственности, регулируемую специальными правовыми нормами [10, с. 43]. Также в законе необходимо указать перечень стадий, составляющих дисциплинарное производство, среди этих стадий выделить основные и факкультативные [13, с. 65]. Среди основных стадий необходимо отметить стадию служебной проверки, поскольку проведение этой стадии необходимо

для всестороннего, объективного изучения обстоятельств дела. В федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» указаны права и обязанности представителя нанимателя и государственного гражданского служащего, реализуемые на стадии служебной проверки. Но также нужно указать права и обязанности иных участников служебной проверки, которым являются служащие подразделения государственного органа по вопросам государственной службы и кадров, служащие юридического (правового) подразделения и выборного профсоюзного органа данного государственного органа

Исследователи отмечают, что одной из основных проблем дисциплинарного производства в отношении государственных гражданских служащих является проблема большой степени усмотрения лиц, налагающих дисциплинарные взыскания, то есть представителя нанимателя [8, с. 10]. Необходимо внести соответствующие изменения в законодательство, ограничивающие усмотрение представителя нанимателя при применении дисциплинарных взысканий. Также необходимо ограничить усмотрение комиссий по служебным спорам, указав в ч.9 ст.70 федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5], что комиссия по служебным спорам обязана восстановить пропущенный государственным гражданским служащим срок, установленный частью 8 настоящей статьи, при наличии у государственного гражданского служащего уважительных причин.

Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих в настоящий момент имеет ряд проблем. При поиске путей решения проблем необходимо учитывать исторический, зарубежный опыт, правоприменительную практику, мнения ученых. Решение указанных выше проблем дисциплинарной ответственности путем внесения соответствующих изменений в законодательство будет способствовать укреплению дисциплины, повышению эффективности выполнения должностных обязанностей государственных гражданских служащих органов управления транспортом, а также укреплению принципа объективности при применении дисциплинарных взысканий в отношении государственных гражданских служащих органов управления транспортом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 12.11.2019) // СЗ РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Рос. газета. – № 256. – 31.12.2001.
4. О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Парламентская газета. – № 98, 31.05.2003.
5. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 01.05.2019) О государственной гражданской службе Российской Федерации // Парламентская газета. – № 140–141, 31.07.2004.
6. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 29.12.2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
7. Адаменко Е.А. Особенности дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: ООО «Аэтерна», 2017. – С. 4–6.
8. Анискина Н.В., Валевина Н.С. Дисциплинарная ответственность государственных и муниципальных служащих за коррупционные проступки // Урегулирование конфликта интересов на государственной службе: организационно-правовой аспект: сб. мат. науч.-практ. семинара / под общ. ред. С.В. Завитовой, С. А. Старостина. – Вологда: Вологодский ин-т права и экономики Федер. службы исполнения наказаний, 2017. – С. 9–14.
9. Бабелюк Е.Г. Ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации: административно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005.
10. Добробаба М.Б. Служебно-деликтные дисциплинарные правоотношения (административно-правовое исследование): моногр. – М.: Юрлит-информ, 2017. – 416 с.
11. Долгина Д. О., Ларькина А.П. Проблемы привлечения к дисциплинарной ответственности гражданских служащих по действующему Российскому законодательству // XLV Огарёвские чтения: материалы науч. конф.: в 3 ч. / отв. за вып. П. В. Сенин. – Саранск: Мордов. гос. ун-т, 2017. – 602 с.
12. Лещина Э.Л. Основные подходы к пониманию дисциплинарной ответственности: трудовая и административно-правовая аспекты // Юрид. наука и правоохранительная практика. – № 3 (37), 2016. – С. 62–68.
13. Чаннов С.Е. Дисциплинарная и административная ответственность государственных и муниципальных служащих: вопросы эффективности // Журнал рос. права. – №2, 2018. – С. 59–69.

Статья поступила 21.02.2020 г.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.21

Е. М. Андреева, С. В. Запольский

Отличительные признаки грантов и концепция правового регулирования грантовой деятельности*

В настоящее время законодательство о грантах развивается спонтанно. В нем отсутствуют те базовые составляющие, которые должны лежать в основе любого специального законодательства. Имеет место несколько легальных определений грантов, обслуживающих конкретные задачи. Общее правовое регулирование отсутствует.

Предметом настоящего исследования стало формирование теоретической концепции правового регулирования грантовой деятельности. Для ее разработки, используя российскую практику, зарубежный опыт, научные публикации, сформулировано авторское видение понятия грантов и их особенностей. Данные характеристики позволили вычленивать гранты из ряда близких правовых конструкций, таких как пожертвования, субсидии, пособия, благотворительность. Второй задачей, решение которой непосредственно связано с формированием представления об основах правового регулирования грантовых отношений, стало выявление соотношения в грантах частных и публичных начал.

Делается вывод, что отличительными признаками грантов следует признать безвозмездный и безвозвратный характер, некоммерческую сферу применения грантовой поддержки, целевое назначение грантов, предъявление требований к получателям, финансирование определенных, заранее анонсированных грантодателем действий (проектов), обязательный отбор заявок, обособленный учет гранта. Подчеркивается, что правовые режимы частных и публичных грантов должны отличаться. В заключение предлагаются варианты правового сопровождения грантовой деятельности, обобщаются их достоинства и недостатки.

Currently, grant legislation is developing spontaneously. There are no specific basic characteristics that every special legislation should underlie. There are several legal grants definitions which are served peculiar tasks. There is no common legal regulation.

© Андреева Е. М., Запольский С. В., 2020

* Статья подготовлена в рамках научного проекта № 18-29-15035-мк «Сравнительно-правовое исследование механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Therefore, the object of this research is to create theoretical concept of the legal regulation of grant activities. For that purpose, the authors first have formulated their view of the definition of grants and their features hereby using Russian practice, foreign experience, different publications. These characteristics helped to distinguish grants between close legal terms, such as donations, subsidies, allowance, charity. The second unresolved issue that directly related to the concept of the grant legal regulation is the correlation between private and public grants.

As a result, the authors make the conclusion that the distinguishing features of grants should be non-refundable, gratuitous, non-commercial character, target using of grants, strictly requirements for recipients, funding certain actions (projects) announced in advance, procedure of selection of calls, separate accounting of funds received. The authors also conclude that the legal regimes of private and public grants must be different. At the end of the article, options for legal grant regulation are suggested, their advantages and disadvantages are summarized.

Ключевые слова: гранты, частное право, публичное право, Европейский союз, финансирование, субсидия, пожертвование, пособия.

Key words: grants, private law, public law, European Union, funding, subsidy, donation, benefits, allowance, charity.

Введение в проблему

Сегодня концепция грантов находится, скорее, в научном поле, нежели, чем в нормативном. Грантовые отношения в России регулируются фрагментарно. Нет ни одного правового акта, который можно было бы признать отправной точкой регламентации рассматриваемых отношений. В российском законодательстве не выделены ни универсальное понятие, ни значимые характеристики грантов. Поэтому предметом настоящего исследования стало формирование предложений по созданию теоретической концепции правового регулирования грантовой деятельности, а также установление отличительных признаков грантов как таковых.

Гранты как особый вид пожертвований сегодня предоставляются как за счет частных средств, так и за счет государственных (муниципальных) финансов. Таким образом, в зависимости от источника финансирования гранты можно разделить на две группы: «частные гранты» и «бюджетные гранты». Эти термины в законодательстве не используются, тем не менее, имеют объективную основу для существования. Кроме того, с учетом изложенного ниже, следует предложить еще понятие «публичные гранты», в которое включить бюджетные гранты и гранты, предоставляемые из состава

государственного и муниципального имущества в неденежной форме (публичные имущественные гранты). Данная терминология введена в статью не случайно и будет использована для уяснения особенностей правового регулирования тех и других грантов.

Гражданский кодекс РФ, который, казалось бы, должен быть первоисточником правовых норм о частных грантах, о них не упоминает. Бюджетный кодекс РФ, в котором, как представляется, предполагается установление правового режима бюджетных грантов, скорее, констатирует их наличие, чем осуществляет регулирование. Отдельные отраслевые законы (например, Федеральные законы «О науке и государственной научно-технической политике», «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», «Об общественных объединениях», Налоговый кодекс РФ) в разной степени затрагивают вопросы грантовой поддержки, но применительно к той сфере, которой посвящены. Отсюда сложность в установлении признаков грантов, позволяющих соотнести их с другими правовыми категориями (в частности, дарением, бюджетными субсидиями, налоговыми льготами и даже закупками для публичных нужд).

В связи с этим возникает вопрос, а нужно ли совершенствование грантовому законодательству, если оно находится в таком состоянии уже более 20 лет? Ответ на данный вопрос следует дать положительный. Дело в том, что за эти годы в нашей стране произошли большие изменения. Во-первых, постепенно формируется новое постсоветское поколение, которое отличается активной жизненной позицией и инициативностью. В России стремительно развиваются благотворительная деятельность, волонтерское движение, меценатство. Во-вторых, улучшилось экономическое положение России в целом и ее отдельных граждан в частности. В результате появилось больше финансовых возможностей как у государства, так и частных субъектов оказывать помощь. Как следствие, усилилась потребность в обеспечении правовой определенности правил грантовой поддержки для всех заинтересованных лиц. И роль органов публичной власти в этом очевидна. Представляется, что государство заинтересовано в создании благоприятных условий для грантовой деятельности. Кроме того, только оно может обеспечить целевое расходование рассматриваемых средств, защиту интересов грантодателей.

Если обратиться к статистике, то в России в настоящее время достаточно много грантовых проектов организуется за счет частных благотворительных фондов. Одни из самых известных – это фонды Елены и Геннадия Тимченко, Владимира Потанина [1,2]. Много частных грантов выделяются

международными организациями. Государственная поддержка различных видов деятельности с применением указанной формы финансирования также активно осуществляется в России. Например, общая сумма грантов по разным направлениям в федеральном бюджете была предусмотрена в 2016 г. в размере 18 млрд р., в 2017 г. – 23,6, в 2018 г. – 38,6, в 2019 г. – 30,6 млрд р. [3].

Прежде чем сформировать свое видение системы российского законодательства о грантах, нужно выявить основные признаки грантов и на этой основе предложить их определение. Это на самом деле оказалось очень сложной задачей, поскольку законодательство о грантах, как указывалось выше, в России не развито. Тем не менее, подспорьем являются труды представителей российской правовой науки, зарубежный опыт, доктрина, история развития соответствующих отношений.

Безвозмездный, безвозвратный характер, форма грантов

Отметим, что безвозмездность грантов, выделяемая большинством авторов [4], также требует пояснений. Например, можно ли считать грантом денежные средства, которые предоставляются для научных разработок, авторские права на которые в дальнейшем частично переходят грантодателю? Или, например, можно ли признать грантом бюджетную субсидию, которая имеет целью возмещение недополученных доходов в связи с производством товаров? Наверное, нет. Таким образом, нужно определить, что безвозмездность означает отсутствие у грантодателя любой выгоды, имеющей материальную оценку, и отсутствие любого встречного предоставления со стороны грантополучателя в пользу грантодателя. Другими словами, правообладателем результатов действий, которые оплачивались за счет гранта, в любом случае будет бенефициар.

Немного проще обстоит дело с безвозвратностью грантов. Это свойство также составляет их ключевую характеристику. Тем не менее, можно выделить два случая возврата гранта – использование не по целевому назначению, экономия либо неполное расходование.

В юридической литературе достаточно много внимания уделено форме грантов. Так, полагаем возможным предоставлять гранты в виде товаров, работ, услуг и имущественных прав. В российском законодательстве такие случаи имеются. Например, как в денежной, так и в натуральной форме предусмотрены благотворительные гранты. Если признать грантами пожертвования, то согласно ст. 582 ГК РФ, они предоставляются вещами и правами. Напомним, что согласно поправкам, внесенным в Гражданский кодекс РФ в 2013 г., к вещам относятся только наличные деньги. Безналичные

денежные средства причислены к имущественным правам [5]. В Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» грантами признаются денежные и иные средства (что данный закон понимает под «средствами» в нем не уточняется) [6]. Бюджетные гранты, как это следует из Бюджетного кодекса РФ, имеют денежный характер и предоставляются за счет средств бюджетов бюджетной системы РФ.

В публичном законодательстве неоднозначно решен вопрос о возможности передачи государственного и муниципального имущества частным лицам на безвозмездных началах. Согласно ст. 217 ГК РФ, имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности, может быть передано его собственником в собственность граждан и юридических лиц в порядке, предусмотренном законами о приватизации. В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» государственное и муниципальное имущество отчуждается в собственность физических и (или) юридических лиц исключительно на возмездной основе [7]. Справедливости ради укажем, что данный закон распространяется не на все отношения, связанные с приватизацией публичного имущества. Таким образом, законодательство по общему правилу не предусматривает в настоящее время безвозмездный переход частным субъектам права собственности на государственное и муниципальное имущество, находящееся в казне.

По-другому разрешается данная ситуация, в случае если вещь находится у юридического лица на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. В этом случае согласно ст. 576 ГК РФ организация вправе подарить ее с согласия собственника. В судебной практике есть примеры применения данных норм. Так, Верховным судом РФ были признаны не противоречащими федеральному законодательству положения Закона Читинской области «Об управлении и распоряжении государственной собственностью Читинской области», которыми была предусмотрена возможность отчуждения по договорам безвозмездной передачи (дарения) и договорам мены имущества Читинской области в собственность физических и юридических лиц. Часть 3 ст. 14 названного закона устанавливала, что отчуждение государственного казенного имущества Читинской области в собственность другим лицам по договору безвозмездной передачи имущества может осуществляться, в том числе для оказания поддержки гражданам и негосударственным организациям, осуществляющим деятельность в сфере науки, культуры, образования, здравоохранения и социальной защиты населения. Кроме того, суд исходил из того, что действие Федерального закона

«О приватизации...» распространяется не на все отношения, возникающие при отчуждении государственного имущества и, следовательно, государственное имущество может быть отчуждено не только в порядке, определенном этим законом. В связи с этим, Верховным судом РФ были признаны несостоятельными доводы прокурора о том, что государственное имущество может быть передано в собственность иных лиц только в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О приватизации...» и возмездно [8].

Несмотря на приведенный пример, необходимо констатировать, что грантовая поддержка за счет государственного или муниципального имущества федеральным законодательством сегодня не регулируется. Исходя из изложенного, считаем возможным сделать следующие выводы.

По нашему мнению, частные и публичные гранты должны иметь любую форму. Четкое закрепление данного положения в законодательстве придаст дополнительный импульс развитию грантовой деятельности. Полагаем, что к этому нет теоретических и юридических препятствий. Однако, как будет обосновано ниже, имущество, передаваемое в качестве гранта, должно использоваться по целевому назначению и применяться для достижения тех задач, которые поставил грантодатель. Например, в качестве гранта может рассматриваться предоставляемое грантодателем право пользования дорогостоящим оборудованием для проведения реципиентами научных изысканий, являющихся объектом гранта.

Данные предложения одновременно с детализацией законодательства о грантах помогут решить и другие задачи. В частности, это: 1) установление четких условий, при которых государственное (муниципальное) имущество может быть передано в частную собственность безвозмездно; 2) ограничение случаев такой передачи; 3) создание необходимых предпосылок для развития регионального и муниципального законодательства о материальной грантовой поддержке; 4) минимизация усмотрения при принятии соответствующих решений.

Целевая направленность грантов и установление условий их предоставления

Целевой характер грантов бесспорен. К этому необходимо добавить, что круг направлений, в которых может использоваться грантовая помощь, также должен быть строго очерчен. В этой связи А.А. Кумаритова указывает на общепользные цели гранта [4]. Данная формулировка имеет достоинства и недостатки. В качестве первого отметим понятную направленность гран-

тов и одновременно широкий диапазон областей. С другой стороны, сам термин «общепользные цели» не имеет легального определения, носит оценочный характер и является предметом научных дискуссий [9, 10, 11].

Для того чтобы определить сферы общественной жизни, в которых допустима грантовая поддержка, необходимо проанализировать российскую и зарубежную практику. В 2017–2020 гг. в федеральном бюджете предусматривались порядка 20 видов грантов, которые ежегодно предоставляются приблизительно на аналогичные цели. Их можно сгруппировать следующим образом:

- выданные независимым театральным и музыкальным коллективам для реализации творческих проектов;
- гранты в области культуры и искусства;
- для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства;
- для государственной поддержки научных исследований;
- на реализацию комплексных научно-технических проектов в агропромышленном комплексе;
- гранты в области науки;
- на реализацию проектов в области цифровой экономики.

Как видно, бюджетные гранты, как правило, ограничены поддержкой науки (в том числе фундаментальных исследований), искусства, культуры [12]. К сожалению, по частным грантам предоставить полную статистику не получится, поскольку информация о них рассредоточена на страницах электронной сети. В 2017 г. по поручению председателя правительства РФ Д.А. Медведева на базе Центра культурных стратегий и проектного управления был создан портал «Культура. Гранты России», который является агрегатором сведений о федеральных, региональных, муниципальных и частных грантах». Однако этот ресурс включает информацию только о творческих проектах в области культуры и искусства, кроме того, размещение информации на портале для грантодателей носит необязательный характер [13]. Гранты благотворительного фонда В. Потанина также преследуют цели развития культуры, искусства, библиотек, образования [14].

Если обратиться к опыту Европейского союза, то в нем грантовая помощь используется очень часто. В Финансовом регламенте ЕС 2018 г. провозглашен принцип «некоммерческой основы грантов», который означает, что действие, финансируемое за счет гранта, не может приносить прибыль [15]. Так, из бюджета ЕС ежегодно анонсируется порядка 20 различных ви-

дов грантов [16], большинство из которых предоставляются в рамках финансируемых Евросоюзом программ (более 20 программ) [17]. В частности на 2018–2020 гг. это:

- Программа правосудия («Programme Justice»), в рамках которой финансируется подготовка судей, судебное сотрудничество по уголовным делам, меры по предупреждению преступности и пр. [18];

- Программа по правам, равенству и гражданству («Programme Rights, Equality and Citizenship»), которая поддерживает ценности, закрепленные в международных конвенциях и международных договорах по правам человека (равенство женщин и мужчин, права людей с ограниченными возможностями, права ребенка и пр.) [19].

Две указанные программы дают возможность получить гранты на учебные мероприятия (семинары, разработку учебных модулей и пр.), обмен передовым опытом, информационно-просветительские мероприятия, исследования, сбор данных и пр.:

- Программа исследований и инноваций «Горизонт 2020» («Horizon 2020»), которая нацелена на поддержку и развитие науки, новых технологий, передовых материалов, производства и пр. [20]. Соответственно по этой, одной из наиболее значимых программ Евросоюза, грантами обеспечиваются научные исследования;

- Программа «Европа для граждан» («Programme: Europe For Citizens») по финансированию проектов, которые направлены на исследование истории, культурных и традиционных ценностей Европейского союза, поощрения граждан к демократии на уровне ЕС. Гранты выделяются на финансирование государственных центров политических исследований и соответствующих общественных организаций, действующих по всему ЕС. Программа поддерживает инициативы, которые связаны с исследованием и увековечиванием памяти исторических поворотных моментов в новейшей европейской истории, а также мероприятия по борьбе с нетерпимостью (антисемитизм, антицыганство, ксенофобия, гомофобия и др.), проекты по содействию сотрудничеству городов, в рамках проекта города – побратимы и пр. [21];

- Программа объединенной гражданской защиты (Programme: Union Civil Protection Mechanism) имеет целью оказывать гуманитарную помощь и предоставлять гражданскую защиту людям, пострадавшим от антропогенных и стихийных бедствий. Европейская комиссия оказывает гуманитарную помощь с 1992 г. более чем в 110 странах мира. Финансируемая ЕС гумани-

тарная помощь в форме грантов осуществляется через гуманитарные организации. Грантополучатели – европейские негосударственные организации, агентства ООН и международные организации [22];

- Программа по поддержке образования, обучения, молодежи и спорта в Европе («Erasmus+ Programme»), в том числе поддержке студенческого обмена в Европе. «Erasmus+» предоставляет гранты на широкий спектр мероприятий, включая возможность для студентов трудоустройства за рубежом, а также работников образования посещать учебные курсы [23]. По общему правилу гранты предоставляются любой организации, работающей в сфере образования, обучения, молодежи или спорта [24];

- Третья программа здравоохранения ЕС («3rd Health Programme») обеспечивает поддержку сотрудничества между странами ЕС в области здравоохранения. По программе выделяются гранты организациям здравоохранения и пр. организациям, преследующим цели укрепления здоровья, поощрение здорового образа жизни, внедрение инновационных, эффективных и устойчивых систем здравоохранения и т.д. [25];

- Программа потребителей («Consumer Programme»), нацеленная на организацию единого рынка, безопасности товаров, поддержку профессиональных организаций потребителей, эффективное сотрудничество между национальными органами в поддержку прав потребителей, их консультирования. Гранты выделяются государственным структурам и организациям защиты прав потребителей на национальном уровне и на уровне Европейского союза [26].

Исходя из проанализированных грантов ЕС, можно сделать вывод, что с их помощью также решаются различные социальные, культурные, научные, образовательные задачи. Поэтому, возвращаясь к постановке цели предоставления грантов, предлагается ограничить сферу грантов некоммерческими видами деятельности. В свете сказанного, нам импонирует перечень целей, закреплённый в ст. 251 Налогового кодекса РФ. Так, он устанавливает налоговые преференции получателям грантов на осуществление конкретных программ в области образования, искусства, культуры, науки, физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), охраны здоровья, охраны окружающей среды, защиты прав и свобод человека и гражданина, социального обслуживания малоимущих и социально незащищенных категорий граждан.

Данное предложение имеет значение как для частных, так и для публичных грантов. Ограниченная сфера применения грантовой поддержки

позволит в том числе отделить ее от иных форм материального стимулирования, будет способствовать прозрачности грантового процесса, минимизирует злоупотребления в сфере грантовой поддержки, поскольку зачастую грантодатели используют гранты как средство достижения своих личных целей, например уход от налогообложения.

Квазигранты

Существует много примеров денежных средств, имеющих название грантов, преследующих некоммерческие цели, однако не требующих использования гранта по целевому назначению. Например, гранты Президента Российской Федерации для поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности. Согласно порядку их предоставления, они выплачиваются обучающимся за достижения в учебе, однако не предполагают расходование гранта на саму учебу [27]. По такому гранту отчет предоставляется не о целевом расходовании средств, а о соответствии студента в последующие годы обучения критериям, закрепленным в условиях получения гранта. На наш взгляд, такие средства более подходят под категорию «социальное пособие».

Особо следует отметить, что в некоторых странах (Канада, Австралия, государства – члены Европейского союза) применяют термин «гранты» весьма широко. Например, понятие гранта в Финансовом регламенте Евросоюза 2018 г. раскрыто как финансовый вклад в виде пожертвования [28]. Трудно отнести к грантам в нашем понимании, в частности, гранты правительства Австралии по программе «Возвращение к работе» в размере 1000 долл. для женщин с низким доходом, которые долгое время не работали и согласны пройти курс семинаров по возвращению уверенности в себе, по планированию работы и пр. [29]. Комментируемые денежные средства скорее можно рассматривать как пособие.

Примечательно, что на сайте Правительства США, разъясняется, что «вопреки тому, что Вы можете увидеть в Интернете или в СМИ, федеральное правительство не предлагает гранты или “бесплатные деньги” частным лицам для начала бизнеса или для покрытия личных расходов. Но правительство предлагает *пособия* (авт. перевод “*benefits*”) по федеральным программам, призванным помочь отдельным лицам и нуждающимся семьям, стать самодостаточными или снизить свои расходы». В понимании американского правительства гранты «являются одним из способов, которым правительство финансирует идеи и проекты для предоставления государственных услуг и стимулирования экономики. Они поддерживают

важнейшие инициативы по восстановлению, инновационные исследования и многие другие программы и присуждаются, как правило, региональным и местным органам власти, университетам, исследователям, правоохранительным органам, организациям и учреждениям, которые планируют крупные проекты, которые принесут пользу конкретным слоям населения или сообществу в целом» [30].

В этой связи следует упомянуть о принятом в Европе и многих других странах делении грантов на два вида – операционные («Operating grants») и проектные гранты («Action» или «Project grants»). Первые покрывают расходы бенефициара на любые цели, связанные с его деятельностью (в частности, заработную плату, маркетинг, аренду и пр.). Однако вид деятельности реципиента и другие требования к нему оговариваются заранее. В качестве примера таковых можно привести гранты из бюджета Европейского союза неправительственным организациям в области здравоохранения, специализирующимся на лечении хронических заболеваний – рака, ВИЧ / СПИДа, редких заболеваний и профилактики курения [31] или гранты штата Миссисипи (США), предоставляемые некоммерческим художественным организациям данного штата, которые имеют целью своей деятельности проведение мероприятий, направленных на развитие искусства, проведение спектаклей, проведение выставок и пр. [32]. Целевой характер таких грантов обеспечивается основным видом деятельности и установленной специальной правоспособностью получателей. Проектные гранты предоставляются непосредственно на реализацию какого-либо заранее оговоренного мероприятия (проекта), например, гранты ЕС 2020 г. на финансирование мероприятий государственных органов и некоммерческих организаций, целью которых является преодоление гендерных стереотипов, в частности в сфере образования, ухода за детьми младшего возраста, при выборе профессии, в цифровом мире [33]. Следует отметить, что большинство грантов ЕС 2019–2020 гг. являются проектными. Такие гранты в противовес первым предполагают в буквальном смысле целевое использование средств и отчет о затратах.

На наш взгляд, операционные гранты Европы и других стран у нас не могут быть квалифицированы в качестве таковых, поскольку в большей степени соответствуют понятию субсидии – в бюджетном праве и пожертвованиям (или благотворительной помощи) – в гражданском. Так, именно бюджетные субсидии предполагают безвозмездную и безвозвратную помощь, например производителям на компенсацию части затрат на производство товаров, выполнение работ или оказание услуг (ст. 78 БК РФ) или

некоммерческим организациям на определенные цели (п.2 ст. 78.1 БК РФ). Такие виды поддержки не предполагают создание какого-либо «нового» результата, а финансируют именно текущие затраты получателей. В свою очередь, пожертвования в пользу юридических лиц по ст. 582 ГК РФ могут и вовсе не требовать обязательного целевого характера (если, конечно, за таковой не признать «общепользную цель»). Примечательно, что благотворительные пожертвования (благотворительные гранты) согласно ст. 15 Федерального закона от 11.08.1995г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» носят целевой характер в любом случае. Однако использование пожертвований (в том числе благотворительных) по целевому назначению также не предполагает определенной и заранее установленной «отдачи» от получателя.

Отличительные характеристики грантов

В связи с вышеизложенным, полагаем необходимым закрепить в российском законодательстве именно «проектную» направленность грантов и соответствующий сказанному целевой характер. Считаем, что гранты должны преследовать достижение получателями какого-либо конкретного заранее заданного результата. При этом этот результат необходимо именно достигнуть, в том числе используя грантовое финансирование, например разработать новую теорию или провести какое-либо мероприятие. Данное свойство грантов наравне с другими позволит легко отграничить его от других аналогичных конструкций. Кроме того, оно облегчит контроль за использованием гранта, который как раз необходимо будет потратить на выполнение установленного действия. В этом случае очевидны и функции грантодателей. Последние, исходя из своих приоритетов: 1) ставят перед потенциальными получателями задачи; 2) на их основе осуществляют отбор наиболее подходящих предложений; 3) осуществляют финансирование; 4) контролируют и оценивают результат.

Обобщенный анализ также привел к мысли о том, что нужно ограничить не только целевое назначение грантов, их проектный характер, но и круг бенефициаров. Исходя из опыта России и Европы, полагаем необходимым определить в качестве таковых организации некоммерческого характера, физических лиц, публично-правовые образования. Данное предложение будет соответствовать запрету на дарение в отношениях между коммерческими организациями, закрепленному в ст. 575 ГК РФ. Обязательной характеристикой гранта, позволяющей отличить его, например,

от дарения, пожертвования или безвозмездной помощи [34], считаем установление конкретных условий его получения, например, требований к получателям, их проектам и пр.

Данный вывод одновременно приводит к мнению об обязательности процедуры отбора заявок на грант в качестве еще одного его свойства. Гранты должны предоставляться лучшим, что обеспечит наибольшую эффективность грантовой поддержки.

Таким образом, основными признаками грантов должны стать:

- безвозмездный характер;
- безвозвратность;
- целевое назначение;
- применение грантовой поддержки исключительно в некоммерческой сфере;
- ограничение по кругу грантополучателей – физическими лицами, некоммерческими организациями, публично-правовыми образованиями;
- проектный характер грантовой поддержки, т.е. предоставление гранта под конкретный проект или мероприятие;
- обязательность процедуры отбора заявок на грант;
- отчетность о затратах и достижении результата, который финансировался за счет гранта;
- обособленный учет средств гранта (если он предоставляется авансовыми платежами).

Кроме того, обязательным условием получения гранта должно стать заключаемое с бенефициаром грантовое соглашение. Соответственно, если приложить указанные свойства к тем трафаретам, которые предлагает нам сегодня ГК РФ, то получится, что гранты – это своеобразное смешение договора пожертвования и публичного конкурса.

Особенности частных и публичных грантов

Приведенные выше свойства грантов в равной степени применимы и к частным, и к публичным (бюджетным) грантам. Между тем краеугольное значение для построения концепции правового регулирования грантовой деятельности также имеет вопрос о том, обладают ли частные и бюджетные гранты отличиями и насколько они существенны?

Частное и публичное право, в роли которых мы здесь рассматриваем гражданское и финансовое право, базируются на разных правовых началах и методах правового регулирования. Так, в основе частного права лежат

принципы юридического равенства участников соответствующих отношений, свободы договора, диспозитивный метод правового регулирования. Напротив, ключевыми составляющими публичного права являются публичный интерес, властный субъект и подчиненное лицо, императивный метод правового регулирования. Отличает эти две области права и специфика ответственности. В гражданском праве наблюдается инициативный характер применения мер принуждения, в то время как в публичном праве они, как правило, неотвратимы.

Данные черты предопределяют характер частных и публичных грантов. Частные гранты, соответственно, несмотря на то, что они так же как и бюджетные преследуют определенную благую цель, привязаны к удовлетворению интересов конкретных лиц. Частные грантодатели при выборе проектов под гранты руководствуются своими личными предпочтениями. Например, благотворительный фонд «Соработничество» при поддержке Русской православной церкви проводит конкурс грантов «Православная инициатива», направленных в т.ч. на укрепление православных сообществ всех видов [35]. ПАО «Газпромнефть» проводит грантовый конкурс «Родные города», целью которого является выделение грантов на проекты организаций и групп лиц, которые развивают спорт, образование, культуру, создают комфортную среду в заранее определенном списке городов и регионов России (порядка 15) [36]. Публичные же гранты по своей сути направлены на всех и должны соответствовать интересам населения России в целом. Проекты для частных грантов выбираются произвольно их создателями, в то время как выбор проектов под бюджетные гранты должен быть основан на определенных правилах сам по себе.

Вторым отличием частных и публичных грантов является возможность неограниченного применения к частным грантам всех элементов принципа свободы договора, что может проявляться в более мягком отборе реципиентов, максимально упрощенных условиях получения гранта, более демократичных правилах расходования средств, упрощенная отчетность. Напротив, в публичном праве такой подход является недопустимым. Бюджетные гранты предоставляются за счет государственных и муниципальных ресурсов, которые в конечном итоге принадлежат всем. Отсюда более жесткий отбор заявок, повышенный уровень бюрократии (который в данном случае мы рассматриваем как достоинство), усиленный государственный контроль. Третье отличие – в способе применения ответственности за нарушение условий грантового соглашения. Частные грантодатели могут более

лояльно относиться к применению мер ответственности. Более того, гражданское право разрешает использовать в обязательствах институт прощения долга, в то время как государство, действующее в интересах неограниченного круга лиц, обязано применять меры принуждения. Кроме того, глубина детализации регламентации грантовой деятельности также должна отличаться. В отношении публичных грантов правовое регулирование должно быть более подробным.

Выводы

Таким образом, несмотря на то что по своей экономической сущности публичные и частные гранты являются безвозмездными, безвозвратными отчислениями в пользу граждан и организаций, основы правового обеспечения рассматриваемых отношений должны отличаться.

Соответственно, наше предложение заключается в возможности установления общих начал грантовой деятельности в Гражданском кодексе Российской Федерации с установленным правом обращения к данным нормам публичному праву (наличие отсылочной нормы), в то время как правовой режим бюджетных грантов следует максимально подробно установить в финансовом законодательстве России. Так, предлагается отделить понятие «гранты» от бюджетных субсидий, предусмотрев в Бюджетном кодексе Российской Федерации отдельную главу «Бюджетные гранты», в которой предлагается:

- установить понятие бюджетных грантов;
- определить отличительные особенности грантов (некоммерческая основа, безвозмездный, безвозвратный характер);
- закрепить принципы грантовой поддержки;
- дифференцировать целевую направленность грантов (наука, культура, искусство, образование);
- очертить круг грантополучателей (физические лица и некоммерческие организации);
- определить общие правила предоставления и расходования грантов;
- регламентировать ответственность за их нецелевое или неэффективное использование, иные нарушения.

Должное внимание в данной главе следует уделить процедуре информирования потенциальных участников о предлагаемых к присуждению грантах, а также регламентации процедуры отбора грантополучателей. Если выделить недостатки такого подхода, то они видятся в неполной ликвидации разрозненности правового регулирования. Кроме того, нерешенным останется вопрос о статусе имущественных грантов. Как вариант, все нормы

о грантах могут быть сосредоточены в отдельном федеральном законе. Такой способ юридической техники позволит избежать озвученных недостатков, установив правовой режим не только частных и публичных грантов, но и грантов в неденежной форме. Вопрос о налоговом режиме грантов оставляем на откуп налогового законодательства.

По нашему мнению, вышеназванные предложения смогут повысить частную инициативу в предоставлении грантов, а также результативность грантовой поддержки в Российской Федерации.

Список литературы

1. Официальный сайт Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. – URL: <http://timchenkofoundation.org> (дата обращения: 05.01.2020 г.)
2. Официальный сайт Благотворительного фонда Владимира Потанина. – URL: <https://www.fondpotanin.ru/> (дата обращения: 05.01.2020 г.)
3. Обобщение авторов по анализу данных федеральных бюджетов за 2016–2020 годы. / Федеральные законы от 14.12.2015г. № 359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год»; от 19.12.2016г. № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов»; от 05.12.2017 г. № 362-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов»; от 29.11.2018 г. № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и плановый период 2020–2021 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.01.2020 г.).
4. Кумаритова А.А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве // Журн. рос. права. – 2008. – № 7.
5. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ // СЗ РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3434.
6. О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 35. – Ст. 4137.
7. О приватизации государственного и муниципального имущества: федер. закон от 21.12.2001г. № 178-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 4. – Ст. 251.
8. Об оставлении без изменения решения Читинского областного суда от 29.09.2006г., которым частично удовлетворено заявление о признании недействующими отдельных положений Закона Читинской области «Об управлении и распоряжении государственной собственностью Читинской области» от 22.01.2003 г. № 458-ЗЧО: определение Верховного суда РФ от 20.12.2006 г. № 72-Г06-14 // СПС Консультант плюс.
9. Микрюков В.А. Условия о назначении и цели использования имущества в договоре пожертвования: ограничение или обременение? // Юрист. – 2012. – № 16. – С. 3–6.

10. Долгих Ф.И. Правовое регулирование финансирования текущей деятельности политических партий России: моногр. – М.: Юрист, 2017.
11. Авакьян С.А., Кененова И.П., Ковлер А.С. и др. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная моногр. / отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2016.
12. Общероссийская база конкурсов в области науки и искусства // <https://grants.culture.ru/about/> (дата обращения: 11.02.2020 г.)
13. Официальный сайт благотворительного фонда В. Потанина. – URL: <https://www.fondpotanin.ru/competitions/> (дата обращения: 11.02.2020 г.)
14. Финансовый регламент Евросоюза. Regulation (EU, Euratom) 2018/1046 of the European Parliament and of the Council of 18 July 2018 on the financial rules applicable to the general budget of the Union // Official Journal of the European Union L 193/1. – 30.07.2018.
15. Официальный информационный портал Евросоюза о конкурсах и грантах. – URL: <https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/portal/screen/opportunities/topic-search;freeTextSearchKeyword=;typeCodes=1;statusCodes=31094501,31094502,31094503;programCode=null;programDivisionCode=null;focusAreaCode=null;crossCuttingPriorityCode=null;callCode=Default;sortQuery=openingDate;orderBy=desc;onlyTenders=false;topicListKey=topicSearchTablePageState> (Дата обращения: 11.02.2020 г.)
16. Единое пространство электронного обмена данными (SEDIA) «Возможности к финансированию и участию в тендерах». Single Electronic Data Interchange Area (SEDIA) «Funding & tender opportunities». – URL: <https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/portal/screen/home> (дата обращения: 12.08.2019 г.)
17. Официальный сайт программы ЕС Programme Justice. – URL: https://ec.europa.eu/justice/grants1/programmes-2014-2020/justice/index_en.htm (дата обращения: 6.02.2020 г.)
18. Официальный сайт программы ЕС «Programme Rights, Equality and Citizenship». – URL: https://ec.europa.eu/justice/grants1/programmes-2014-2020/rec/index_en.htm (дата обращения: 6.02.2020 г.)
19. Официальный сайт программы ЕС «Horizon 2020». – URL: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/> (дата обращения: 8.02.2020 г.)
20. Официальный сайт программы ЕС «Programme: Europe For Citizens». – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/citizenship-programme_en (дата обращения: 8.02.2020 г.)
21. Официальный сайт программы ЕС «Programme: Union Civil Protection Mechanism». – URL: <https://ec.europa.eu/echo> (дата обращения: 6.02.2020 г.)
22. Официальный сайт программы ЕС «Erasmus+ Programme». – URL: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/node_en (дата обращения: 9.02.2020 г.)
23. Электронный гид по программе ЕС «Erasmus+ Programme». – URL: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/resources/documents/erasmus-programme-guide-2020_en (дата обращения: 9.02.2020 г.)

24. Официальный сайт программы ЕС «3rd Health Programme». – URL: https://ec.europa.eu/health/funding/programme_en (дата обращения: 6.02.2020 г.)

25. Официальный сайт программы ЕС «Consumer Programme». – URL: <https://www.efta.int/eea/eu-programmes/consumer-programme> (дата обращения: 10.02.2020 г.)

26. О порядке предоставления и выплаты грантов Президента Российской Федерации для поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности: постановление Правительства РФ от 19.12.2015 № 1381 // СЗ РФ. – 2015. – № 52. – Ст. 7606.

27. Официальный сайт грантовой поддержки Правительства Австралии. – URL: <https://www.communityservices.act.gov.au/women/return-to-work-grants-program> (дата обращения: 8.02.2020 г.)

28. Официальный сайт Правительства Соединенных штатов Америки. – URL: <https://www.usa.gov/grants> (дата обращения: 9.02.2020 г.)

29. Официальный сайт грантов за счет средств программы ЕС в области здравоохранения «3rd Health Programme». – URL: <https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/portal/screen/opportunities/topic-details/fpa-01-2014;freeTextSearchKeyword=%20grants;typeCodes=1;statusCodes=31094503,31094501,31094502;programCode=null;programDivisionCode=null;focusAreaCode=null;crossCuttingPriorityCode=null;callCode=Default;sortQuery=openingDate;orderBy=desc;onlyTenders=false;topicListKey=topicSearchTablePageState> (дата обращения: 12.02.2020 г.)

30. Официальный сайт Правительства штата Миссисипи США. – URL: <https://arts.ms.gov/grants-for-organizations/operating-grants/> (дата обращения: 8.02.2020 г.)

31. Гранты в рамках программы EC Rights, Equality and Citizenship Programme. – URL: <https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/portal/screen/opportunities/topic-details/rec-rgen-wwlb-ag-2020;freeTextSearchKeyword=%20grants;typeCodes=1;statusCodes=31094503,31094501,31094502;programCode=null;programDivisionCode=null;focusAreaCode=null;crossCuttingPriorityCode=null;callCode=Default;sortQuery=openingDate;orderBy=desc;onlyTenders=false;topicListKey=topicSearchTablePageState> (дата обращения: 8.02.2020 г.)

32. О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации: федер. закон от 04.05.1999 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2221.

33. Сайт конкурса «Православная инициатива». – URL: <http://www.pravkonkurs.ru/about-the-competition/> (дата обращения: 8.02.2020 г.)

34. Официальный сайт грантового конкурса ПАО «Газпромнефть» «Города России». – URL: <http://rodnyegoroda.ru/grant/> (дата обращения: 8.02.2020 г.)

Статья поступила 11.02.2020 г.

*А. С. Варвенко, С. С. Желонкин,
В. В. Жукавин*

Теоретико-правовые положения о принципе добросовестности в гражданском праве

В статье исследуются отдельные теоретико-правовые положения принципа добросовестности, закрепленного в Гражданском кодексе Российской Федерации. С учетом ретроспективного анализа делается вывод, что в современных условиях принцип добросовестности является не столько юридической новеллой, сколько возвращением к забытым истокам. Законодатель был вынужден указать участникам оборота на ожидаемое от них поведение, которое при нормальном развитии общественных отношений является обычным. Определяя юридическую природу добросовестности делается вывод о ее многоаспектном характере. Это и принцип, и презумпция, и характеристика юридически значимого действия (деятельности) – характеристика непосредственно субъекта гражданских правоотношений. Кроме того, добросовестность является пределом осуществления и защиты субъективных гражданских прав, выход за пределы которого может повлечь за собой нарушение прав и свобод граждан и организаций, а значит и определенные юридические последствия.

The article examines certain theoretical and legal provisions of the principle of good faith, enshrined in the Civil Code of the Russian Federation. The authors, taking into account the retrospective analysis, conclude that in modern conditions the principle of good faith is not so much a legal novel as a return to forgotten sources. The legislator was forced to indicate to the participants in the turnover the expected behavior from them, which is normal in the normal development of social relations. Determining the legal nature of good faith, a conclusion is drawn about its multidimensional nature. This is a principle, a presumption, and a characteristic of a legally significant action (activity) - a characteristic directly of the subject of civil legal relations. In addition, good faith is the limit to the exercise and protection of subjective civil rights, the exceeding of which may entail a violation of the rights and freedoms of citizens and organizations, and therefore certain legal consequences.

Ключевые слова: добросовестность, правовая категория, принцип гражданского права, недобросовестное поведение, злоупотребление правом.

Key words: good faith, legal category, the principle of civil law, unfair behavior, abuse of law.

Добросовестность – тот базис, на котором должна быть основана вся система гражданского права. В настоящий момент содержание гражданско-правовых норм общего и специального характера пронизывают положения, в которых выражаются отдельные элементы и критерии добросовестности. В то же время реализация добросовестности в качестве принципа гражданско-правовых отношений, характеристики деятельности их субъектов остается на низком уровне. Однако соблюдение принципа добросовестности – требование, которое распространяется на всех участников гражданско-правовых отношений. Более того, вопрос о добросовестности действий сторон правового спора разрешается в судебном процессе и потому влияет на суть итогового решения.

С большой долей вероятности можно предположить, что добросовестность в некотором смысле является принципом идеальной модели экономической конституции современной России. Реализация данного принципа должна осуществляться без каких-либо исключений. Однако ряд социально-экономических и политических изменений современного общества, особенности общих представлений населения России о нравственности, этики и морали, современный уровень правосознания и правовой культуры определяют частую практику нарушения данного принципа.

Научный интерес в изучении понятия добросовестности как правовой категории также определен следующим. В настоящее время добросовестность – нравственная категория. Непосредственно в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) смысловая нагрузка приведенного термина не раскрывается. Ввиду того, что основной метод правового регулирования гражданских отношений диспозитивный, в настоящее время научно обоснованное исследование принципа добросовестности имеет особое значение в аспекте предупреждения нарушения прав граждан и организаций, а также усовершенствования эффективности механизма защиты и восстановления нарушенных или оспариваемых прав.

Добросовестность как принцип гражданского права в исторической ретроспективе. Впервые категория «добросовестность» в гражданском праве Российской империи была запечатлена на страницах Гражданского Уложения Российской империи, опубликованного в 1899 г¹. Книга 5 содержала нормы, которые регулировали обязательственные отношения. Помимо

¹ Гражданское Уложение. Книга пятая: Обязательства: Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1899. 212, VI с. (Приложение к журналу «Вестник права» № 6 и 7 за 1899 г.).

правовых норм, в проекте были изложены пояснения разработчиков уложения. Принцип добросовестности упоминался там напрямую в ст. 65 Проекта Гражданского уложения Российской империи: «Договоры должны быть исполняемы по точному их смыслу, по доброй совести и намерению сторон». Норма ст. 71 проекта Гражданского уложения Российской империи содержала категорию «добрая совесть». Согласно изученным теоретическим позициям, содержание данного принципа было заимствовано из источников немецкого законодательства того времени.

Доктрина гражданского права XIX–XX вв. отличается большим объемом работ, касающихся раскрытия содержания принципов гражданского права. Так, в начале XX в. И.Б. Новицкий опубликовал научную статью, предметной областью исследования которой являлся принцип доброй совести [8]. Ученый полагал, что принцип доброй совести необходимо понимать в качестве знания. Так, принцип доброй совести реализуется в том случае, когда субъект гражданского оборота обладает некоторым знанием (информацией) о другом субъекте, такое знание связано с известным доброжелательством; между субъектами наличествует элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении [8].

Вместе с тем принципом доброй совести выражаются связанность, согласованность отдельных частных интересов, а также частного интереса с интересом целого; подчинение каждого равномерно идее общего блага, поскольку она проявляется или отражается на отношении между данными лицами [7, с. 188–190].

Смена общественно-экономической формации и политического строя после 1917 г. затронула все сферы общества, в том числе и юридическую. Понятие добросовестности как категории материализации духа права исчезло из текстов правовых актов. Однако ввиду необходимости обеспечения всеобщего подчинения советских граждан коммунистической идеологии остро возникла потребность создания эффективных правовых инструментов [7, с. 188–190]. Подход, согласно которому формально-правовое регулирование должно осуществляться с оглядкой на дух права, отражающий, в свою очередь, господствующие в обществе ценности, оказался очень удобным и практичным инструментом для нового тоталитарного государства. Новая коммунистическая государственная идеология наполнила прежние ценности новым содержанием. Необходимо отдельно рассмотреть период проведения новой экономической политики (далее – НЭП) в 1920-х гг. Необходимость поддержки частного предпринимательства для поднятия

экономики страны, а также потребность в сдерживающих механизмах для соблюдения и проведения в жизнь господствующей идеологии привели к тому, что идеи о добросовестности были закреплены в следующем виде в ст. 1 Гражданского кодекса РСФСР (далее – ГК РСФСР) 1922 г., «Гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением». Исследователи в области права утверждают, что смысл ст. 1 ГК РСФСР 1922 г. отражает содержание духа советского права. Также в научной литературе содержится позиция, согласно которой данная норма есть не что иное, как «борьба с дореволюционными буржуазными идеями» [2, с. 54].

В.И. Ленин в своих трудах указывал на необходимость разработки нового гражданского законодательства. Так, субъекты правотворчества обязаны были не «плыть по течению», а идти против него, а именно посредством расширения государственного вмешательства в частные юридические отношения [6, с. 398].

Необходимо отметить, что в отличие от современного гражданского законодательства, советское и дореволюционное законодательство не знало запрета на злоупотребление правом. Однако стоит отметить, что сохранились тексты постановлений Сената, содержание которых говорит о предпосылках к формированию института запрета на злоупотребление правом. Так, О.А. Поротикова указывает, что в текстах юридических актов Сената содержались нормы, которые были направлены на запрет ведения хозяйственной деятельности, нарушающей права соседа [10, с. 122].

Возврат к категории добросовестности именно как к принципу права произошел в современном российском праве в период реформирования ГК РФ в 2013–2015 гг. Согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

М.А. Цакоева полагает, что в отечественное гражданское законодательство принцип добросовестности, обязывающий каждого участника гражданских правоотношений уважать права и интересы третьих лиц, пришел из немецкого права [13].

Относительно советского принципа добросовестности необходимо отметить, что законодатель наполнил данный принцип соответствующей социалистическим целям смысловой нагрузкой, достаточной для того, чтобы реализацию формальных норм права подчинить целям правового регулирования, преследуемым государством. Таким образом, если в дореволюционном праве принцип доброй воли означал необходимость учитывать права и интересы другого лица, то в советском праве первоочередное значение стали иметь интересы государства.

В современных условиях принцип добросовестности является не столько юридической новеллой, сколько возвращением к забытым истокам. Таким образом, нормативное закрепление принципа добросовестности в том виде, в котором он был известен дореволюционному гражданскому праву, было обусловлено потребностями отечественного гражданского оборота, который в последние годы столкнулся с серьезной проблемой значительного увеличения недобросовестных действий его участников. Законодатель был вынужден указать участникам оборота на ожидаемое от них поведение, которое при нормальном развитии общественных отношений является обычным.

Юридическая природа и место категории «добросовестность» в гражданском праве современной России. Понятие «добросовестность» в качестве принципа гражданского права следует рассматривать в субъективном и объективном значениях. Такой дуалистичный характер добросовестности свойственен ей еще со времен римского права.

В субъективном аспекте добросовестность характеризует деятельность конкретного лица, участника отдельного гражданского правового отношения. Сложность научного осмысления, а также практического применения принципа добросовестности возникает ввиду того, что добросовестность – категория, обладающая нравственно-моральной окраской [4].

Добросовестность в объективном смысле представляет собой достаточно сложное явление, для которого крайне трудно сформулировать общую дефиницию. Большинство ученых-правоведов уклонялись от общего описания добросовестности и говорили, что легче понять и оценить, добросовестно ли лицо действовало в конкретных обстоятельствах, чем сформулировать общий подход к добросовестности [3].

Обращаясь к объективному смыслу, целесообразно будет отметить, что добросовестность есть критерий, который:

- а) формально закреплен законодателем в нормативном правовом акте,
- б) распространяется на всех участников гражданско-правового оборота.

Необходимо отметить, что в гражданском законодательстве современной России категория «добросовестность» является не только принципом, на котором основан весь массив гражданско-правовых отношений. Так, добросовестность – презумпция, а также юридически значимая характеристика как конкретного субъекта конкретных правоотношений, так и конкретной деятельности лица, субъекта гражданских правоотношений. В качестве примера использования законодателем категории «добросовестность» в качестве характеристики субъекта необходимо обратиться к нормам, закрепленным в текстах следующих статей. Например, целесообразно отметить, что в п. 1 ст. 302, ст. 303 ГК РФ, ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» содержится категория «добросовестный приобретатель». В данных случаях речь идет о лице, которое на возмездной основе приобрело имущество у лица, которое не имело права его отчуждать, при этом признак добросовестности заключается в том, что приобретатель не знал и не должен был знать об отсутствии у продавца такого права.

Также законодательство содержит нормы, согласно которым добросовестность – характеристика должного поведения субъекта, т. е. речь идет о добросовестности при осуществлении конкретных прав. Например, в п. 3 ст. 53 ГК РФ говорится о необходимости для субъектов права действовать добросовестно [11, с. 85–90].

Добросовестность как основное начало, принцип гражданского законодательства содержится в п. 3 ст. 1, ст. 10, ст. 173–174, ст. 662 ГК РФ. В ст. 1, 10 ГК РФ содержатся общие нормы, предполагающие, что все участники гражданско-правового оборота действуют добросовестно. Таким образом, добросовестность – одновременно и принцип гражданского права, и обязанность субъектов правоотношений. Кроме того, недобросовестные действия есть нарушение закона, что влечет за собой гражданско-правовую ответственность. В ст. 173, 174 ГК РФ принцип добросовестности прямо не упоминается, однако подразумевается, о чем свидетельствуют условия, прописанные в норме (например, сделка юридического лица может быть признана недействительной в том случае, если другая сторона сделки знала или

должна была знать о наличии ограничений на совершение юридическим лицом такой сделки). Содержание указанных статей – пример специальной нормы, распространяющейся на правоотношения, возникающие в соответствии с заключением сделки, которая может быть признана недействительной.

Необходимо также отметить, что в доктрине существует позиция, согласно которой добросовестность не является принципом гражданского права. Одни ученые рассматривают добросовестность в качестве определенного предела осуществления прав участниками гражданско-правового оборота. Так, С.А. Краснова считает, что п. 1 ст. 10 ГК РФ содержит норму о недопустимости действий, являющихся злоупотреблением правом, а в п. 5 ст. 10 ГК РФ содержится положение о том, что «добросовестность» предполагается [5, с. 62–67]. В поддержку позиции о том, что добросовестность есть не принцип, а предел также приводится аргумент, согласно которому добросовестным действиям противостоят действия с намерением причинения вреда, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное, заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав [12, с. 3–7]. Таким образом, согласно одной из теоретических позиций, добросовестность не принцип, а граница, устанавливающая пределы реализации гражданских прав. Тем не менее, стоит отметить, что приведенная выше позиция не пользуется поддержкой среди представителей современной гражданско-правовой науки. Так, например, существует позиция, согласно которой неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданской обязанности не может быть тождественно нарушению пределов осуществления права, а равно и со злоупотреблением правом или с недобросовестной защитой права. Данной позиции придерживается Е.А. Одегнал, который считает, что перечисленные три юридических действия связаны с осуществлением субъективного гражданского права, а подчинение принципу добросовестности есть обязанность участников гражданского оборота [9, с. 234–238].

Ученый указывает, что закрепление категории «добросовестность» в ст. 10 ГК РФ фактически означает, что добросовестность – принцип гражданского права. Однако теоретик отмечает, что сам факт внесения изменений в ст. 10 ГК РФ пусть формально и разрешил споры о существовании принципа добросовестности в гражданском праве, однако вопрос о содержании данного принципа окончательно не разрешен и по сегодняшний день. Справедливо утверждение о том, что добросовестное поведение правомерно, в то время как недобросовестное поведение всегда предполагает осуществление субъективных гражданских прав и юридических обязанностей в обход закона или же за пределами закона [9, с. 234–238].

Несмотря на то что добросовестность – нравственно-этическая категория, разрешение вопроса о наличии в действиях субъекта признака добросовестности на практике имеет особое значение при разрешении юридических споров. Очевидно, что в данных случаях необходимо разрешить следующие моменты: наличие у лица субъективного права или юридической обязанности на осуществление того или иного юридически значимого действия, особенности осуществления или защиты субъективного права или исполнения юридической обязанности; также необходимо установить отсутствие или наличие умысла на причинение вреда другому субъекту гражданских правоотношений, определить конкретные действия, которые были совершены в обход закона, установить наличие или отсутствие в таких действиях противоправной цели.

Таким образом, необходимо заключить, что содержание современных научных работ сводится к тому, что добросовестность есть не оценочная нравственная категория. При углубленном анализе правовых норм, изучении содержания правоотношений, добросовестность может приобретать вполне конкретные признаки. Добросовестность в гражданском праве – принцип, презумпция, характеристика юридически значимого действия (или же деятельности), характеристика непосредственно субъекта гражданско-правовых отношений. Кроме того, добросовестность является пределом осуществления и защиты субъективных гражданских прав, выход за пределы которого может повлечь за собой нарушение прав и свобод граждан и организаций, а значит и определенные юридические последствия. Добросовестность при реализации норм права имеет место в том случае, если в конкретных правоотношениях полностью исключается обман, непредставление значимой информации для других лиц, введение в заблуждение, шикана (злоупотребление правом), а также иные формы злоупотребления правом.

Таким образом, обобщая вышесказанное, справедливо будет заключить, что гражданскому праву характерен критерий (презумпция) добросовестности, которая предполагает преимущественную защиту субъективных прав и законных интересов добросовестных лиц, а также недопущение извлечения выгоды посредством совершения недобросовестных действий.

Список литературы

1. Брисов Ю.В. Реализация принципа добросовестности в гражданском праве. – М., 2017. – С. 45–50.
2. Долинская В.В. Развитие основных положений гражданского кодекса: на примере ГК РСФСР 1922 г. // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина. – № 10. – 2016. – С. 52–68.

3. Егоров А. Новые положения о добросовестности и злоупотреблении правом. Какую пользу изменения принесут на практике // Юрист компании. – № 7. – 2013.
4. Жантуева З.Ю. Понятие и содержание принципа добросовестности в гражданском праве // Вестн. Междунар. юрид. ин-та. – 2019. – № 2 (69). – С. 82–88.
5. Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журн. рос. права. – 2003. – № 3. – С. 62–67.
6. Ленин В.И. Письмо от 20.11.1922 Курскому Д.И. «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 44. – М., 1982. – С. 398.
7. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. – М.: Статут, 2019. – 280 с.
8. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестн. гражданского права. – № 6–8. – 1916. – С. 56–90.
9. Одегнал Е.А. Содержание принципа добросовестности в современном гражданском праве // Вестн. Алтайской акад. экономики и права. – 2018. – № 6. – С. 234–238.
10. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 256 с.
11. Принципы гражданского права и их реализация: моногр. / Т.П. Подшивалов, Г.С. Демидова, А.А. Алексеев и др. – М.: Проспект, 2017. – 352 с.
12. Турбанов А.В. Реформа гражданского законодательства: новые подходы и правовые механизмы // Банковское право. – № 4. – 2012. – С. 3–7.
13. Цакоева М.А. Эволюция принципа добросовестности в обязательственном праве // Изв. высш. учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – № 2 (186). – 2015. – С. 118–121.

Статья поступила 28.01.2020 г.

**Институт деловой репутации субъектов
хозяйственной деятельности: взаимосвязь правовых
и экономических аспектов**

В статье рассмотрены и оценены основные подходы к интерпретации понятия «деловая репутация субъекта хозяйственной деятельности». Дана сравнительная характеристика существующих методов количественной оценки деловой репутации. Показаны междисциплинарный характер института деловой репутации и вытекающие из этого особенности рассмотрении данной категории в экономике и праве.

The article considers and assesses the main approaches to the interpretation of the concept of "business reputation of a business entity." A comparative description of existing methods of quantification of business reputation is given. The interdisciplinary nature of the institution of business reputation and the resulting peculiarities of the consideration of this category in economics and law are shown.

Ключевые слова: деловая репутация, нематериальные активы, деловая репутация субъектов хозяйственной деятельности, индекс деловой репутации, репутационный менеджмент, репутация правообладателя.

Key words: business reputation, intangible assets, business reputation of business entities, business reputation index, reputational management, reputation of the right holder.

Деловая репутация как компонент институциональной среды современного общества отличается своей новизной, актуальностью, междисциплинарным характером, относительно слабой разработкой научной и правовой базы. Авторы статьи полагают, что одной из важнейших предпосылок успеха в деле научных исследований, государственного регулирования и самого развития института деловой репутации субъектов хозяйственной деятельности является комплексный междисциплинарный подход.

Деловая репутация является одним из объектов исследования в таких областях знания, как экономика, право, социология, психология. В данной статье ставилась задача анализа соотношения и взаимосвязи первых двух аспектов деловой репутации как наиболее значимых и востребованных. Актуальность исследования данного вопроса определяется следующими обстоятельствами. С точки зрения развития научного знания междисциплинарный подход составляет необходимое условие для достижения единообразия в понимании сущности, свойств, внутреннего содержания категории «деловая репутация», для разработки и реализации механизмов решения острых проблем и эффективного ее использования в качестве инструмента управления бизнес-процессами.

Актуальны также практические стороны функционирования института деловой репутации. В сфере предпринимательской деятельности деловая репутация составляет ценный нематериальный актив юридических лиц. Правовые и социально-экономические особенности деловой репутации важны как единый гармонизированный комплекс условий и механизмов репутационного менеджмента в организациях. В качестве самостоятельной гражданско-правовой категория деловая репутация представлена в законодательной и правоприменительной практике. При этом необходим учет экономических аспектов института деловой репутации, что способствует выбору, обоснованию и реализации наиболее правильных, справедливых и эффективных решений.

Деловая репутация как научная категория пока не получила однозначной трактовки. В российском праве определение понятия «деловая репутация субъекта хозяйственной деятельности» как объекта гражданских прав законодательно не закреплено, что является неблагоприятным фактором с точки зрения ее правового регулирования и правоприменительной практики. Среди исследователей нет единого подхода к интерпретации данного понятия.

В публикациях ученых-юристов преобладает представление о деловой репутации как об особой интегральной оценке (мнении) достоинств и недостатков финансово-экономического потенциала, поведения и деятельности корпорации со стороны потребителей, контрагентов и др. Одним из примеров данного подхода может служить следующая формулировка: «деловая репутация – некий образ корпорации, сложившийся в представлениях других лиц» [1, с. 109].

Данный подход ориентирован на раскрытие внутренней природы категории «деловая репутация субъекта хозяйственной деятельности». Он

уместен и даже необходим в концептуально-правовом дискурсе, но оказывается недостаточным при решении практических задач правового (защита деловой репутации компании) или экономического (управление деловой репутацией компании) характера.

Задачам защиты и управления деловой репутацией, регулирования связанных с ней отношений соответствует принятый в международной и российской практике подход к ее определению – рассмотрению как особого вида нематериальных активов, используемых в деловом обороте и влияющих на результаты предпринимательской деятельности. Так, в Гражданском кодексе РФ в п. 1 ст. 1042 закреплено положение о том, что в простых товариществах «вкладом товарища признается все то, что он вносит в общее дело... а также деловая репутация ...». В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» указано, что деловая репутация юридических лиц является «одним из условий их успешной деятельности» (п. 1 разъяснений судам).

В России нормативное закрепление термина «деловая репутация субъекта хозяйственной деятельности» содержит лишь один документ – ГОСТ Р 66.0.01-2017 «Оценка опыта и деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности. Национальная система стандартов. Общие положения, требования и руководящие принципы» Пункт 3.1. данного стандарта определяет деловую репутацию субъекта предпринимательской деятельности как «совокупность характеристик, которая определяет оценку деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя с точки зрения их деловых качеств, включая наличие у них финансовых ресурсов, оборудования и других материальных ресурсов, опыта работы и репутации, специалистов и иных работников определенного уровня квалификации» [2].

Таким образом, понятие «деловая репутация субъекта хозяйственной деятельности» трактуется, в зависимости от специфики предметного подхода к ее оценке, с трех разных позиций:

- как мнение о субъекте хозяйственной деятельности;
- как нематериальный актив субъекта хозяйственной деятельности;
- как деловые качества субъекта хозяйственной деятельности.

Следует также отметить несовпадение в обозначении объекта – обладателя деловой репутации. В упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 2005 г. использован термин «деловая репутация юридических лиц», а ГОСТ Р 66.0.01-2017 содержит термин «деловая репутация субъектов хозяйственной деятельности». В многочисленных научных

публикациях используется первый термин. Мы же отдаем предпочтение второму термину, поскольку он предполагает более полный охват «носителей» деловой репутации (юридические лица и индивидуальные предприниматели) и представлен в современных нормативных документах - ГОСТ Р 66.0.01-2017 и Письмо ФАС России от 28.06.2018 № АД/48621/18 «О применении статьи 14.1 Федерального закона «О защите конкуренции».

При определении деловой репутации как одного из видов нематериальных активов организации возникает вопрос о методе ее количественной оценки, который имеет несколько вариантов решений.

Приказом Минфина РФ от 27.12.2007 г. № 153н (ред. от 16.05.2016) было утверждено Положение по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» - ПБУ 14/2007. Этим Положением (п. 42) предусматривается, что «для целей бухгалтерского учета стоимость приобретенной деловой репутации определяется расчетным путем как разница между покупной ценой ... и суммой всех активов и обязательств...». Деловая репутация, понимаемая как особый вид нематериальных активов организации, который может быть капитализирован только в случае его приобретения при объединении бизнеса. Не подлежат бухгалтерскому учету элементы деловой репутации, созданные самой компанией, ввиду невозможности их объективной оценки.

В соответствии с пунктами 43 и 44 ПБУ 14/2007 положительная деловая репутация учитывается в бухгалтерском учете в качестве отдельного инвентарного объекта и амортизационные отчисления по ней определяются линейным способом. Отрицательная деловая репутация относится на финансовые результаты организации в качестве прочих доходов. В гл. 25 Налогового кодекса РФ в перечне нематериальных активов деловая репутация не упоминается.

Российскому ПБУ 14/2007 «Учет нематериальных активов» соответствует Международный стандарт финансовой отчетности (МСФО) 38 «Нематериальные активы» (IAS 38) [3]. Следует отметить, что в российских нормативных документах используется термин «деловая репутация», а в МСФО – термин «гудвилл». Содержание этих двух понятий не идентично. На территории Российской Федерации МСФО 38 был введен в действие Приказом Минфина от 28.12.2015 9 № 217н. В п. 3 МСФО 38 указано, что его положения не применяются к гудвиллу, приобретенному при объединении бизнесов, в отношении которого действуют нормы МСФО (IFRS) 3 «Объединения бизнесов» [3].

В МСФО 3 в приложении А дано определение гудвилла – «актив, представляющий собой будущие экономические выгоды, являющиеся результатом других активов, приобретенных при объединении бизнесов, которые не идентифицируются и не признаются отдельно». При этом величина гудвилла рассчитывается как разница между покупной стоимостью активов и их справедливой стоимостью в день совершения сделки, что не совпадает с описанным выше порядком учета деловой репутации по ПБУ 14/2007. В п. 9 МСФО 13 «Оценка справедливой стоимости» [3] справедливая стоимость определяется «как «цена, которая была бы получена при продаже актива или уплачена при передаче обязательства в ходе обычной сделки между участниками рынка на дату оценки».

Принципиальной иной подход к оценке деловой репутации субъектов хозяйственной деятельности принят в российской государственной системе национальных стандартов. ГОСТ Р 66.0.01-2017, утвержденный и введенный в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21.11.2017 г. № 1795-ст, содержит общие положения, требования, структуру, базовую методологию национальной системы стандартов, используемой для оценки деловой репутации субъектов хозяйственной деятельности.

В Стандарте дано определение понятия «индекс деловой репутации»: «целое числовое значение в интервале от 0 до 100, присваиваемое заявителю по результатам работы по оценке соответствия требованиям системы стандартов...». Такие оценки осуществляются по инициативе заявителя аккредитованными органами сертификации по единой методологии (факторной модели) с учетом вида хозяйственной деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя. Получение сертификата с оценкой деловой репутации способствует формированию положительного имиджа и повышению конкурентоспособности организации, а также позволяет компаниям создавать систему управления деловой репутацией (репутационный менеджмент), оптимизировать решения по выбору контрагентов, позиционировать себя на рынке (более детально эти вопросы раскрыты, например, в работе «Управление организационными системами» [4]). Сертификаты используются при проведении тендеров, конкурсов. Высокий рейтинг компании положительно влияет на рыночную капитализацию и доступ к источникам внешнего финансирования.

ГОСТ Р 66.0.01-2017 предусматривает использование для оценки деловой репутации математической модели, включающей шесть факторов, каждый из которых интегрирует в себе ряд субфакторов:

1) характеристики финансовых ресурсов, оценивающих эффективность управления финансами (финансовая автономия; финансовая устойчивость; ликвидность; рентабельность; другие субфакторы, дифференцированные по видам хозяйственной деятельности);

2) обеспеченность материально-техническими ресурсами (обеспеченность оборотными средствами; износ основных средств; риск банкротства; субфакторы по виду хозяйственной деятельности);

3) характеристики трудовых ресурсов (характеристики сотрудников – стаж работы, образование, квалификация, награды и звания; субфакторы по виду деятельности организации);

4) опыт работы на рынке (добросовестность; период деятельности; субфакторы по виду деятельности организации);

5) репутация, т. е. восприятие субъекта хозяйственной деятельности клиентами и обществом (цитируемость; наличие сайта; арбитражная практика; отзывы и упоминания в СМИ; субфакторы по виду деятельности организации);

6) управление процессами (сертифицированная система менеджмента; документированное управление качеством; субфакторы по виду деятельности).

Рассматриваемый ГОСТ Р 66.0.01-2017 содержит перечень используемых при добровольной сертификации документов и иных источников информации, методики выполнения каждой расчетной операции, требования к экспертам, порядок организации экспертизы. Сертификат может выдаваться один раз в три года и ежегодно актуализируется.

Предлагаемая ГОСТом модель деловой репутации обладает следующими особенностями:

- представлен конкретный максимально полный перечень элементов (факторов и субфакторов), из которых складывается деловая репутация, в то время как в рассмотренных выше ПБУ 14/2007 и МСФО для оценки деловой репутации используется только один итоговый параметр – стоимость нематериальных активов;

все субфакторы, факторы и итоговый показатель (индекс деловой репутации) имеют числовое выражение;

- при расчете интегральных оценок используются весовые коэффициенты с целью учета значимости каждого фактора и субфактора;

- индекс деловой репутации субъекта хозяйственной деятельности может быть определен по состоянию на любой момент, а оценка деловой репутации (гудвилла) по методам ПБУ 14/2007 и МСФО – только при продаже, объединении бизнесов;

- расчет индекса деловой репутации – трудоемкая и дорогостоящая процедура, для выполнения которой необходимы высококвалифицированные специалисты;

- на основе данного общего ГОСТа формируются отраслевые стандарты.

Таким образом, ГОСТ Р 66.0.01-2017 позволяет, хотя и с некоторой долей условности, детализировать структуру такого многогранного и емкого феномена, как деловая репутация, в то время как ПБУ 14/2007 и МСФО 38 предлагают ограничиться единым интегральным индикатором, основанном на принципиально ином принципе построения.

Существующие в экономической сфере разные подходы к пониманию сущности и к методам оценки деловой репутации субъекта хозяйственной деятельности вполне оправданы и обусловлены спецификой отдельных задач ее использования в деловом обороте и в управлении компаниями.

В пределах экономического подхода к категории «деловая репутация субъекта хозяйственной деятельности» действуют два основных взаимосвязанных направления научных исследований и практической деятельности:

- деловая репутация рассматривается и как объект и как инструмент стратегического планирования и управления компаниями, как фактор формирования конкурентоспособности и позиционирования компании в сфере рыночных отношений;

- приобретенная (при купле/продаже хозяйственного комплекса) деловая репутация выступает в качестве объекта бухгалтерского (финансового) учета.

Если экономический подход к деловой репутации имеет в своей основе процесс ее создания и использования, процесс управления ею, то правовой подход соответствует задаче защиты деловой репутации. В современной научной литературе деловая репутация субъекта хозяйственной деятельности рассматривается либо как экономическая категория [5; 6], либо как правовая [7; 8]. Значительно реже представлена наиболее продуктивная интерпретация деловой репутации юридических лиц – как экономико-правовой категории [9; 10; 11]. Например, Сошникова М.П. отмечает,

что «Деловая репутация имеет неимущественную ценность для ее обладателя, но в силу своей экономической ценности она приобретает вполне определенный имущественный характер» [10].

Прослеживается также взаимосвязь двух направлений судебной практики – по делам о защите деловой репутации и делам о недобросовестной конкуренции, где в обоих случаях представлено сочетание экономических и правовых начал рассматриваемых отношений. Федеральная антимонопольная служба (ФАС) в письме от 28.06.2018 г. № АД/48621/18 «О применении статьи 14.1 ФЗ «О защите конкуренции» [12] указала, что данная статья, не допускающая недобросовестную конкуренцию путем дискредитации, наносящей ущерб деловой репутации хозяйствующего субъекта, должна применяться с учетом ряда требований, среди которых представлены следующие:

- «в силу п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (с учетом положений Обзора практики рассмотрения судами дел о защите деловой репутации) подобные требования могут быть удовлетворены лишь в случае установления факта злоупотребления правом ... т.е. обращение... продиктовано... исключительно намерением причинить вред другому лицу...»;

- «... порочащими являются сведения... которые умаляют ... деловую репутацию гражданина или юридического лица»;

- «данные подходы судебной практики по защите чести, достоинства и деловой репутации допустимо по аналогии применять» при оценке информации по делам о недобросовестной конкуренции.

При всей значимости рассмотренных положений, они не являются, как нам представляется, исчерпывающими, поскольку оставлена без внимания проблема «паразитической конкуренции» (действиях по недобросовестному использованию чужой репутации), актуальность которой убедительно показана в статье председателя Суда по интеллектуальным правам – Новоселовой Л.А. Как указывает Новоселова Л.А., существенным критерием, необходимым для признания судом наличия в действиях лица признаков «паразитарной конкуренции, является *«намерение нарушителя использовать репутацию правообладателя»* (курсив наш) [8].

Проведенный краткий анализ соотношения и взаимосвязи правовых и экономических аспектов института деловой репутации субъектов хозяйственной деятельности позволяет сделать следующие выводы:

- многообразие интерпретаций понятия «деловая репутация субъекта хозяйственной деятельности» и подходов к ее оценке оправдано спецификой конкретных задач исследования, управления и правовой регламентации института деловой репутации;

- но такое положение затрудняет достижение большей согласованности и координации при формировании механизмов регулирования института деловой репутации, усложняет для субъектов хозяйственной деятельности понимание своих прав и возможностей в данной области;

- использование принципа междисциплинарного подхода, углубление экономико-правового видения природы института деловой репутации субъектов хозяйственной деятельности могут составить благоприятную предпосылку дальнейшего развития и совершенствования института деловой репутации в Российской Федерации.

Список литературы

1. Алексеев А.П. К вопросу о понятии деловой репутации корпоративного юридического лица // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2017. – 2. – С. 105–113.

2. ГОСТ Р 66.0.01-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. «Оценка опыта и деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности. Национальная система стандартов. Общие положения, требования и руководящие принципы» (утв. И введен в действие Приказом Росстандарта от 21.11.2017 № 1795-ст). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=18514#028464189883484436> (дата обращения: 25.12.2019).

3. Приказ Минфина от 28.12.2015 9 № 217н (ред. от 11.07.2016) «О введении Международных стандартов финансовой отчетности в действие на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов (отдельных положений приказов) Министерства финансов Российской Федерации». Приложение № 25 «Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 38 «Нематериальные активы». Приложение № 31 Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 3 «Объединения бизнесов» Приложение № 40 «Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=176013443109271042451584038&cacheid=D59D0BB41D68F93F3A096EAADC888F8&mode=splus&base=LAW&n=316191&rnd=4CDF92DA9F54AADBC8DF9AB1B582926C#27c57n32j5> (дата обращения: 25.12.2019).

4. Управление организационными системами: учеб. пособие / И.В. Бородушко, Е.С. Янковская. – М.: РУСАЙНС, 2019. – 134 с.

5. Грекова Г.И., Савина Т.С. Деловая репутация компании: экономическое содержание и оценка / Вестн. Новгород. гос. ун-та. – 2012. – № 69. – С. 48–51.

6. Калинин О.И. Формирование механизма управления промышленным предприятием на основе оценки его деловой репутации: автореф. дис. ... д.э.н. – М., 2019.
7. Мордюхов Г.Ю. Способы защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... к.ю.н. – М., 2017.
8. Новоселова Л.А. «Паразитический» маркетинг: основные симптомы и методы борьбы. Журнал Суда по интеллектуальным правам, №8. 2015 с. 22-28. – URL: <http://www.garant.ru/article/653369/>
9. Лазарева Е.И., Карайчева О.В. Деловая репутация: экономико-правовые технологии оценки и управления применительно к новым условиям хозяйствования // Terra Economicus. – 2013. – № 3. – С. 11–16.
10. Сошникова М.П. Гражданско-правовые и экономические аспекты деловой репутации // Законодательство и экономика. – 2008. – № 1.
11. Карайчева О.В. Деловая репутация как объект гражданских прав: автореф. дис. к.ю.н. – Краснодар, 2014.
12. Письмо ФАС России от 28.06.2018 № АД/48621/18 «О применении статьи 14.1 ФЗ «О защите конкуренции» (план методической помощи на 2018 год, пункт 8)». – URL: http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_301552/ (дата обращения: 29.12.2019).

Статья поступила 11.03.2020 г.

**Правовое положение академии наук
в сфере книгоиздательской и книготорговой деятельности
во второй половине XVIII в.**

Целью статьи является исследование роли Академии наук в контексте эволюции книгоиздательского и книготоргового рынка России во второй половине XVIII в. К этому периоду книгопечатание уже достигло определенного уровня развития, и были сформированы предпосылки для его эволюции. Деятельность академической типографии детерминировала также и совершенствование юридических механизмов регламентации институтов, связанных с творческой деятельностью, например вопросов обеспечения прав авторов и издателей произведений, а также цензурных отношений. Все это способствовало созданию фундамента для принятия в начале XIX в. нормативных правовых актов, системно регламентирующих эти сферы.

The purpose of the article is to study the role of the Academy of Sciences in the context of the evolution of the book publishing and bookselling market in Russia in the second half of the XVIII century. By this period, printing had already reached a certain level of development, and the prerequisites for its evolution were formed. The activity of the academic printing house also determined the improvement of legal mechanisms for regulating institutions related to creative activity, for example, issues of ensuring the rights of authors and publishers of works, as well as censorship relations. All this helped to create the Foundation for the adoption of normative legal acts that systematically regulate these areas in the early XIX century.

Ключевые слова: книгоиздательская деятельность; книготорговая деятельность; авторское право; произведение науки, литературы, искусства; интеллектуальная собственность; цензура.

Key words: book publishing activity; bookselling activity; copyright; work of science, literature, art; intellectual property; censorship.

Российская Академия наук была образована по инициативе Петра I в 1724 г. С тех пор данное учреждение являлось не только крупным мировым исследовательским центром, но и популяризатором науки. Во многом это

было обусловлено деятельностью учрежденной при ней типографии. С самого начала в ее задачи входило не только издание научной литературы. Публикация книг по истории и естествознанию, словарей, нот, календарей, первой периодической газеты «Санкт-Петербургские ведомости» также осуществлялась в академической друкарне. Кроме этого, важным направлением деятельности Академии наук являлось распространение опубликованных материалов, способствовавшее созданию в России полноценного книготоргового рынка.

Следует отметить, что в течение первой половины XVIII в. государство в основном стремилось всячески поддерживать книгоиздательскую и книгораспространительную деятельность Академии наук. Это делалось преимущественно посредством предоставления академической типографии наиболее выгодного экономического и юридического положения по сравнению с другими издательствами. Об этом свидетельствует ряд императорских указов и правительственных распоряжений. Фактически речь шла о создании монополии.

Безусловно, не одно лишь желание обеспечить «детищу» Петра I максимально комфортное существование на книготорговом рынке обуславливало наделение Академии наук такими льготами. Думается, решающую роль играло стремление государства поставить под контроль всякую издательскую деятельность, чтобы исключить возможность неконтролируемого распространения публикаций, в которых могла содержаться крамола или негативные отзывы о власти. В целом деятельность академической типографии в первой половине XVIII в. фактически являла собой историю русского книгопечатания.

Важным этапом публикационной деятельности академии в рассматриваемый период стало издание первого научно-популярного журнала. Издаваемые ранее «Примечания», несмотря на их популярность, прекратили выпускать с 1742 г. Выдающийся немецкий и российский естествоиспытатель, географ, историограф Г.Ф. Миллер был назначен его первым редактором. Перед ним были поставлены задачи контроля количества журнальных статей и соблюдение порядка выплат гонораров авторам. Если же материалов для очередного номера оказывалось недостаточно, разрешалось «дополнять каким ни на есть переводом, чьим бы то ни было, или стихами, в которых, по усмотрению, соединено будет полезное забавному» [4, с. 34].

Формированию книготоргового рынка в России того времени способствовало открытие книжной лавки при Академии наук. В 1749 г. она была

разделена на русскоязычную и иностранную. Такую же лавку учредили в Москве. В определенном смысле можно сказать, что это была первая в России книготорговая сеть, содействовавшая распространению изданий по всей стране. К тому же еще в тридцатые годы XVIII в. типография направляла в провинцию каталоги академических изданий.

Вместе с тем на типографию была возложена функция публикации не только просветительской и научной литературы и периодики, но и государственных документов. При этом загруженность такого рода работой была столь высока, что представители Академии наук даже обращались с просьбой к петербургскому генерал-прокурору и жаловались, что типография вынуждена работать «не только в простые дни, но и в праздничные» [5, с. 482] и что в связи с этим целесообразно освободить ее от печатания документов Сената. Тем не менее, это прошение было отклонено. К тому же, по некоторым данным, количество неакадемических заказов даже выросло.

Немаловажным правовым аспектом, связанным с формированием и обеспечением деловой репутации академии, стало введение специальных обозначений, размещаемых на титульных листах изданий академической типографии. В случае если публикация осуществлялась по собственной инициативе Академии наук, указывалось: «иждивением императорской Академии наук»; если же публиковалось заказное издание – «при императорской Академии наук». Если же произведение не заслуживало внимания (например, не обладало достаточно высокой содержательной ценностью), то указывали лишь город и год его издания. Данное правило было юридически закреплено в 1783 г. Однако позднее мы встречаем на обороте титульного листа каждого академического издания указание: «печатается по постановлению Академии наук».

Обращаясь к аспекту обеспечения интересов авторов произведений, представляется небезынтересным следующий случай. В 1761 г. секретарь Академии наук С.С. Волчков перевел на русский язык ряд иностранных книг и опубликовал их в академической типографии. Однако вскоре член Академии наук И.И. Тауберт опубликовал эти же переводы без разрешения С.С. Волčkова. При этом он занялся и их реализацией. Трудность заключалась в том, что в России в то время отсутствовало законодательство, регламентирующее права авторов, не было даже специального нормативно-правового акта. В этой ситуации С.С. Волчков был вынужден обратиться непосредственно в Сенат за защитой своих интересов. В результате

И.И. Тауберту было запрещено самовольно публиковать и распространять переводы С.С. Волчкова.

Право на издание и продажу опубликованных материалов Академия наук получала от императора. Это означало, что ее типография выступала в качестве главного печатного органа государства. Поэтому в качестве обязанности на академию было возложено осуществление контроля за содержанием публикаций. Такой контроль был, по сути, цензурой. Примечательно, что осуществлять ее академия должна была не только в отношении сторонних произведений, но и в отношении собственных изданий. Так, еще в 1743 г. предписывалось все опубликованные книги «взнести в Сенат немедленно и впредь по тому же вносить, а прежде такого взносу для народного известия в продажу не употреблять» [5, с. 484].

Развитие книгоиздательского дела в России обуславливалось накоплением и преумножением знаний, а также неуклонно возрастающим интересом отдельных слоев населения к информации. В результате происходило постепенное формирование книготоргового рынка. Так, 5 марта 1756 г., был издан сенатский указ «О порядке сношений Московского Университета с Коллежиями, Канцеляриями, Приказами и Конторами, Губернскими, Провинциальными и Воеводскими Канцеляриями и об учреждении при оном Университете типографии и книжной лавки» [2, с. 518]. В нем определялся порядок учреждения типографии при московском университете. В частности, предполагалась передача ей некоторых шрифтов из Духовной типографии, из Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Академическая типография была обязана выделить помимо литер и два печатных станка с необходимыми принадлежностями, а также переведены несколько специальных листов. Управление типографией было поручено М.М. Хераскову.

Период нахождения у власти Екатерины II ознаменовал собой бурное развитие книгоиздательской и книготорговой деятельности в России, а также особый этап в становлении средств массовой информации. Так, с 1769 г. под руководством кабинет-секретаря императрицы Г.В. Козицкого начинается издание сатирического журнала «Всякая всячина». В редакторской колонке указывалось: «...вижу сквозь облака добрый вкус и здравое рассуждение, кои одною рукою прогоняют дурачества и вздоры, а другою доброе поколение всякая всячина за руку ведет» [1, с. 28].

Несмотря на то что Екатерина II не связывала явным образом свою персону с изданием журнала, было общеизвестно, что «Всякая всячина» существует под ее эгидой. Это обстоятельство послужило детерминантом

появления большого количества журналов. Для получения права на учреждение и дальнейший выпуск журнала необходимо было обратиться с прошением в специально образованную при Академии наук комиссию. В заявлении следовало указать название журнала, его тематику, периодичность выхода, предполагаемый тираж и т.д. При этом необязательно было называть имя учредителя издания, на этом этапе рассмотрения заявок допускалась анонимность с целью исключения произвола и ограничения конкуренции. В связи с этим имена издателей некоторых журналов (например «Смесь») до сих пор неизвестны.

Становление и развитие издательской деятельности обусловило выделение ряда институциональных направлений в юридической регламентации сфер, связанных с ней. Представляется, что можно выделить следующие из них: правовое регулирование книгоиздательской деятельности; правовое регулирование книготорговой деятельности; правовое регулирование отношений между авторами издательствами и пользователями произведений (предтеча современного авторского права); регулирование цензуры. Примечательно, что, несмотря на то что большинство элементов этих отношений сегодня рассматриваются как частноправовые, в тот период они регламентировались в основном нормами публичного права.

Указ от 1 марта 1771 г. «О даче иноземцу Гартунгу привилегии на заведение в Санкт-Петербурге вольной Типографии и словолитной для иностранных языков» ознаменовал начало нового этапа в развитии книгопечатания в России. С этого дня частному лицу фактически впервые разрешалось публиковать книги, иные произведения и материалы, а также самостоятельно распространять их. Представляется, что этот шаг для того времени являлся передовым и создавал предпосылки для социальной и политической эволюции государства. Вместе с тем возможность учреждения вольных типографий предопределила ослабление позиций академической типографии на рынке книгоиздания и книготорговли. При этом возрастала цензурная функция Академии наук. В частности, в этом указе оговаривалось, что И. Гартунг обязывался представлять всю опубликованную в его типографии литературу Академии наук: «...в вольных Типографиях, без свидетельства Академии Наук и без дозволения от Полиции, ничего ни на каких языках не печатать» [3, с. 230].

В конце XVIII в. монополия академической типографии на публикацию ряда изданий была практически полностью утрачена. Значительные убытки принесла потеря права единолично тиражировать календари, а в

дальнейшем и переводы литературных произведений. Во многом такие перемены были обусловлены появлением в 1783 г. указа, допускающего создание частных типографий по всей стране и разрешением печатать в них художественные книги на русском и иностранных языках. Академическая типография сохранила за собой лишь монополию на издание газеты «Санкт-Петербургские ведомости» вплоть до 1874 г.

Приход к власти Павла I трансформировал политико-правовой ландшафт, в том числе и в сфере статуса Академии наук как субъекта книгоиздательской деятельности. Несмотря на то что частные типографии к тому времени были фактически упразднены, это не обусловило возврат привилегий в сфере публикации произведений Академии наук. К этому периоду в стране был уже накоплен значительный опыт книгоиздательской деятельности, и типографии имелись в различных учреждениях, в частности, в университетах. Тем не менее, Академия наук продолжала играть видную роль в этой сфере, однако уже не как издатель, а как цензор.

Подводя итог проведенному исследованию, представляется необходимым отметить следующее. Во-первых, книгоиздательская и книготорговая деятельность, пройдя период бурного развития, обусловила появление в стране полноценного рынка печатной продукции. Это, в свою очередь, способствовало возникновению целой отрасли экономики, а также росту интереса к литературе, науке и искусству. Во-вторых, несомненно, что Академия наук и ее типография сыграли значительную роль в этих процессах и оказали существенное влияние на развитие книгоиздательства. В-третьих, несмотря на трансформацию социально-политических отношений в стране, происходящую под влиянием внутренних и внешних факторов, издательская деятельность Академии наук занимала видное положение на рынке и оказывала влияние на развитие общественной мысли, науки и культуры. В-четвертых, утрата преимущественного положения на рынке книгопечатания обусловила трансформации функций Академии наук, которая начала играть значительную роль в цензурировании материалов, предполагаемых к опубликованию различными типографиями. В целом академическая типография во второй половине XVIII в. оказала значительное влияние на эволюцию книгоиздательского и книготоргового рынка в России и сохранила ведущие позиции на нем, даже утратив монопольное право на печатание светской литературы во второй половине XVIII в.

Список литературы

1. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. – М., 1952. – С. 28.
2. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г. – СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 14 : 1754-1757 – 1830. № 10515. – С. 518.
3. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 19: 1770–1774 – 1830. № 13572. – С. 230.
4. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). – СПб., 1892. – С. 34.
5. 400 лет русского книгопечатания. – М., 1964. – С. 484.

Статья поступила 10.02.2020 г.

**Оспаривание фиктивности документооборота:
гражданско-правовые аспекты**

В статье рассматриваются ситуации, когда налоговый орган при проведении налоговых проверок квалифицирует цепь заключенных предприятием сделок как фиктивный документооборот, целью которого является уклонение от уплаты налогов. Однако при аргументации своих выводов налоговый орган зачастую не учитывает нормы действующего гражданского законодательства, что дает дополнительные основания налогоплательщику для оспаривания данных актов.

The article examines the situation when the tax authority, when conducting tax audits, qualifies the chain of transactions concluded by the enterprise as a fictitious document circulation, the purpose of which is tax evasion. However, when reasoning its findings, the tax authority often does not take into account the norms of existing civil law, which gives additional grounds for the taxpayer to challenge these acts.

Ключевые слова: налоговая проверка, фиктивный документооборот, мнимая сделка, аффилированность, налоговая выгода, цессия, прощение долга, дарение.

Key words: tax audit, fictitious paperwork, imaginary transaction, affiliation, tax benefit, cession, debt forgiveness, gift.

В процессе проверки хозяйственной деятельности организаций налоговый орган зачастую устанавливает создание предприятием фиктивного документооборота, преследующего цель применить нормы п.п. 3.4 п.1. ст. 251 НК РФ, которые в ряде случаев, в частности при заключении договора займа, освобождают от налогообложения экономическую выгоду (доход организации).

Особенно тщательно налоговым органом проверяется хорошо известная схема ухода от налогов, когда предприятие заключает договор займа, передает право требования по договору цессии другому предприятию, а то – следующему, и последнее в конечном итоге осуществляет прощение долга. На самом деле все сделки нередко относятся к категории мнимых и

являются ничтожными, поскольку заключены сторонами без желания вызвать определенные последствия, а соответственно, их цепь образует фиктивный документооборот. Вместе с тем такие сделки могут оказаться и действительными, неслучайно они часто оспариваются налогоплательщиками в судебном порядке.

Для вывода о наличии фиктивного документооборота налоговый орган должен был установить совокупность следующих обстоятельств:

а) наличие аффилированности (взаимосвязанности) участников указанных выше сделок (договора займа, договоров цессии и соглашения о прощении долга);

б) мнимый характер заключаемых сделок;

в) организация, прощающая долг, фактически совершает договор дарения.

Соответственно, налогоплательщик должен опровергнуть наличие таких обстоятельств.

Изучение судебной практики показывает, что налоговый орган при составлении акта проверки в отдельных случаях неправильно толкует и применяет нормы гражданского права. Можно выделить некоторые моменты, на которые стоит обратить внимание как налоговой инспекции при формулировании отдельных положений акта налоговой проверки, так и предпринимателям при оспаривании такого акта.

При доказывании наличия аффилированности следует обратиться к ст. 53.2 ГК РФ, где прописано, что в случаях если ГК РФ или другой закон ставит наступление правовых последствий в зависимость от наличия между лицами отношений связанности (аффилированности), наличие или отсутствие таких отношений определяется в соответствии с законом. Таковым является в настоящее время ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», это единственная действующая статья данного закона, который в целом утратил силу. В этой статье дается понятие аффилированных лиц и приводятся критерии отнесения их к таковым, что нужно соотносить с определением взаимосвязанности. К взаимосвязанным относятся аффилированные лица для целей НК РФ, их понятие закреплено в ст. 105.1 НК РФ и рассматривается более широко [4]. Например, для взаимозависимости физических лиц существует такой критерий, как отношения подчиненности, не свойственный аффилированности; взаимозависимость можно признать добровольно или по решению суда, что не принято для аффилированности.

В научной литературе обращается внимание на недостаточность и нечеткость данных критериев для выводов об аффилированности юридических лиц [1, с. 153].

Такие дополнительные критерии выработаны судебной практикой, обзор материалов которой показывает, что при квалификации таких действий налогоплательщиков, как «создание фиктивного документооборота», необходимо, кроме того, установить, что налогоплательщик включал в производственный процесс подконтрольные аффилированные лица, деятельность которых носит формальный характер и не преследует деловую цель [7].

Необходимо также доказать факт согласованности действий аффилированных лиц и установить, что целью таких действий является уклонение от уплаты налога на прибыль организаций. При этом, проводя такой анализ, важно выявить, что в последующем каждое из указанных лиц получило свою часть дохода для уменьшения собственного налогового бремени. В материалах налоговой проверки необходимо наличие доказательств, свидетельствующих, что руководители и учредители всех вышеуказанных юридических лиц, участвующих в совершении сделок, квалифицируемых налоговой инспекцией как фиктивный документооборот, были знакомы друг с другом, вели какую-либо переписку, обмен факсами, совершали другие действия, из которых бы явствовало, что они действуют согласованно, преследуют одну общую цель уклонения от уплаты налога.

В актах налоговой проверки налоговый орган иногда ссылается на отсутствие в договоре информации о банковском учреждении и банковских реквизитах организации, из чего делается вывод о ничтожности данной сделки и ее фиктивном характере. Вместе с тем в соответствии с требованиями гражданского законодательства, отсутствие банковских реквизитов в договоре не может привести к ничтожности сделки. В соответствии со ст. 54 ГК РФ для индивидуализации юридического лица в гражданском обороте, в частности при совершении гражданско-правовых сделок, установлено только два обязательных способа: а) наименование юридического лица; б) место нахождения и адрес юридического лица.

Наименование – это его название, содержащее указание на организационно-правовую форму. Место нахождения юридического лица – это место его государственной регистрации на территории Российской Федерации путем указания наименования населенного пункта (муниципального образования). Государственная регистрация юридического лица осуществляется по месту нахождения его постоянно действующего исполнительного органа,

а в случае его отсутствия – иного органа или лица, уполномоченных выступать от имени юридического лица в силу закона, иного правового акта или учредительного документа, если иное не установлено законом о государственной регистрации юридических лиц.

Из этого следует, что банковские реквизиты юридического лица законом не отнесены к способам его индивидуализации. Как правило, наименование и место нахождения организаций в договоре указаны, что достаточно, с точки зрения закона, для их индивидуализации.

В соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. При этом существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. По смыслу приведенной нормы положения договора, касающиеся индивидуализирующих признаков сторон соглашения, включая адреса и банковские реквизиты, не являются существенными и не требуют согласования.

Такой подход, отвечающий требованиям законодательства, прослеживается и в судебной практике. В качестве примеров может выступать целый ряд судебных актов: постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.04.2017 № Ф05-4021/2017 по делу № А40-67468/16, а также постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2017 № 09АП-66064/2016 по делу № А40-148988/16, в которых указывается, что наименование, адрес, банковские и иные реквизиты стороны договора не устанавливают, не изменяют и не прекращают гражданские права и обязанности, возникшие у сторон соответствующего договора. Реквизиты стороны договора носят информационный (уведомительный) характер и не являются по своему содержанию условиями договора. Поэтому их отсутствие не влияет на действительность договора, что должно учитываться налоговым органом при составлении акта проверки, а также дает повод налогоплательщику оспорить его по этому основанию.

Также отмечается, что банковские реквизиты не являются обязательным реквизитом и могут предоставляться по запросу сторон договора. При этом указывается, что сведения договора, являющиеся достаточными, для установления стороны договора цессии – это 1) полное наименование цессионария; 2) юридический адрес; 3) наличие оттиска печати общества [10].

Еще один момент, который обращает на себя внимание, это отнесение налоговой инспекцией сделки к фиктивному документообороту на том основании, что на момент заключения договора у организации был открыт расчетный счет в банке, указанный в качестве реквизитов для возврата полученных денежных средств, однако спустя какое-то время с момента получения займа он был закрыт, что приводит, по мнению инспекции, к невозможности возврата займа и уплаты процентов за его пользование. И подобная хозяйственная операция по предоставлению займа при указанных обстоятельствах зачастую относится ею к фиктивной, поскольку налицо невозвратный характер сделки.

Однако данное утверждение не соответствует гражданскому законодательству.

Закрытие расчетного счета не относится к обстоятельствам, прекращающим обязательство. В соответствии со ст. 416 ГК РФ обязательство прекращается невозможностью его исполнения, если эта невозможность вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. В данном случае таким обстоятельством является закрытие расчетного счета одной из его сторон, а именно кредитором, и таким образом за наступление этого обстоятельства несет ответственность кредитор. Поэтому такое обстоятельство не будет являться основанием для прекращения договора.

На этот случай законом предусмотрена возможность для надлежащего исполнения обязательства должником. Иначе и быть не должно, поскольку кредитор иногда умышленно может уклоняться от принятия исполнения, например в целях возрастания размера неустойки за просрочку исполнения.

В качестве аргумента можно сослаться также на ст. 327 ГК РФ, согласно положениям которой внесение денежной суммы в депозит нотариуса или суда будет считаться надлежащим исполнением. Причем дополнительно следует выяснять, по какой причине не исполнялось обязательство, поскольку зачастую из показаний участников юридического лица и финансового директора, данных в ходе налоговой проверки, усматривается, что долг и проценты по договору займа не выплачивались не ввиду отсутствия счета у организации ООО, а из-за отсутствия денежных средств на счету самого заемщика. Возможно также, что обстоятельство, связанное с закрытием расчетного счета, является временным, и организация намеревается открыть новый счет в этом или другом банке.

Кроме того, следует обращать внимание, произошло ли на момент проверки полное или частичное исполнение договора займа, поскольку в соответствии с п. 3 ст. 432 ГК РФ сторона, принявшая от другой стороны полностью или в части исполнение по договору, либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности.

Таким образом, если произошло полное или частичное исполнение договора, с точки зрения закона договор будет считаться заключенным, даже в том случае, если не были согласованы его существенные условия. Это еще раз будет подтверждать тот факт, что договор является не фиктивным, а породил права и обязанности сторон.

В актах налоговой проверки к обстоятельствам, свидетельствующим о фиктивности документооборота, налоговый орган иногда относит отсутствие актов приема-передачи договоров займа и цессии у налогоплательщика. Следует отметить, что акты приема-передачи относятся к первичным документам бухгалтерского учета (п.1 ст.9 Закона «О бухгалтерском учете» [5]), однако перечень таких документов организация определяет для себя сама, единого перечня, обязательного для всех организаций, закон не устанавливает. Как правило, из материалов налоговой проверки не следует, что данный первичный документ обязательно должен присутствовать в целях бухгалтерского и налогового отчета для конкретной организации. По общему правилу сам договор не является первичным документом для бухгалтерского и налогового учета.

Однако судебная практика, сложившаяся на сегодняшний день, свидетельствует о том, что для ведения налогового учета договор не признается первичным учетным документом, однако при разрешении споров о признании расходов, суды встают на сторону налогоплательщиков и признают договор документом, подтверждающим произведенные расходы.

В качестве примера можно привести постановление ФАС Северо-Западного округа, в котором указывается, что при разрешении споров на основании договора возможно признать расходы для исчисления налога на прибыль [11].

В упрек налогоплательщику не может быть поставлено и то обстоятельство, что для налогового органа кажутся сомнительными некоторые условия последующей передачи права требования по договору цессии, поскольку в соответствии со ст. 388 ГК РФ должник не дает согласия на совершение сделки по уступке права требования (за исключением случаев, когда

личность кредитора имеет для него значение), он не является стороной договора цессии и не участвует в формировании его условий, он только должен быть уведомлен о замене кредитора. При отсутствии уведомления в соответствии с п.3 ст. 382 ГК РФ он вправе исполнить обязательство первоначальному кредитору. Поэтому должник по первоначальному обязательству (договору займа в этой схеме) не может и не должен располагать полноценной информацией о расчетных счетах третьих лиц, способах расчета по договору цессии. Такие расчеты являются особенностью хозяйственной деятельности указанных третьих лиц, спецификой их финансовой и корпоративной политики, что в свою очередь подчеркивает хозяйственную автономию каждого юридического лица, возникающую согласно ст. 48 ГК РФ.

Встречаются и акты налоговой проверки, в которых указано в качестве нарушения подписание уведомления об уступке права требования только одним из генеральных директоров общества с ограниченной ответственностью, хотя в качестве таковых в учредительных документах указано два директора. При этом каких-либо ссылок на нормативные правовые акты о необходимости компании, имеющей в качестве исполнительного органа двух директоров, налоговым органом не приведено.

Между тем ГК РФ в ст. 53 устанавливает возможность для организации в учредительных документах определить, что от имени такой организации совместно и независимо могут действовать несколько лиц. В пп.24 и 25 постановления Пленума ВС РФ № 25 [8] отмечается, что, если учредительным документом юридического лица предусмотрены полномочия выступать от его имени нескольким лицам, то в отсутствие в ЕГРЮЛ сведений о совместном осуществлении или ином распределении полномочий предполагается, что они действуют раздельно и осуществляют полномочия самостоятельно по всем вопросам компетенции соответствующего органа юридического лица (п.1 ст. 53 ГК РФ). Например, если в соответствии с п. 3 ст. 65.3 ГК РФ в корпорации образовано несколько единоличных исполнительных органов, предполагается, что они действуют независимо по всем вопросам компетенции. Поэтому подписание документов одним из генеральных директоров организации вполне правомерно.

Окончательным этапом в цепи сделок, которые налоговый орган относит к фиктивному документообороту, выступает соглашение о прощении долга. В научной литературе вопрос о соотношении прощения долга и договора дарения является достаточно спорным [12, с.90–92]. Высказываются

противоположные точки зрения. По мнению одних, прощение долга является ничем иным, как договором дарения, которое запрещено между коммерческими организациями. Другие разграничивают данные понятия. Неоднозначность их толкования нашла отражение и в судебной практике, где сложились разные подходы к квалификации этих действий. Материалы правоприменительной практики свидетельствуют, что квалифицирующим признаком дарения согласно п. 1 ст. 572 ГК РФ является его безвозмездность, а гражданское законодательство исходит из презумпции возмездности договора (п. 3 ст. 423 Гражданского кодекса РФ). Поэтому прощение долга является дарением только в том случае, если судом будет установлено намерение кредитора освободить должника от обязанности по уплате долга в качестве дара. Об отсутствии намерения кредитора одарить должника может свидетельствовать, в частности, взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству между теми же лицами. Применительно ко многим ситуациям целью совершения сделки прощения долга являлось не просто освобождение организации от лежащих на ней обязательств, а прощение части долга в целях увеличения чистых активов, обеспечения производственной деятельности и возврата имеющейся задолженности перед другими кредиторами.

Что касается налоговых органов, то чаще всего в вопросе определения налоговых последствий прощения долга они придерживаются мнения, что прощение долга в целях налогообложения прибыли должно рассматриваться как безвозмездная передача имущественных прав, поэтому ухудшение положения кредитора не уменьшает его налоговой базы по налогу на прибыль.

Полагаем, что, выдвигая возражения против выводов налоговой инспекции, для аргументации своих доводов предпринимателям следует ориентироваться на позицию Верховного суда РФ, выработанную им по вопросу о разграничении прощения долга и дарения [9]. Согласно его четкой линии, которая прослеживается в нескольких последовательно принятых актах, после внесения денежных средств в уставной капитал общества, которое изначально заключило договор займа с целью увеличения его чистых активов, субъект, прощающий долг, получает встречное предоставление. Оно выражается в виде увеличения принадлежащей ему доли, поскольку стоимость доли увеличилась на сумму внесенных денежных средств. Таким образом, в этих отношениях наблюдается действие закона стоимости, они строятся на возмездно-эквивалентных началах, а соответственно, не могут рассматриваться как дарение.

Следует также подчеркнуть, что совершение единственным учредителем сделок по увеличению уставного капитала общества не влечет причинения вреда имущественным правам кредитора такого общества. Сообразно трактовке высшей судебной инстанции, при возникновении спора для принятия правильного решения суд должен определить рыночную стоимость доли, исходя из обстоятельств совершения сделки, а не ограничиваться только формальной оценкой ее стоимости на основе данных, полученных из ЕГРЮЛ, учредительных документов и бухгалтерского баланса общества.

Резюмируя вышеизложенное, делаем вывод, что налоговый орган, ссылаясь в акте налоговой проверки на фиктивность документооборота, должен учитывать положения гражданского законодательства, в противном случае, его ошибки и недочеты могут быть использованы налогоплательщиком для оспаривания целого ряда положений.

Список литературы

1. Арыстан А. Правовая категория аффилированности // Вестн. ин-та законодательства Республики Казахстан. – 2017. – № 4(49). – С. 152–162.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019). [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 07.02.2020).
3. Матвиенко С.Д. Прощение долга и договор дарения: проблемные вопросы правоприменения // Закон. – 2012. – № 11. – С. 155–159.
4. Налоговый кодекс РФ (часть первая и вторая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.01.2020). [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 07.02.2020).
5. О бухгалтерском учете: федер. закон от 06.12.2011 № 40-2-ФЗ (в ред. от 26.07.2019, с изм. вступ. в силу с 01.01.2020). [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru> / (дата обращения: 07.02.2020).
6. О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 (в ред. от 26.07.2006). [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 07.02.2020).
7. Определение Верховного суда Российской Федерации от 27.11.2015 г. № 306-КГ15-7673 [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 07.02.2020).
8. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.06.2015 года № 25. [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 07.02.2020).

9. Постановление Президиума ВАС РФ от 04.12.2012 N 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12; постановление Президиума ВАС от 11 марта 2014 года № 14768/13 по делу А 40-79862/11-123-384Б; определение ВС РФ от 05.09.2016 года № 301-7С16-8 727. [Электронный ресурс]. – URL: [http:// base.consultant.ru](http://base.consultant.ru) (дата обращения: 07.02.2020).

10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.04.2017 № Ф05-4021/2017 по делу № А40-67468/16; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2017 № 09АП-66064/2016 по делу № А40-148988/16; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2017 № 09АП-66064/2016 по делу № А40-148988/16; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.06.2008 г. по делу № А21-3512/2007. [Электронный ресурс]. – URL: [http:// base.consultant.ru](http://base.consultant.ru) / (дата обращения: 07.02.2020).

11. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.11.2006 по делу № А56-47433/2005. [Электронный ресурс]. – URL: [http:// base.consultant.ru](http://base.consultant.ru) / (дата обращения: 07.02.2020).

12. Серветник А.А. Соотношение прощения долга с дарением // Вестн. Саратов. акад. права. – 2008. – № 2 (60). – С. 90–94.

Статья поступила 10.02.2020 г.

Факторы формирования деловой репутации юридического лица

В статье речь идет о комплексном исследовании факторов, способных оказать влияние на формирование деловой репутации юридического лица. Приводится обобщенный перечень критериев на основании изучения отечественной и зарубежной научной литературы по этому вопросу.

The article is devoted to a comprehensive study of factors that can influence the formation of the business reputation of a legal entity. This research provides a generalized list of criteria based on the study of domestic and foreign scientific literature on this issue.

Ключевые слова: деловая репутация, юридическое лицо, факторы формирования, внешние факторы, внутренние факторы, активы, имидж.

Key words: business reputation, legal entity, formation factors, external factors, internal factors, assets, image.

К настоящему моменту в научной доктрине существует большое количество исследований, касающихся различных подходов к раскрытию понятия деловой репутации как таковой, и юридических лиц в частности. Однако необходимо отметить, что единого четко сформулированного определения данного термина в гражданском праве, как области научного знания, не было выработано. Так, если А.Л. Анисимов под деловой репутацией понимает некую «относительно определенную оценку социальной значимости отдельно взятой личности, юридического лица, социального института, их положения в обществе, получившего закрепление в общественном мнении» [1, с.11], то А.Л. Гапоненко и Т.М. Орлова ограничивают круг лиц, которые в состоянии оказать влияние на формирование деловой репутации лишь заинтересованными сторонами (сотрудниками, инвесторами, кредиторами, аналитиками и т.д.) [2, с. 103]. Заслуживающим внимания является определение, данное в Оксфордском справочнике по корпоративной репутации, в соответствии с которым «деловая (корпоративная) репутация представляет собой коллективную оценку привлекательности компании или

делового проекта, для конкретной группы заинтересованных сторон относительно референтной группы компаний или деловых проектов, с которыми компания или проект конкурирует за ресурсы» [11, с. 18]. Имеет место и другое мнение Е.А. Наципаевой, считающей, что «деловая репутация – это целостное представление о компании, основанное на субъективном восприятии ее деятельности участниками хозяйственных отношений и другими стейкхолдерами» [3, с. 12]. В то же время А.М. Эрделевский дает наиболее общее понятие, согласно которому деловая репутация представляет собой отражение деловых качеств лица в общественном сознании, которое сопровождается положительной оценкой общества [6, с. 11]. С последним определением сложно согласиться в полной мере в силу того, что деловая репутация – это мобильная категория, подразумевающая динамический характер формирования, на которую оказывает влияние как положительная, так и отрицательная оценка неопределенного круга лиц. Тем не менее, как видим, определения, данные ранее, имеют общую точку соприкосновения – в каждом из них выражена одна из главных черт такой категории, как деловая репутация юридического лица – это социальная, общественная оценка профессиональных качеств другими лицами, как правило, извне.

Для более детального разбора понятия «деловая репутация» юридического лица, нам представляется важным установить факторы, способные сформировать ее и оказать влияние на ее развитие. В данной статье мы хотим предпринять попытку систематизации этих факторов. Другими словами, нами будут рассмотрены аспекты, способные оказать существенное влияние на восприятие деловых качеств юридического лица как отдельного хозяйствующего субъекта на рынке.

По нашему мнению, безусловным является тот факт, что деловая репутация создает самостоятельную ценность, так называемый репутационный капитал. В связи с этим существуют определенные опорные точки, критерии, с помощью которых этот капитал может быть оценен. Так, любая коммерческая структура может быть оценена с точки зрения ее:

1) специфичности активов на основе современной ценности репутационного капитала и насколько репутация, связана с ее стратегией существования и развития;

2) связи накопления активов, основанных на уровне репутации, известности и «брендовости»;

3) активности коммерческой структуры для достижения репутационной кодификации исходя из относительной позиции, присвоенной ей в различных репутационных рейтингах [10].

Понимание роли каждого из перечисленных критериев и того, как они взаимодействуют внутри системы, имеет важное значение для раскрытия процесса формирования деловой репутации любого юридического лица в гражданском обороте.

Все факторы формирования деловой репутации юридического лица с определенной долей условности можно разделить на внутренние, зависящие от конструкций поведения самого юридического лица, его руководителя и сотрудников, и внешние, довлеющие на механизмы управления юридическим лицом извне.

Если говорить о внутренних факторах формирования деловой репутации, то нельзя не упомянуть о классификации, сформулированной международным агентством Korn Ferry¹, которое с 1997 г. проводит исследования для списка «самых почитаемых компаний мира».

При установлении места компании в рейтинге во внимание должны быть приняты следующие аспекты:

- способность к инновациям;
- качество управления персоналом;
- честность и открытость в использовании корпоративных активов;
- социальная ответственность;
- открытость к сотрудничеству с государственными регулирующими структурами и прессой;
- наличие финансовой устойчивости;
- ретроспективы и перспективы долгосрочной инвестиционной стоимости;
- качество продуктов/услуг;
- глобальная конкурентоспособность [8].

С точки зрения аналитиков агентства Korn Ferry, именно эти показатели и являются главными факторами оценки компаний, оказывающими влияние, в том числе и на формирование деловой репутации.

Если говорить об отечественных исследованиях в данной области, то наиболее интересным, на наш взгляд, представляется подход Е.А. Нацыпаевой, которая предлагает относить к главным факторам, формирующим деловую репутацию, «качество продукции (услуг); длительность существования; масштабы деятельности; наличие постоянных потребителей

¹ Международная консалтинговая компания, основанная в 1969 г. в США, занимающаяся, среди прочего, оценкой эффективности руководителей, персонала юридических лиц и составлением мирового рейтинга «уважения» компаний.

и партнеров; сотрудничество с компаниями, имеющими положительную деловую репутацию и наличие в постоянных партнерах известных крупных компаний; уровень отношений с акционерами и сотрудниками; развитие компании; имидж; репутационный пиар; репутацию руководителя; законопослушность и ответственность; социальную ответственность, в том числе социальные и экологические программы» [4, с. 128].

Безусловно, приведенные выше факторы, оказывающие влияние на деловую репутацию, не носят исчерпывающий характер. Так, по нашему мнению, немаловажными являются корпоративная культура, т. е. нормы и ценности, которых придерживаются сотрудники, а также факт взаимодействия организации с контрагентом после окончания правоотношений. На практике важным аспектом является и тот факт, как быстро сотрудники юридического лица реагирует на заявления, жалобы и предложения потребителей или партнеров, насколько эффективен и отлажен механизм решения возникающих проблем и насколько юридическое лицо добросовестно действует в гражданском обороте.

Продолжая этот перечень, нельзя не упомянуть о таком внутреннем факторе, как качество менеджмента и кадровый потенциал. Добросовестное отношение сотрудников юридического лица к исполнению поставленных перед ними задач – залог успеха и процветания юридического лица на рынке. Любой работник, при определенных условиях, способен повлиять на формирование деловой репутации даже весьма крупной корпорации. Достаточно вспомнить, какой удар был нанесен по репутации Роскосмоса когда в 2013 г. произошла авария ракетносителя «Протон-М» из-за неправильной установки рядовым сборщиком датчиков угловых скоростей [7].

Личность руководителя, стоящего во главе юридического лица, его лидерские, профессиональные качества, безусловно, также могут повлиять на репутацию компании в деловом мире. В качестве примера можно привести ситуацию, связанную с российской компанией «Тинькофф Банк». При проведении конкурса Tinkoff girl одна из сотрудниц была заранее сфотографирована в короне, предназначенной для победительницы. В марте 2016 г. основатель «Тинькофф Банка» Олег Тиньков публично отчитал в социальной сети Instagram сотрудницу за это, написав нелестный отзыв о ее социальном статусе. В результате этих действий между руководителем отдела и руководителем компании разгорелся скандал в сети Интернет, в результате которого ряд компаний и предпринимателей заявили о прекращении сотрудничества с этим банком.

Помимо уже названных факторов, юридическое лицо может влиять на поведение потребителей и партнеров и на их впечатления с помощью мощного имиджа, поддерживаемого грамотной пиар-кампанией и рекламой, создавая сильные психологические положительные ассоциации. И в действительности, по верному замечанию К. Кима, «имиджевый образ имеет возможность влиять на обработку информации внешними наблюдателями и, следовательно, может создать нужную репутацию» [9, с. 143]. Однако при рассмотрении этого аспекта не следует путать инструмент создания деловой репутации и саму ее сущность.

Если же переходить к внешним факторам формирования деловой репутации юридического лица, то первыми по значимости среди них, на наш взгляд, являются особенности страны регистрации хозяйствующего субъекта и праворегулятивные аспекты. Безусловно, важной является деятельность государственных структур по созданию нормативной базы, закрепляющей само понятие деловой репутации, разработке механизмов охраны от посягательств со стороны третьих лиц, учет факторов риска, выработка способов защиты права юридического лица на деловую репутацию, а также критерии оценки ее как капитала для расчета имущественных потерь.

Политический аспект также должен рассматриваться как важный фактор, поскольку политические решения способны иметь прямое влияние на экономическую область сфер влияния юридического лица. Решения в области политики как на региональном, федеральном, так и на международном уровне, могут рассматриваться как своего рода рычаги воздействия на формирование деловой репутации отдельных юридических лиц. Стабильность политической и экономической системы государства, по нашему мнению, также может быть отнесена к внешним факторам. Наиболее яркими примерами из нашей истории являются: дефолт 1998 г., который повлиял не только на экономическое состояние, но и на деловую репутацию множества субъектов бизнеса, кризис 2008 г. и присоединение Крыма в 2014 г.

Наконец, средства массовой информации и социальные медиа в сети Интернет являются фактором, играющим сегодня все большую роль, способным повлиять на деловую репутацию юридического лица и стимулировать повышение прозрачности его деятельности. Сегодня потребители все меньше верят рекламе, но охотно читают отзывы в сети Интернет, к таким выводам пришла компания Nielsen, проводившая соответствующее исследование рынка рекламы [5]. Несмотря на то что некоторые из отзывов в сети Интернет могут носить фэйковый характер, уровень доверия или недоверия

покупателей относительно деловой репутации конкретного юридического лица будет напрямую влиять на принятие решения о взаимодействии с ним.

Подводя итоги нашего исследования, не стоит забывать о том, что на практике при выборе того или иного подхода к оценке факторов формирования деловой репутации, безусловно, важным критерием является непосредственно сама личность, производящая оценку, и ее субъективный подход. Так, решающее значение при оценке деятельности юридического лица может оказать не качество продукции (услуг), а их восприятие потребителями, инвесторами, широкая распространенность продукции. Наконец, деловая репутация может быть сформирована только на основании самого факта длительности существования на рынке конкретного юридического лица.

Так, например, М. Терон-Вепенер высказывает мнение о том, что «деловая репутация строится больше на эмоциональных факторах, таких как доверие, гордость, восхищение, симпатия и хорошее чувство, чем на рациональных факторах, таких как корпоративная производительность или качество продуктов или услуг» [12]. В современных реалиях потенциальные контрагенты имеют возможность сделать собственные выводы о юридическом лице посредством средств массовой информации и других источников (в основном сети Интернет).

Список литературы

1. Анисимов А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству РФ. – М.: Владос-Пресс, 2001. – 224 с.
2. Гапоненко А.Л., Орлова Т.М. Управление знаниями. – М.: Эксмо, 2008. – 129 с.
3. Нацыпаева Е.А. Совершенствование механизма управления деловой активностью предприятия: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Саратов, 2012. – 24 с.
4. Нацыпаева Е.А. Современный взгляд на деловую репутацию организаций // Наука и о-во. Серия Общественные науки. – 2014. – № 1. – С. 127–131.
5. Шамина Ирина. Как работать с репутацией своей компании в Интернете. [Электронный ресурс]. – URL: <https://netology.ru/blog/reputation-network> (дата обращения: 11.07.2019).
6. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 320 с.
7. Ячменникова Наталия. Авария под градусом // Рос. газета. – 2013. – № 157(6133).
8. Fortune World's Most Admired Companies [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kornferry.com/institute/fortune-worlds-most-admired-companies-2018> (дата обращения: 21.01.2020).

9. Lynn R Kahle; Chung-hyun Kim C. 2006. Creating images and the psychology of marketing communications // Kahle, L & Kim, - Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. 2006. 442 p. (In Russian).

10. Michael L. Barnett & Timothy G. Pollock. Building and Maintaining a Strong Corporate Reputation: A Broad Look at a Core [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.europeanfinancialreview.com/building-and-maintaining-a-strong-corporate-reputation-a-broad-look-at-a-core-issue/> (дата обращения: 10.10.2019).

11. Michael L. Barnett and Timothy G. Pollock, eds.: The Oxford Handbook of Corporate Reputation // United Kingdom, Oxford, Oxford University Press, 2012. 528 p. (In Russian).

12. Theron-Wepener Marietjie. 5 key factors to improve your corporate reputation [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.leader.co.za/article.aspx?s=6&f=1&a=5871> (дата обращения: 11.12.2019).

Статья поступила 10.02.2020 г.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.97

Е. А. Белоусова, Р. Г. Степанов

Об объекте и предмете преступлений, предусмотренных ст. 193, 193.1 УК РФ

В статье проводится уголовно-правовой анализ понятий «объекта» и «предмета» преступления вообще и предусмотренных ст. 193, 193.1 УК РФ, в частности. Проанализированы точки зрения ряда ученых.

The article is criminal legal analysis of the concepts "object" and "subject" offences in General and specified in articles 193, 193.1 of the criminal code, in particular. The points of view of a number of scientists are analyzed.

Ключевые слова: объект, предмет, репатриация, денежные средства, валюта.

Key words: object, object, repatriation, money, currency.

Под объектом преступления, как правило, понимаются охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступлением причинен вред или создается угроза причинения какого-либо вреда.

Объект преступления указывает на общественную опасность деяния, но вместе с тем является и обязательным элементом состава преступления, вследствие чего установление объекта имеет существенное уголовно-правовое значение как для правильной квалификации совершенного деяния, так и для назначения наказания и предотвращения преступлений.

В большинстве статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации объект преступления прямо не раскрывается, равно как и в ст. 193, 193.1 УК РФ. Не существует единого мнения и в юридической литературе относительно определения объекта преступления, предусмотренного вышеназванными статьями. Так, например, в качестве объекта преступле-

ния называются общественные отношения в области финансовой деятельности государства, которые возникают в сфере валютного регулирования и валютного контроля [1, с. 263].

П.Н. Панченко обозначает объект преступления в качестве «установленного законом порядка обращения средств в иностранной валюте, финансовых интересов государства, отношений в области финансовой деятельности государства, а именно, денежно-кредитной, банковской и налоговой систем Российской Федерации» [цит. по 1, с. 264].

По мнению Д.А. Печегина, объектом валютных преступлений, связанных с уклонением от исполнения обязанности по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации являются общественные отношения, складывающиеся в сфере денежно-кредитной (валютной) политики Российской Федерации по поводу обязательного зачисления резидентами на банковские счета денежных средств, причитающихся им по условиям внешнеэкономических договоров (контрактов) [2, с. 39–42].

Кубанцева О. полагает необходимым расширить понимание объекта преступления, предусмотренного ст.193.1 УК РФ, определив его как «общественные отношения, складывающиеся в сфере денежно-кредитной (валютной) политики Российской Федерации по поводу соблюдения правил осуществления валютного контроля при осуществлении валютных операций (сделок, компонентов сделок и фактических действий с валютой и валютными ценностями)» [3, с. 52].

Родовым объектом уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации, по мнению ряда авторов, выступают общественные отношения в сфере экономики, финансовой деятельности в целом, государства и отдельных хозяйствующих субъектов, а также общественные отношения, которые формируются при нормальном функционировании денежно-кредитной, банковской и налоговой систем государства [4, с. 55].

В качестве видового объекта преступлений можно выделить определенную узкую группу общественных отношений. В частности, по видовым объектам преступных посягательств сформированы главы с соответствующими наименованиями, входящие в определенные разделы Особенной части УК РФ.

При выделении видового объекта преступлений, предусмотренных ст.193, 193.1 УК РФ, необходимо учитывать, что данные составы помещены в главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности»,

следовательно, видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности является определенный порядок осуществления предпринимательской деятельности по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ и услуг.

Непосредственным объектом выступает охраняемое уголовным законом конкретное общественное отношение, которому причинен ущерб в результате совершения определенного деяния. В частности, непосредственным объектом уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации, исходя из особенностей предмета и характера деяния, является установленный порядок зачисления или возврата из-за границы денежных средств на счета резидента в уполномоченном банке или на счета резидента в банках, которые расположены за пределами территории Российской Федерации, предусмотренный валютным законодательством [5, с. 66].

Предмет преступления – это овеществленный элемент материального мира, посредством воздействия на который виновный осуществляет посягательство на объект преступления [5, с. 67], при этом следует отметить, что обязательным признаком состава рассматриваемых преступлений является, в том числе, предмет преступления.

Диспозиция ст.193 УК РФ имеет бланкетный характер и отсылает в первую очередь к Федеральному закону от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [6], в котором определены полномочия и функции органов валютного регулирования и валютного контроля, принципы осуществления валютных операций, права и обязанности юридических и физических лиц в отношении владения, пользования и распоряжения валютными ценностями, ответственность за нарушение валютного законодательства.

Таким образом, можно констатировать, что предмет уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации – это денежные средства, которые принадлежат юридическому лицу, находящиеся за границей и подлежащие обязательному зачислению или возврату в уполномоченный банк, вследствие не ввезённых объектов в Российскую Федерацию (в крупном или особо крупном размере).

Предметом преступления, предусмотренного ст.193.1 УК РФ, являются исключительно безналичные денежные средства в иностранной валюте или валюте РФ. Их перевод за границу осуществляется путем взаимозачета встречных требований внутри банковской системы [7, с. 67–76].

Нельзя не согласиться с мнением О. Кубанцевой, что в случае ввоза и вывоза овеществленных денежных средств можно говорить о наличии в деянии состава преступления, предусмотренного ст.200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» [3, с. 56].

В соответствии с примечаниями к ст. 193, 193.1 УК РФ уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации, признаются совершенными в крупном размере, при наличии суммы незачисленных или невозвращенных денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации по однократно либо по неоднократно в течение одного года проведенным валютным операциям, превышающей девять миллионов рублей, а в особо крупном размере – сорок пять миллионов рублей.

Природа и регулирование валютных операций, обусловленных частноправовыми интересами равных субъектов, требует публичного контроля в силу зависимости бюджетной политики государства от стабильности национальной валюты. Государственный бюджет не сможет наполняться за счет налоговых поступлений, если в него будет поступать обесцененная национальная валюта. Поставщики могут отказаться от исполнения своих обязательств, если стоимость встречного предоставления будет ниже их ожиданий в случае обесценивания валюты. В случае экономического кризиса отказ от поддержки национальной валюты лишает государство возможности использовать такие методы, как проведение бесконтрольной эмиссии, инфляции и выстраивание барьеров на пути международного перетока капиталов. Таким образом, валютный контроль – это механизм, позволяющий бороться с обесцениванием национальной валюты нерыночными методами [8]. Реализация норм, закрепленных в анализируемых статьях, предусматривает уголовно-правовую охрану установленного порядка проведения валютных операций, стабильность валютного рынка, а также финансово-хозяйственных интересов государства.

В последнее время повышается уровень законодательного регулирования валютных отношений, однако до сих пор существует проблема недостаточной эффективности взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов в области противодействия уклонению от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации.

Следует отметить, что таможенные органы Российской Федерации играют ключевую роль в противодействии уклонению от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте

Российской Федерации. Прежде всего это выражается в том, что таможенные органы выявляют, предупреждают, пресекают преступления, отнесенные действующим законодательством к компетенции таможенных органов, а также осуществляют в пределах своей компетенции контроль за валютными операциями, связанными с перемещением товаров через таможенную границу.

Список литературы

1. Александрова А.Г. Проблемы правового регулирования репатриации валюты // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. – 2014.
2. Печегин Д.А. Объект и предмет валютных преступлений, связанных с уклонением от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств // Финансовое право. – 2017. – № 11. – С. 39–42.
3. Кубанцева О. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст.193.1 УК // Уголовное право. – 2019. – № 6. – С. 52.
4. Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008.
5. Третьяк М.И., Иванов С.А. Преступления, предусмотренные п. «в» ч. 2 ст. 193 и 193.1 УК РФ: соотношение признаков состава преступления // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: материалы междунар. науч.-практ. конф. – 2015.
6. О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (в действ. ред.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (дата обращения: 28.05.2019 г.).
7. Ляскало А. Квалификация валютных преступлений: вопросы разграничения и совокупности // Уголовное право. – 2017. – № 5. – С. 67–76.
8. Хаменушко И.В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность: учеб.-практ. пособие. – М.: Норма, 2013 // СПС Консультант Плюс.

Статья поступила 21.02.2020 г.

Ответственность за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования

В статье рассматривается вопрос ответственности за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования. Данная норма в 2013 году претерпела серьезные качественные изменения. В этой связи она обрела свою индивидуальность. Ранее же в теории уголовного права существовали предложения рассматривать данное деяние в рамках коммерческого подкупа. Но так как физическая культура и спорт имеют свои особенности, законодатель выбрал правильный путь и индивидуализировал данную норму в соответствии со спецификой сферы физической культуры и спорта. В современной учебной и научной литературе нет глубокого и подробного научного анализа измененной в 2013 году ст. 184 УК РФ. В данной статье мы предпринимаем попытку максимально подробно провести уголовно-правовой анализ этой нормы, особенно в части оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования. Кроме этого, предлагаем законодательное совершенствование данной нормы.

The article deals with the issue of responsibility for the illegal influence on the result of the official sports competition. This norm in 2013 has undergone serious qualitative changes. In this regard, she found her identity. Previously, in the theory of criminal law, there were proposals to consider this act in the framework of commercial bribery. But since physical culture and sports have their own characteristics, the legislator chose the right way and individualized this norm in accordance with the specifics of the sphere of physical culture and sports. In modern educational and scientific literature there is no deep and detailed scientific analysis of the amended in 2013 article 184 of the criminal code. In this article we make an attempt to carry out the most detailed criminal-legal analysis of this norm, especially in terms of providing illegal influence on the result of an official sports competition. In addition, we propose legislative improvement of this norm.

Ключевые слова: ответственность за преступления, оказание противоправного влияния, результат спортивного соревнования, сфера физической культуры и спорта.

Key words: responsibility for crimes, illegal influence, result of the official sports competition, sphere of physical culture and sport.

В Российской Федерации случаи привлечения по ст. 184 УК РФ единичны. Так, за первые шесть лет существования УК РФ было лишь четыре случая привлечения к уголовной ответственности по данной статье: в 1997, 1999, 2000 и в 2003 годах [10, с.80].

На наш взгляд это вызвано прежде всего несовершенством данной уголовно-правовой нормы и традиционной латентностью подобного вида преступлений, однако, как показывает практика, случаи подкупа участников и организаторов спортивных соревнований имеют место быть [2; 7].

Между тем Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 198-ФЗ в рассматриваемую статью внесены изменения.

Они коснулись, прежде всего, названия статьи. Ранее указанная статья имела название «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов» вместо «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» [5].

Иными словами, законодатель заменил словосочетание «профессиональных спортивных соревнований» на «официального спортивного соревнования».

С.В. Кузьмин, сравнивая американское уголовное законодательство и ст. 184 УК РФ в старой редакции, верно отмечает, что понятие «публичные соревнования» в американском уголовном законодательстве более удачное, чем понятие «профессиональное спортивное соревнование» [3, с.38].

Законодатель, тем самым, нашел, на наш взгляд, еще более удачное понятие, а именно «официальное спортивное соревнование», которое наиболее подходит ко всем уровням спортивных соревнований, проводимых на территории Российской Федерации: от районных и городских соревнований до чемпионатов мира и олимпиад.

Это делает указанную статью применимой не только к профессиональному спорту, но и ко всей сфере физической культуры и спорта.

Кроме того, Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ также были внесены существенные изменения.

Они коснулись прежде всего объективной стороны данного общественно опасного деяния.

Было добавлено уточнение «в том числе, когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу» в первую и третью часть статьи [4].

Данное нововведение значительно расширяет предмет данного преступления.

Также ст. 184 УК РФ дополнилась частью пятой, устанавливающей ответственность за посредничество в значительном размере, который согласно примечанию, составляет 25000 рублей [4].

Данные нововведения, на наш взгляд, отвечают современным реалиям общества и экономики и помогут раскрытию преступлений, предусмотренных ст. 184 УК РФ.

В теории уголовного права родовым объектом рассматриваемой нормы являются общественные отношения в сфере экономики [11, с.9], а видовым объектом общественные отношения, обеспечивающие функционирование рыночной экономики, добросовестной конкуренции и свободного рынка, реализацию прав граждан на осуществление предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности [11, с.8].

Непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную подготовку, организацию и проведение профессиональных спортивных мероприятий или зрелищных коммерческих конкурсов [11, с.575].

С.В. Кузьмин в своей диссертации выделял непосредственным объектом общественные отношения, возникающие в процессе законной деятельности лиц и организаций, проводящих профессиональные спортивные соревнования или зрелищные коммерческие конкурсы [3, с.69].

Таким образом, исходя из действующей редакции ст. 184 УК РФ, непосредственным объектом являются общественные отношения, возникающие в процессе участия в официальных спортивных соревнованиях спортсмена, спортивного судьи, тренера, руководителя спортивной команды, другого участника соревнования и деятельности организатора и работников по подготовке, организации и проведении таких соревнований, а также участия в зрелищном коммерческом конкурсе члена жюри или участника конкурса и деятельности организатора по подготовке, организации и проведении этого конкурса.

При этом предметом выступает незаконное вознаграждение, носящее материальный характер, а именно:

1. Деньги.
2. Ценные бумаги.
3. Иное имущество.
4. Оказание услуг имущественного характера.
5. Предоставление иных имущественных прав.

6. Имущество, которое по указанию лица передается иному физическому или юридическому лицу.

7. Услуги имущественного характера, которые по указанию лица оказываются иному физическому или юридическому лицу.

8. Имущественные права, которые по указанию лица предоставляются иному физическому или юридическому лицу.

Следует отметить, что в ч. 1 ст. 184 УК РФ помимо получения незаконного вознаграждения, существует уголовная ответственность за принуждение или склонение в целях противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования спортсмена, спортивного судьи, тренера, руководителя спортивной команды, другого участника или организатора такого соревнования (в том числе их работника), а также за принуждение или склонение в целях противоправного влияния на результат зрелищного коммерческого конкурса члена жюри, участника или организатора такого конкурса.

По смыслу закона при таком принуждении или склонении материальное вознаграждение не обязательно.

При отсутствии материального вознаграждения при принуждении или склонении, утверждать, что оно же будет предметом преступления неверно.

Таким образом, предметом преступления могут выступать результаты официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, изменения которых виновный пытается добиться.

Кроме того, в ч. 1 ст. 184 УК РФ существует уголовная ответственность за предварительный сговор в целях противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования со спортсменом, спортивным судьей, тренером, руководителем спортивной команды, другим участником или организатором такого соревнования (в том числе их работником), а также за предварительный сговор в целях противоправного влияния на результат зрелищного коммерческого конкурса с членом жюри, участником или организатором такого конкурса.

Части 3 и 4 ст. 184 УК РФ устанавливают уголовную ответственность спортсмена, спортивного судьи, тренера, руководителя спортивной команды, другого участника или организатора официального спортивного соревнования (в том числе их работника) за такой сговор в целях противоправного влияния на результат такого соревнования, а также члена жюри, участника или организатора зрелищного коммерческого конкурса за такой сговор в целях противоправного влияния на результат такого конкурса.

По смыслу закона при таком сговоре не требуется материальное вознаграждение.

Исходя из этого, предметом такого сговора, как и при принуждении или склонении без материального вознаграждения, могут выступать результаты официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, изменения которых виновный пытается добиться.

Говоря об объективной стороне, прежде всего, следует выделить следующие деяния:

1. Деяния, совершенные в отношении спортсмена, спортивного судьи, тренера, руководителя спортивной команды, другого участника или организатора официального спортивного соревнования (в том числе их работника), а также члена жюри, участника или организатора зрелищного коммерческого конкурса (ч. 1 ст. 184 УК РФ):

1.1. Передача незаконного вознаграждения в целях противоправного влияния.

1.2. Принуждение к оказанию противоправного влияния.

1.3. Склонение к оказанию противоправного влияния.

1.4. Предварительный сговор в целях противоправного влияния.

2. Перечисленные выше деяния, совершенные организованной группой (ч. 2 ст. 184 УК РФ).

3. Деяния, совершенные спортсменом, тренером, руководителем спортивной команды или другим участником официального спортивного соревнования, а также участником зрелищного коммерческого конкурса (ч. 3 ст. 184 УК РФ):

3.1. Получение незаконного вознаграждения в целях противоправного влияния.

3.2. Предварительный сговор в целях противоправного влияния.

4. Деяния, совершенные спортивным судьей или организатором официального спортивного соревнования, а равно членом жюри или организатором зрелищного коммерческого конкурса (ч. 4 ст. 184 УК РФ):

4.1. Получение незаконного вознаграждения в целях противоправного влияния.

4.2. Предварительный сговор в целях противоправного влияния.

5. Посредничество во всех перечисленных выше деяниях в значительном размере (ч. 5 ст. 184 УК РФ).

В примечании отмечается, что значительным размером признается сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие 25000 рублей.

Так как исследуемые составы являются формальными [11, с.583–585] по конструкции объективной стороны, то для признания преступления оконченным, достаточно совершения одного из перечисленных деяний.

Субъект преступления ст. 184 УК РФ имеет свою специфику.

Прежде всего следует отметить, что это физическое лицо. Уголовная ответственность юридических лиц в уголовном праве Российской Федерации, а, следовательно, в УК РФ, не допускается.

Физическое лицо, исходя из положений ст. 20 УК РФ, должно обладать возрастом уголовной ответственности, который установлен УК РФ, и начинается с 16 лет.

Еще одним критерием субъекта преступления является вменяемость, то есть когда лицо могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими [9].

Так, указанных критериев достаточно для уголовной ответственности за преступления, предусмотренные частями 1, 2, 5 ст. 184 УК РФ.

В данном случае уголовной ответственности подлежит любое физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста и совершившее деяние, предусмотренное ч. ч. 1, 2, 5 ст. 184 УК РФ. Что касается ч. 3 и ч. 4 ст. 184 УК РФ, то данное лицо должно обладать еще и специальными признаками, а именно являться:

1. Относительно официального спортивного соревнования:

- 1.1. Спортсменом.
- 1.2. Спортивным судьей.
- 1.3. Тренером.
- 1.4. Руководителем спортивной команды.
- 1.5. Другим участником.
- 1.6. Организатором.
- 1.7. Работником.

2. Относительно зрелищного коммерческого конкурса:

- 2.1. Членом жюри.
- 2.2. Участником.
- 2.3. Организатором.

Таким образом, в данном случае речь идет о субъекте, обладающим дополнительными признаками в силу специальных общественных отношений, в которых оно находится [6, с. 598], т. е. специальным субъектом преступления. Иными словами, если лицо не является одним из вышеперечисленных, оно не может быть субъектом преступления, ответственность за которое установлена ч. 3 УК РФ, либо ч. 4 УК РФ.

Субъективная сторона традиционно в уголовном праве выражается в вине как обязательном признаке, а также в факультативных признаках, таких как мотив и цель преступления. Вина является психическим отношением лица к совершенному общественно опасному деянию и в ст. 184 УК РФ выражается только в виде прямого умысла [11, с.587], так как составы, предусмотренные данной нормой, формальные. Мотивом является то обстоятельство, которое побудило субъект к совершению преступления, чем в данном случае может являться корысть.

Однако, следует отметить, что, исходя из объективных признаков рассматриваемого преступления (принуждение или склонение и предварительный сговор в целях противоправного влияния), мотив могут образовывать и другие внутренние побуждения (например, эгоизм, злоба, месть, ненависть, зависть). Целью преступления признается то, чего желает достичь преступник при совершении преступления, которая в рассматриваемом нами случае является специальной целью, а именно – оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса.

Проанализировав составы преступлений, предусмотренные ст. 184 УК РФ, следует выделить проблемные моменты.

Так, особенно остро стоит вопрос о перечислении участников в данной статье, который нуждается в уточнении. Например, В.В. Сараев считает, что следует дополнить норму руководителями и иными лицами физкультурно-спортивных организаций, а также спортивными агентами [8, с.79]. Следует признать, что данное утверждение приемлемо для профессионального спорта. Однако, на наш взгляд, целесообразно было бы обозначить в статье лишь *«участников или организаторов официального спортивного соревнования (в том числе их работников)»*, а подробный их перечень указать в ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Исходя из выделенного нами непосредственного объекта исследуемых составов, спортсмен, спортивный судья, тренер, руководитель спортивной команды и другой участник именно принимают участие в официальном спортивном соревновании, а организатор и работник подготавливают, организуют и проводят эти соревнования. Таким образом, первую группу составляют участники, а вторую – организаторы официальных спортивных соревнований.

Кроме того, следует отметить, что указанный перечень должен основываться на правовом статусе спортсменов, тренеров, спортивных судей и иных специалистов в области физической культуры и спорта, то есть на правовом положении гражданина в правоотношениях в области физической

культуры и спорта [1, с. 6–7]. Он должен быть определен специалистами в области спортивного.

Правоохранитель вполне в состоянии при совершении преступления в сфере физической культуры и спорта, предусмотренного ст. 184 УК РФ, обратиться к ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» как, например, он делает с экологическими и иными преступлениями.

Таким образом, в диспозициях ч. 1 и ч. 3 ст. 184 УК РФ следует указать спортсмена, спортивного судью, тренера, руководителя спортивной команды и другого участника одним словом «участники», а полный их перечень расширить в соответствии с реалиями современного спорта и перечислить в ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Список литературы

1. Гусов К. Н., Шевченко О. А. Спортивное право. Правовой статус спортсменов, тренеров, спортивных судей и иных специалистов в области физической культуры и спорта: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2010. – 112 с.
2. Действия Кулалаева проверят УБЭП // Спорт-экспресс. – 2006. – 19 авг.
3. Кузьмин С. В. Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Кузьмин. – М., 2002. – 185 с.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 27. – Ст. 4257.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований: федер. закон от 23 июля 2013 г. № 198-ФЗ // СЗ РФ. – 2013. – № 30. – Ст. 4031.
6. Павлов В. Г. Избранные труды / В. Г. Павлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2014. – 726 с.
7. Петровский П. Интерпол обнаружил в российском футболе договорные матчи // Рос. газета. 2014. 11 сентября. – URL: <http://www.rg.ru/2014/09/11/match-site-anons.html> (дата обращения: 03 июня 2015 г.).
8. Сараев В. В. Уголовно-правовая защита современного профессионального спорта в России: учеб. пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – 252 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Омега-Л, 2020.
10. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права – 2-е изд. – СПб.: Изд. проф. Малинина В.Б. – ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – 734 с.
11. Энциклопедия уголовного права. Т. 19. Преступления в сфере экономической деятельности. – СПб.: Изд. проф. Малинина В.Б. – СПб ГКА, 2012. – 1218 с.

Статья поступила 16.02.2020 г.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343

*М. Ю. Павлик, Е. В. Токарева,
О. Р. Шепелева*

Сущность ограничений и запретов, налагаемых на обвиняемого, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста

В статье рассматриваются проблемные аспекты, связанные с уголовно-процессуальным урегулированием избрания меры пресечения в виде домашнего ареста и сущности ограничений и запретов, налагаемых при этом. Также речь идет о проблемах, связанных с осуществлением контроля за соблюдением данной меры пресечения.

The article deals with problematic aspects related to the criminal procedure regulation of the election of a preventive measure in the form of house arrest and the essence of restrictions and prohibitions imposed in this case. Also, we are talking about problems related to monitoring compliance with this measure of restraint.

Ключевые слова: обвиняемый, предварительное расследование, правовое положение, участник, уголовное судопроизводство, уголовное дело, суд, следователь, дознаватель, мера пресечения, домашний арест.

Key words: accused, preliminary investigation, legal status, participant, criminal proceedings, criminal case, court, investigator, investigator, preventive measure, house arrest.

Развитие гуманистических и демократических начал в уголовном судопроизводстве требует обращения к тем мерам и средствам принуждения, которые, с одной стороны, преследовали цель реализации назначения уголовного судопроизводства, с другой – в наименьшей степени ограничивали бы права и свободы личности. Такой подход наиболее актуален по отношению к такой мере пресечения, как домашний арест.

Ядро домашнего ареста составляет его содержание, т. е. те ограничения и (или) запреты, которыми подвергается лицо при применении данной меры пресечения. С учётом сказанного, важно определить, что следует понимать под этими понятиями. Запретить означает «не позволить что-нибудь делать», ограничить – «стеснить определенными условиями, поставить какие-нибудь рамки, границы». Ограничение – «правило, ограничивающее какие-нибудь действия, права» [1].

В.А. Светочев полагает, что запрет имеет более жёсткую форму, при которой лицо в общем и целом теряет право на совершение определённых действий, а ограничение по форме более эластично и позволяет совершение действий, которые подлежат запрету в указанных пределах и при наличии известных обстоятельств [2].

Следует отметить, что стоит обратить внимание на возможность частичной или полной изоляции лица. При этом существует мнение, что в таком случае можно утверждать о том, что на настоящий момент существуют две меры пресечения: домашний арест с полной изоляцией лица от общества и «мера, состоящая в ограничении свободы передвижения и общения подозреваемого, обвиняемого». При этом абсолютная идентичность регламентации и последствий представляется другими учёными-процессуалистами несправедливой [3].

Возникает вопрос, а разве все вышеперечисленные меры не являются ограничениями, за исключением запрета выезжать за пределы города? Ведь суд только ограничивает, т.е. очерчивает определенные рамки дозволенного поведения. Так, лицо лишь ограничено в свободе передвижения, так как может посещать и медицинские учреждения, и магазин (что характерно суд не указывает, сколько по времени лицо может находиться вне места реализации домашнего ареста). В общении лицо ограничено только с участниками процесса по делу.

Суд при принятии решения о том, какие именно лишения должно претерпевать лицо, принимает во внимание его личность, фактические обстоятельства дела, а также тяжесть совершенного деяния. Эти ограничения могут быть изменены по ходатайству следователя, дознавателя, подозреваемого, обвиняемого, их защитников и законных представителей.

Д.А. Воронов предлагает классифицировать ограничения на запрет права покидать жилище и ограничение права на коммуникацию, причем он утверждает, что первое ограничение должно быть обязательным, остальные (факультативными) [4].

Одни учёные-процессуалисты полагают, что установленный законодателем перечень запретов и ограничений недостаточен, и его исчерпывающий характер необоснован, поэтому предлагают дополнить статью о домашнем аресте пунктом, который бы предусматривал «иные запреты» для большей индивидуализации ограничений при данной мере пресечения [5].

Другие отдельные учёные-правоведы также указывают на то, что важным является подразделение правовых форм реализации домашнего ареста. Они приводят такую классификацию: правовой режим полной изоляции, правовой режим частичной изоляции, правовой режим, предусматривающий применение средств электронного контроля и не предполагающий применения данных средств [6].

Ранее законодатель однозначно определял, что ограничения связаны со свободой перемещения, а к запретам относятся контакты с определенными лицами, получение и отправка корреспонденции, а также проведение переговоров с использованием других средств связи. Соответственно в предыдущей редакции УПК РФ был предусмотрен более строгий перечень именно запретов. Следовательно, в настоящее время суд может по всем предусмотренным ограничениям принять процессуальное решение только об ограничении, а не о запрете осуществлять определенную деятельность. Вместе с тем, на наш взгляд, можно считать удачным указание на то, что относительно выхода из жилого помещения законодатель предусмотрел возможность именно запрета, а не только ограничения передвижения, поскольку по смыслу данной меры пресечения следовало бы запретить в целом покидать жилище, иначе домашний арест превращается в другую меру пресечения, например в подписку о невыезде с дополнительными запретами и ограничениями.

Многие авторы придерживаются точки зрения о том, что изоляция от общества, от любых контактов с внешним миром являются обязательной характеристикой домашнего ареста [7]. При этом в качестве аргументов данной позиции приводят суждения о том, что в случае посещения лицом мест, связанных с образовательной, медицинской системой, дозволение ему продолжать исполнять служебные обязанности не позволяет установить реальность исполнения меры пресечения и затрудняет контроль за ее реализацией [8]. Д.А. Воронов считает, что домашний арест не должен предоставлять права выхода за границы жилого помещения. В качестве замены существующей на данный момент практики частичной изоляции он предлагает закрепить меру пресечения «запрет или ограничение определенных действий», который бы не запрещал лицу покидать жилое помещение, а реализация

других ограничений контролировалась бы электронными средствами, тождественными тем, что применяются при домашнем аресте [9].

Более логичным нам видится то, что домашний арест как мера пресечения должен отличаться от заключения под стражу только местом реализации, ибо вместо дорогостоящего для государства содержания лица в следственном изоляторе предоставляется возможность перенести место исполнения меры пресечения в место жительства лица.

Суд при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста обязан решить вопрос о возможности лица, осуществлять прогулки (в соответствии с ч.3 ст.7 Конституции РФ «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь»).

Вместе с тем Постановление Пленума Верховного суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», устанавливая возможность покидать жилое помещение для прогулок, для посещения учебного учреждения и суда, должен определить, в какие периоды дня и сколько по продолжительности могут занимать данные действия. Представляется, что такое положение даёт суду возможность довольно расширительно толковать указанное положение, т. е. по усмотрению суда прогулки могут занимать как, например, 1 час в день, так и, допустим, 3–4 часа.

В соответствии с практикой применения данной меры пресечения суд часто указывают на запрет «покидать без разрешения органов следствия и суда постоянное место жительства, кроме случаев посещения медицинских учреждений по медицинским показателям, ближайшего к месту жительства продовольственного магазина, правоохранительных органов, прокуратуры и суда по повесткам», т. е. в постановлении суда не определено время посещения данных мест. Иначе говоря, лицо, к примеру, могло бы находиться вне места реализации меры пресечения более двух часов, мотивируя это нахождением в магазине или медицинском учреждении. Суд может в итоге не устанавливать строгих ограничений по времени и определить промежутки, в течение которых лицо может покидать жилое помещение.

Таким образом, предлагаем изложить ч. 9 ст. 107 УПК РФ в следующей редакции: «В решении суда об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста указываются условия исполнения этой меры пресечения (место, в котором будет находиться подозреваемый или обвиняемый, срок домашнего ареста, время, в течение которого подозреваемому или обвиняемому разрешено находиться вне места исполнения меры пресечения в виде

домашнего ареста; запреты и (или) ограничения, установленные в отношении подозреваемого или обвиняемого; места, которые ему разрешено посещать. Отдельно должно быть определено время для прогулок (не более одного часа в сутки), а также территория, в пределах которой должно находиться лицо» [10].

При этом ни в УПК РФ, ни в постановлении Пленума Верховного суда РФ не указано, как осуществлять контроль за лицами во время их пребывания вне жилища, и как в таком случае обеспечить исполнение предписаний об ограничении контактов с теми или иными лицами, использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В п. 10 ч. 1 ст. 5 УПК РФ даётся такое определение жилища: «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания».

В п. 38 Постановления Пленума Верховного суда «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» даётся понятие жилого помещения – «любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям» [11].

Если толковать уголовно-процессуальный закон буквально, то можно сделать вывод о том, что при реализации меры пресечения в виде домашнего ареста, лицо должно находиться либо по месту проживания на законных основаниях, либо по месту прохождения лечения.

Возникает вопрос о порядке определения места проживания: будет ли это место регистрации лица или место фактического проживания. В п. 37 Постановления Пленума Верховного суда «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» указано, что должностное лицо обязано проверить основания проживания в жилом помещении. В качестве примера приводится наличие договора найма и срок его действия или при временной регистрации на территории РФ установление соответствия места регистрации месту проживания и срок действия регистрации.

А.В. Миронова считает, что должностное лицо должно совершить целый ряд действий, направленных на установление реальности проживания лица по месту регистрации: провести осмотр жилого помещения, допросить соседей и т. д. [12].

Т.Ю. Галыгина и Е.И. Шигурова полагают, что мнение лиц, которые проживают вместе с лицом, не должно учитываться судом при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения, так как это не затрагивает права и свободы этих лиц [13].

Вместе с тем другие авторы не согласны с данной позицией и считают, что права и свободы данных лиц могут затрагиваться при реализации данной меры пресечения, например, когда для осуществления контроля за лицом ведётся запись телефонных переговоров [14].

Если обратиться к вышеуказанному постановлению Пленума Верховного суда, можно сделать вывод о том, что хотя лица, которые проживают совместно с обвиняемым (подозреваемым), не привлекаются должностным лицом для получения их согласия на установление указанных ограничений, связанных с пребыванием субъекта под домашним арестом в их общем жилом помещении, они вправе обжаловать судебное решение об избрании домашнего ареста в виде меры пресечения, при наличии доказательств, что ее исполнение затрагивает их права и законные интересы.

Ограничения и запреты, связанные с общением с определенными лицами, могут исходить из того, что лицо может угрожать другим лицам, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве по делу, а также в попытках установить контакт с соучастниками, передать им сведения, которые не подлежат разглашению, так как это может помешать процессу расследования и разрешения по существу уголовного дела.

Так, В.В. Климов вполне обоснованно считает, что в постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста суд должен конкретно указывать перечень лиц, с которыми запрещено общаться обвиняемому (подозреваемому). Он считает, что закрепление запрета об общении с лицами, у которых аморальный образ жизни, являющихся ранее судимыми, злоупотребляющими спиртными напитками и незаконно употребляющими наркотические средства, не является эффективным, так как представляет сложности при осуществлении контроля их исполнения [15].

Суды расходятся в практике при применении данного ограничения. Так, некоторые суды указывают на запрет общаться вообще с кем-либо, за исключением близких родственников.

С учётом сказанного, полагаем, что в данном случае необходимо изменить п. 2 ч. 7 ст. 107 УПК РФ и изложить его в следующей редакции: «2) общение со всеми лицами, являющимися обвиняемыми (подозреваемыми), потерпевшими, свидетелями, а также их родственниками, по уголовному делу, в рамках которого избирается настоящая мера пресечения, и иными лицами».

Следующим ограничением является получение и отправление почтово-телеграфной корреспонденции. Федеральным законом от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» регулируются общественные отношения в сфере почтовых и телеграфных отправлений. В данном нормативно-правовом акте указано, что под почтовым отправлением понимается адресованная письменная корреспонденция, посылки, прямые почтовые контейнеры. Под письменной корреспонденцией подразумеваются простые и регистрируемые письма, почтовые карточки, секограммы, бандероли и мелкие пакеты. Термин «телеграфное отправление» или сообщение не предусмотрен законодателем.

Довольно спорны решения судов об ограничении в использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Так, если суд вводит ограничение на использование данного ресурса, то он должен указать, в чём конкретно лицо ограничивается. Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда суд просто указывает на то, что лицо ограничено в использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», но не раскрывает перечень ограничений. Возникает вопрос, в данном случае суд имеет в виду запрет в использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или не указывает ограничений, что является их отсутствием.

А.В. Квык указывает на то, что даже при наличии в помещении аудиовизуальных средств контроля не обеспечивается в полной мере реализация запретов и ограничений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», потому что невозможно определить, какие именно действия осуществляет за компьютером лицо, так как возможности беспроводного соединения Wi-fi позволяют подключиться к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» из любого участка помещения [16].

Также следует отметить, что для осуществления контроля за соблюдением запретов и (или) ограничений на отправку почтово-телеграфных отправлений, использования информационно-телекоммуникационной сети

«Интернет» необходимо наличие возможности получать информацию об этих действиях. Таких полномочий ФСИН РФ законодателем не предоставлено.

Таким образом, учет правоприменителем вышеизложенных рекомендаций по применению домашнего ареста будет способствовать, на наш взгляд, успешному решению задач уголовного судопроизводства, закрепленных законодателем в ст. 6 УПК РФ.

Список литературы

1. Светочев В.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: моногр. – Калининград: Калинингр. ЮИ МВД РФ России, 2010. – С.56.
2. Муравьев К.В. Оптимизация законодательства о мерах пресечения // Рос. следователь. – 2017. – №2. – С.30.
3. Воронов Д.А. Домашний арест как мера безопасности: состояние и перспективы развития // Изв. АлтГУ. – 2013. – №2 (78). – С.87.
4. Климов В. В. Проблемы применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России // Вестн. БГУ. – 2011. – №2. – С.245.
5. Колоскова С.В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 28.
6. Шамсутдинова Р.З. Процессуальные особенности применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия Экономика и право. – 2013. – №2. – С.201.
7. Миронова А.В. Вопросы ограничения личной свободы в связи с применением домашнего ареста // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2014. – № 10. – С.106.
8. Галыгина Т.Ю., Шигурова Е.И. Домашний арест: проблемы теории и практики применения действующего законодательства // Огарёв-Online. – 2016. – №13 (78). – С.2.
9. Квык А.В. Процессуальные аспекты установления ограничений на использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста и проблемы их исполнения: сб. науч.-практ. тр. – 2016. – №2. – С.82.
10. Ермасов Е.В., Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш. Вопросы совершенствования и практика реализации меры пресечения в виде домашнего ареста в деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Уголовное право. – 2016. – № 1. – С.135.
11. Афанасьев М.Ф. Осуществление контроля за подозреваемым и обвиняемым при избрании к ним меры пресечения в виде домашнего ареста // Ведомости уголовно-исполнительной системы: информ.-аналит. журн. – 2016. – №9 (172). – С. 40.

12. Бурмакин Г.А., Габарева А.Ш. О некоторых проблемах применения электронных средств контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения пресечения в виде домашнего ареста // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – №1(176). – С.7.

13. Колбасова Е. В. Механизм применения электронных средств контроля и надзора за осужденными к ограничению свободы // Юрид. наука. – 2011. – № 3. – С.55.

14. Меры пресечения, не связанные с изоляцией подозреваемого, обвиняемого: науч.-практ. пособие / С.И. Данилова, Г.В. Костылева, И.Е. Муженская, О.И. Цоколова. – М.: ФГКУ ВНИИ МВД России, 2012. – С.43.

15. Романова С.В. Практика применения электронных браслетов: история и современность // Концепт. – 2015. – №2. – С.4.

16. Овчинников Ю.Г. Практика использования средств персонального контроля при применении домашнего ареста // Рос. следователь. – 2014. – № 16. – С.55.

Статья поступила 10.03.2020 г.

Сведения об авторах

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: akishin-mo@yandex.ru

Алексеева Евгения Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и энергетического права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. E-mail: jenn08@mail.ru

Андреева Елена Михайловна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: Elenaandreeva09@mail.ru

Бабич Марина Виленовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российский государственный архив древних актов, Москва. E-mail: mbabich1@yandex.ru

Белоусова Евгения Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии. E-mail: lifegale777@yandex.ru

Беляков Владислав Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург. E-mail: navy1000@yandex.ru

Бобракова Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: nv.bobrakova@gmail.com

Бородушко Ирина Васильевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: bi08@me.com

Барвенко Алексей Сергеевич – начальник факультета правоохранительной деятельности, Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск. E-mail: dvui@mvd.ru

Гоголевский Александр Владимирович – доктор исторических наук, профессор, советник ректора по международным связям и интернационализации образования, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: a.gogolevskiy@lengu.ru

Желонкин Сергей Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, зам. зав. кафедрой гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. E-mail: spbumvd@yandex.ru

Жукавин Виталий Владимирович – начальник факультета юриспруденции, Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск. E-mail: dvui@mvd.ru

Запольский Сергей Васильевич – доктор юридических наук, зав. сектором финансового, налогового, банковского и конкурентного права, Институт государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, Москва. E-mail: zpmoscow@mail.ru

Кокорин Игорь Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: only_igor@mail.ru

Константинов Кирилл Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: kirry11@mail.ru

Лазаренкова Ольга Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: lazarenkova_olga@mail.ru

Маюров Павел Николаевич – аспирант юридического факультета, Университет при МПА ЕврАзЭС. E-mail: mayurov2010@mail.ru

Минченков Егор Николаевич – лаборант-исследователь, НОЦ урбанистики и киберантропологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. E-mail: apparat@lengu.ru

Наумов Виктор Борисович – кандидат юридических наук, Институт государства и права РАН, партнер международной юридической фирмы Dentons. E-mail: nau@russianlaw.net

Павлик Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: pavlik-mu@mail.ru

Ромашов Роман Анатольевич – доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; профессор кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; профессор кафедры теории и гражданско-правовых дисциплин, Институт Петрозаводского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Сокольский Георгий Юрьевич – ст. преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: 9964998@outlook.com

Степанов Радик Геннадьевич – кандидат юридических наук, декан юридического факультета, Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии. E-mail: stepanovrg@bk.ru

Сухомлинова Людмила Александровна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России. E-mail: sukhomlunovalow@gmail.com

Тарасевич Ксения Александровна – ст. преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, юрист 2 класса. E-mail: 89219505168lgu@gmail.com

Токарева Екатерина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: ekaterina.tokareva.75@mail.ru

Шепелёва Ольга Ринатовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: zagirova_or@mail.ru

АВТОРАМ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ

К публикации в Ленинградском юридическом журнале принимаются статьи, отражающие широкий спектр вопросов современной юриспруденции.

Необходимым условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя. Рецензирование поступивших в редакцию материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Материалы, направляемые в редакцию по электронной почте lenjurmag@lengu.ru, должны быть представлены тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Фамилия автора помещается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

Ссылки на литературу оформляются постранично, нумерация сквозная.

В конце статьи приводится список литературы (не менее 5–7 позиций).

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить стилистическую и корректорскую правку (не меняющую смысл) авторского текста.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

*196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское ш., 10
тел. 8 (812) 470-56-74, 8 (812) 451-83-49*

Для заметок

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2020
№ 1 (59)

Редакторы: *Т. Г. Захарова, А. А. Титова*
Технический редактор *Е. Ю. Березина*
Оригинал-макет *Е. Ю. Березиной*

Подписано в печать 30.03.2020. Формат 70x90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11. Тираж 500 экз. Заказ № 1627

Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10